

МАЙ — 2012

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ФАНТАСТ
ИВАН ЕФРЕМОВ:
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО МЕЧТЕ **с. 42**

МЕЧТАТЬ ПОЛЕЗНО

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НАУЧИЛОСЬ МЕЧТАТЬ НА ЗАРЕ СВОЕГО существования. С тех пор вся суть прогресса нашей цивилизации сводится, если упрощенно, к тому, «чтобы сказку сделать былью». Но, пожалуй, мало где еще в мире зашли в этой пассионарной попытке так же далеко, как у нас в стране.

Наши предки веками мечтали-мечтали, а затем предприняли нечеловеческий – фантастический в буквальном смысле этого слова – рывок, чтобы воплотить в одном строем сразу все лучшие мечты человечества. Прежде всего – мечту о справедливости. Устроение справедливости в одной отдельно взятой стране было предпринято с невообразимым размахом и преубеждением миллионами человеческих жизней. Так мечта, преобразившись в свою противоположность, обрела собственную логику развития. Это и сгубило ее по историческим меркам короткую земную жизнь. Пока одни, писатели, создавали романы-антиутопии, пугая мир призраками тоталитаризма, другие, читатели, опережали их во внедрении на практике не самых лучших писательских фантазий.

Великий советский писатель-фантаст Иван Ефремов мог появиться, конечно же, только в нашей стране. Как и всякий настоящий русский патриот и гуманист, он был твердо убежден, что рассудочная наука сама по себе мертвa и бессмыслenna – до тех пор, пока за ней не проявится гуманистическое начало, философия. В этом смысле фантастика Ефремова – научная. Она как руководство к работе и души, и разума одновременно. Его «Туманность Андromеды» по праву могла бы стать одной из важнейших гуманитарных составляющих в деятельности правящей коммунистической

партии, столь глубоко это произведение (как, впрочем, и «Час Быка») проникнуто верой в неисчерпаемые возможности Человека. Ибо Человек – это и есть Вселенная.

Ефремов искренне верил в то, что «либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо не будет никакого, а будет песок и пыль на мертвой планете». Тот факт, что такого общества, как о том грезили сотни поколений людей, не удалось построить даже в одной стране, еще не означает конца света и гибели человеческой цивилизации. Мечта о торжестве справедливости осталась. И покуда она с нами, не умерла и надежда. ⚡

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР-ТАСС

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

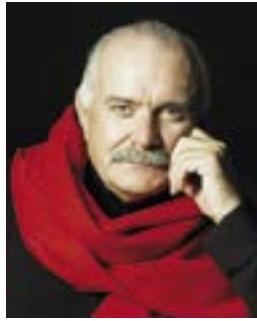
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.
Чрезвычайный
и Полномочный Посол
Российской Федерации
в Республике Молдова

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент Фонда исто-
рической перспективы,
глава отделения Не-
коммерческого фонда
«Институт демократии
и сотрудничества»
в Париже

НИКОНОВ В.А.
Президент
фонда
«Политика»
(исполнительный
директор правления
фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Директор ФГУК
«Государственный
Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.
Министр образования
и науки Российской
Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Член Комиссии при
президенте Россий-
ской Федерации по
противодействию
фальсификации
истории, член Союза
писателей России

НИЧКОВ В.В.
Директор департамен-
та международного
сотрудничества
Минобрнауки
Российской
Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.
Начальник управления
президента Россий-
ской Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ЮРКОВ Е.Е.
Заместитель гене-
рального секретаря
Международной
ассоциации препо-
давателей русского
языка и литературы,
заведующий кафедрой
филологического
факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.
Президент ОАО «Рос-
сийские железные
дороги», председатель
попечительского со-
вета Фонда Андрея
Первозванного и
Центра национальной
славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.
Директор департамен-
та культуры аппарата
правительства Россий-
ской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Заместитель дирек-
тора департамента
Генерального секрета-
риата МИД Российской
Федерации

ШАРКОВ А.С.
Начальник департа-
мента Референтуры
президента Россий-
ской Федерации

РУССКИЙ МИР

- 06** Забытые жертвы репрессий
09 Связь поколений
12 Кадеты и «Оскар»

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 14** «Великий и могучий» с прибалтийским акцентом

РИА Новости

- 30** Три кита
Бориса Любимова

- 24** Потерянный Марс

НАСЛЕДИЕ

- 36** Первый сюжет в свете

РИА Новости

- 42** И лицо, и мысли, и одежда

70 30 тысяч часов

78 Микеланджело
с бензопилой

РЕПОРТАЖ
84 Будни метротрама

ЛЮДИ И ВРЕМЯ
62 Хирургия
в искусстве

СИТУАЦИИ
90 Якутский урок
94 Жить или не жить?

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-54-04, 981-56-95

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Елена ВЛАДИМИРОВА
Дмитрий ИВАНОВ
Александр КОПИРОВСКИЙ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Вера МЕДВЕДЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Вера ТАЛАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
РИА Новости

ЗАБЫТЫЕ ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

«РУССКИЕ ЛАТВИИ – ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ 40–50-Х ГОДОВ XX ВЕКА» – ПОД ТАКИМ НАЗВАНИЕМ В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЕ РИЖСКОЙ ДУМЫ ПРОШЕЛ КРУГЛЫЙ СТОЛ С УЧАСТИЕМ ИСТОРИКОВ, КРАЕВЕДОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВЕНСТВА И ЖУРНАЛИСТОВ. ОРГАНИЗАТОРАМИ МЕРОПРИЯТИЯ СТАЛИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛАТВИИ, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР И РЕЛИГИЙ И ДВИНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО. ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ НЕЗАВИСИМОЙ ЛАТВИИ, ПОЖАЛУЙ, ВПЕРВЫЕ ПУБЛИЧНО БЫЛО СКАЗАНО, ЧТО ЖЕРТВАМИ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ НАРАВНЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТИТУЛНОЙ НАЦИИ БЫЛИ И ИХ РУССКИЕ СОГРАЖДАНЕ.

ОТКРЫВШИЙ КОНФЕРЕНЦИЮ мэр Риги Нил Ушаков (объединение «Центр согласия») поблагодарил организаторов за внимание к трагическим страницам непростого общего прошлого и заметил: «Об этом надо говорить чаще и шире, в противовес насаждаемым иногда стереотипам о том, что в 40-е годы русские выселяли латышей. Это были преступления сталинского режима, жертвами которых стали все жители Латвии, независимо от их этнической принадлежности, – и латыши, и русские, и представители других народов». О том, что от репрессий и депортаций в те годы пострадали практически все этнические группы Латвии, говорили и историки, признавая при этом, что наиболее тяжелый и ощущимый удар был нанесен по русской интеллигенции и православному духовенству. Например, доля русских среди репрессированных в 1940–1941 годах составляла 22 процента (по данным переписи населения от 1935 года, в Латвии проживало около 10 процентов русских граждан – более 200 тысяч). Согласно исследованиям ведущего сотрудника Института истории Латвии Дзинтарса Эрглиса, всех арестованных в тот период русских латвийцев можно

условно разделить на три группы. Первую составили нарушители границы между Латвией и СССР, это в основном были жители приграничных районов, навещавшие своих родственников на сопредельных территориях. Их, как правило, приговаривали к минимальным по тем временам срокам лишения свободы – до пяти лет. Ко второй группе можно причислить представителей разных структур власти – полиции, армии, разведки. Третью, самую многочисленную группу среди репрессированных составляли акти-

Круглый стол состоялся при поддержке Рижской думы и ее председателя Нила Ушакова

висты и рядовые члены различных общественных и культурных русских организаций, большинство из которых было закрыто с введением диктаторского режима К. Ульманиса еще в 1935 году. Тем не менее это мало кого спасло от расправы.

ЮРИДИЧЕСКИЙ НОНСЕНС

Доктор наук, автор монографии «Русские в довоенной Латвии» и научный руководитель справочного интернет-портала www.russkie.lv Татьяна Фейгмане в течение десяти лет занималась исследованием материалов в исторических архивах, записывала и собирала историю русских семей довоенной Латвии, изучила десятки личных дел репрессированных в 40–50-х годах. «Стандартным обвинением против русских, живших в Латвии, как до Первой мировой войны, так и эмигрантов, бежавших из России после 1917 года, было «участие в белогвардейском движении» и сотрудничество с «враждебными» европейскими организациями, – рассказала Татьяна Фейгмане. – Массовые аресты начались в июне–июле 1940 года, как только советские войска вошли на территорию страны. Это говорит о том, что чекисты готовились заранее, и агентура в Латвии работала добросовестно и активно. А с 5 августа, когда Латвия формально вошла в состав СССР, репрессивная машина заработала с новой силой, в качестве источников информации используя в том числе и обычные доносы».

За короткий период была «выкошена» практически вся элита русского общества Латвии – профессора, художники, предприниматели, учёные, врачи, учителя, журналисты, артисты.

...В октябре 1940 года в родном Даугавпилсе был арестован по доносу депутат Сейма Латвии четырех созывов Мелетий Каллистратов, известный защитник интересов русского населения Латвии. Его обвиняли в том, что во время Гражданской войны в России он был офицером белой армии и якобы участвовал в расправах над пленными красноармейцами. Кроме того, ему инкримировалось, что, будучи депутатом Сейма, он входил в буржуазные группировки и «предавал интересы трудового народа Латвии», а также

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЛОГИКА АРЕСТОВ? ЕЕ НЕ БЫЛО

Профессор Латвийского университета, доктор исторических наук Александр Гаврилин особо остановился на репрессиях против православного духовенства. Он подчеркнул, что преследований по этнической принадлежности не было, также невозможно определить какую-либо логику проводимых арестов: она отсутствовала. По словам историка, в июле 1941 года планировалась высылка всего духовенства Латвии, священнослужителей обвиняли в основном в «антисоветской пропаганде», под которую могла попасть любая проповедь. Приговаривали, как правило, к десяти годам исправительных работ в трудовом лагере. После окончания войны репрессии продолжились, к обвинительным статьям добавились новые – «измена родине» и «сотрудничество с оккупационными властями», за что были осуждены священнослужители из Псковской православной миссии. Усилиями Псковской миссии в годы фашистской оккупации было возрождено более 400 храмов в Псковской и Ленинградской областях, что, конечно, было невозможно без согласия немецкой администрации. По ст. 58 п. 3 при желании можно было приговорить любого жителя Латвии, который работал в условиях оккупационного режима, а значит, «входил в сношения с представителями иностранного государства». «В 1940–1952 годах было репрессировано почти 50 процентов латвийских православных священнослужителей», – сказал историк. – Ни одна церковь Латвии так не пострадала от преступлений сталинского режима, как православная. Нам известны имена 48 священников и 8 дьяконов, но к ним еще нужно добавить и тех, кто бесследно пропадал по дороге в тюрьмы, таких тоже было немало».

О своей судьбе рассказала пришедшая на конференцию дочь «врага народа» Тамара Стахиевна Никифорова. Она принесла написанные ею воспоминания «Баржа на Оби», недавно изданные в Риге. Ее отец был офицером царской армии, героем Первой мировой войны, затем – участником Белого движения, воевавшим под командованием генералов Деникина и Корнилова. В Латвии Стахий Никифоров

являлся организатором «контрреволюционной партии». В ходе «следствия» Мелетий Каллистратов не отрицал, что добровольно вступил в белую армию, но остальные обвинения не признал. Окончательное решение по данному делу должно было принять Особое совещание Народного комиссариата внутренних дел СССР, однако сделать это оно не успело. 22 июня 1941 года началась война. Немецкие войска приближались к Даугавпилсу. Покидая город, чекисты расстреляли большую часть заключенных Даугавпилской тюрьмы. Так в возрасте 45 лет оборвалась жизнь одного из самых известных русских политических деятелей Латвии – Мелетия Каллистратова.

…Известный юрист Петр Якоби, чьи разработки легли в основу многих законодательных актов независимой Латвии, долгие годы был председателем «Русского национального союза», редактировал созданный по его инициативе журнал «Закон и суд», переводил французских поэтов и сам писал стихи. Его арестовали в день официального принятия Латвии в состав СССР, 5 августа 1940 года. По воспоминаниям внучки, Людмилы Сергеевны Флам, это произошло так: «К дому подъехала желтая машина. Из нее вылезли двое, спросили дедушку. Потом вошли в дом. Мне велели остаться в саду. Потом вместе с дедушкой стали садиться

в машину. На мой вопрос дедушка ответил: «Еду в город по делам». Благословил, поцеловал, и все...» Во время многочасовых допросов Петр Николаевич показал себя как опытный юрист. Пожалуй, это единственный человек, заявивший, что считает суд над собой юридическим нонсенсом, поскольку его нельзя судить за действия, совершенные им до 5 августа, когда он был гражданином другого государства... Показательна строка из так называемого наблюдательного дела, где на вопрос, можно ли вербовать его и для какой работы, значилось: «Нет, так как по своим убеждениям и взглядам является монархистом; от вербовки отказывается и на нее не пойдет». В результате – десять лет исправительно-трудовых лагерей, пять лет поражения в правах, конфискация имущества. Скончался Петр Якоби 26 августа 1941 года под Котласом.

Арестам с последующей отправкой в сибирскую ссылку подверглись тысячи русских семей Латвии, выжить и вернуться домой (после 1956 года) удалось единицам. Как считают историки, репрессии сталинского режима нанесли ощутимый удар по русской интеллигенции Латвии. В 1944 году многие, опасаясь новых гонений, предпочли эмигрировать из страны на Запад, в результате чего послевоенная Латвия фактически лишилась цвета нации – русской, латышской, еврейской.

ров был активным участником многих русских просветительных организаций и клубов, состоял в «Обществе друзей гайд и скаутов русской национальности», действовавшем в Латвии до 1935 года, но и после закрытия общества продолжал заниматься с ребятами из скаутских дружин. 14 июня 1941 года семья Никифоровых в числе еще 15 тысяч жителей Латвии была депортирована в Сибирь. «Мне тогда было 12 лет, моей младшей сестре – 11. Я помню, как чекисты на рассвете ворвались к нам в дом, устроили жуткий разгром, затем всех нас – папу, маму, бабушку, у которой от страха в тот момент парализовало ноги, и меня с сестренкой – посадили в грузовик, разрешив взять лишь самые необходимые вещи. По пути на станцию мы встретили очень много грузовиков, заполненных людьми, никто не понимал, куда и зачем нас везут. Нас пересадили в грязные товарные вагоны, в каждый набирали по 30 человек. И латыши, и русские, и евреи, и поляки – кого тут только не было! И практически никто не догадался взять с собой еду и посуду. Это был ад. Через пару дней всех глав семей перевели в другой эшелон. Так мы расстались с папой, как оказалось, уже навсегда. Через год он был расстрелян в лагере. В конце июня мы добрались до Новосибирской области, вскоре нас, более 3 тысяч человек, пересадили на баржу, где на всех был всего один туалет. Баржа шла по Оби несколько дней, по дороге высаживая группы людей. Мы попали в самую дальнюю точку, в край непроходимых болот – Васюганье. А дальше были холод и голод, смерть бабушки и мамы, детский дом...». Представитель объединения ЦС Янис Круминьш добавил, что практически такую же историю он слышал от своей тетушки. «Она тоже прошла все эти круги ада, дожила до 92 лет. Из ее рассказов мне врезалось в память то, что от голода и гибели в ссылке их не раз спасали простые сибиряки. На латышском языке издано немало воспоминаний бывших репрессированных, и они во многом похожи. Но я в первый раз слышу, как об этом публично рассказывают в русской аудитории, и это очень правильно – сталинский режим по национальностям не делил людей, и русским Латвии досталось не меньше, чем латышам», – заметил Янис.

О трагических судьбах латвийских староверов рассказали краевед из Латгалии Владимир Никонов (слева) и глава старообрядческой Поморской церкви Латвии Алексей Жилко

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

УДАР ПО СТАРОВЕРАМ

В довоенной Латвии в разные годы выходило более 200 периодических изданий на русском языке, все они были закрыты в 1940 году. Как рассказал известный рижский историк Борис Равдин, большинство их издателей и журналистов были арестованы и сосланы за Урал либо расстреляны. А уцелевших при большевиках представителей пишущей братии, среди которых было много евреев, потом уничтожили фашисты. Тяжелые потери понесла и старообрядческая церковь Латвии. «Память о сотнях сгинувших в застенках ЧК или погибших от голода и холода в Сибири деятелях староверия взвыает к нашей совести, мы должны восстановить судьбу всех репрессированных духовных наставников, их историю и передать нашим потомкам», – сказал председатель правления Старообрядческого общества Латвии Илларион Иванов. Он посвятил свое сообщение трагической судьбе Василия Кудрячева, возглавлявшего рижскую Гребенщиковскую общщину с 1924 по 1941 год. Долгое время у староверов не было никаких сведений, что же случилось с 72-летним Василием Григорьевичем после того, как 14 июня 1941 года сотрудники местного ГБ увезли его в «черной берте» в неизвестном направлении. Кудрячев не только возглавлял Гребенщиковскую общщину, но и содержал на личные средства одну из старейших богаделен Риги, был попечителем общества по воспитанию детей из бедных семей, в 1937 году он построил просторное здание для детей-сирот, издавал журнал для староверов. Во времена диктатуры Ульманиса под руководством Кудрячева удалось даже провести собор староверов Балтийских стран. За заслуги в сфере благотворительности и духовного просветительства он был награжден правительственным орденом «Признание». «И вот такого заслуженного, уважаемого, немолодого уже человека арестовывают как «социально опасного элемента», – рассказал Илларион Иванов. – И на его личном деле, на обложке, фамилию записывают неправильно: Кудрячев на какое-то время становится Кудрявцевым. И далее запись, сделанная следователем: «Работает кассиром в костеле у Гребенцова». Тут две версии: или ГБ было все равно – что костел, что община, или Василий Григорьевич сознательно постарался не навлекать на общину опасное внимание следственных органов, отчего и назывался кассиром. Но из-за того, что была перепутана фамилия арестованного, мы смогли узнать о его судьбе буквально недавно, изучая архивы. Василий Григорьевич умер в сентябре 1941 года в Усоль-ЛАГе, не дождавшись вынесения приговора».

Еще более трагически сложилась судьба генерал-майора царской армии, героя русско-японской и Первой мировой войн старовера Михаила Афанасьевича, который в 1920 году, закончив службу у Юденича, вернулся в латвийское имение своей жены в Режице (нынешний город Резекне). Как выяснил местный краевед Владимир Никонов, генерал с того времени политикой не занимался, но в политуправлении на заметке все же стоял – как приверженец монархизма. Об этом краеведу рассказал сын Афанасьева, которого ему удалось найти в Сан-Франциско. Осенью 1940 года Афанасьев был арестован чекистами как активный участник контрреволюционной монархической организации. Помимо этого ему вменялись в вину «эксплуатация батраков из числа местных жителей» и недонесение о подготовке Кронштадтского восстания. Михаил Афанасьев признал службу в армии Юденича, но все остальные обвинения отверг. Военный трибунал приговорил его к расстрелу, приговор привели в исполнение 22 июня 1941 года.

В память русских Латвии – жертв сталинских репрессий на средства общества «Мемориал» в подворье Свято-Троицкого монастыря был установлен памятный камень. Тогда же усилиями известного писателя и ведущего специалиста по истории русской культуры Прибалтики Юрия Абызова, умершего в 2006 году, было начато составление мартиролога представителей русской интеллигенции, подвергшихся репрессиям после установления власти большевиков в Латвии. Пока собраны имена 145 погибших и 800 депортированных, но списки эти неполные, и работу необходимо продолжать. Как заверил участников конференции председатель Центрального совета Латвийской старообрядческой Поморской церкви и наставник Даугавпилсской старообрядческой общины Алексей Жилко, списки репрессированных деятелей староверия в общине тоже существуют. Родилась идея о создании хотя бы в электронном виде справочника с информацией обо всех русских Латвии, ставших жертвами сталинского режима. ●

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕДЬМАЯ ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ РОССИЙСКОЙ ПРЕМИИ ЛЮДВИГА НОБЕЛЯ ПРОШЛА В ДРЕВНЕМ ЯРОСЛАВЛЕ.

БОРОД, ОТМЕТИВШИЙ В 2010 году свое тысячелетие, в конце марта съехались гости, известные не только в России, но и во всем мире. В фойе старейшего театра страны, Государственного академического театра драмы им. Федора Волкова, в этот день можно было встретить знаменитых космонавтов – Алексея Леонова и Валентину Терешкову, выдающегося артиста балета, хореографа и режиссера Владимира Васильева, известного детского хирурга профессора Леонида Рошаля и многих других... Российская премия Людвига Нобеля была учреждена семь лет назад

санкт-петербургским Фондом возрождения памяти русского промышленника и мецената Людвига Нобеля. Это имя сегодня, увы, не слишком часто вспоминают в России, а ведь Людвиг Эммануилович Нобель был одним из тех выдающихся российских предпринимателей, что стояли у истоков отечественной нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Людвиг, как и два его брата – старший, Роберт, и младший, Альфред, – родился в Швеции. Но после того, как семья эмигрировала в Россию и обосновалась в Санкт-Петербурге, вся жизнь Людвига Нобеля была посвящена служению новой родине. До 1859 года он работал на механическом заводе своего отца в столице империи. Затем предприятие обанкротилось, но в 1862 году упрямый швед возродил производство, создав новый «Механический завод «Людвиг Нобель». Здесь выпускалась широкая линейка продукции – от винтовок, снарядов и мин до различных станков и паровых машин. В 1874 году Роберт Нобель поехал на Кавказ в поисках крупной партии ореховой древесины: завод братьев получил от российского правительства крупный заказ на производство ружей. Прибыв в Баку, Роберт был сражен бушевавшей здесь тогда «нефтяной лихорадкой» и, не посоветовавшись

с Людвигом, купил за 25 тысяч рублей нефтеперегонный завод и несколько нефтеносных участков. Так началась история «российских нефтяных королей». В 1879 году Роберт, Людвиг и Альфред Нобели учредили нефтяную компанию «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» («Бранобель»). Всего через несколько лет «Бранобель» стало одним из ведущих игроков нефтяного рынка, а в начале XX века компания уже владела 11 перерабатывающими заводами (в том числе и в Ярославской губернии, где помимо этого у Нобелей были две крупнейшие на Верхней Волге нефтебазы, судоверфь, речное училище, филиалы банков и т.д. – Прим. ред.), а также нефтепромыслами на Апшероне, в Грозненском районе, на Кубани, в Ферганской долине и т.д. К 1910 году «Бранобель» контролировало 20 процентов всего производства керосина на Апшероне. Людвиг Нобель был одним из первых российских промышленников, кто догадался привлекать к работе ведущих ученых и инженеров, в том числе великого химика Дмитрия Менделеева и гениального инженера Владимира Шухова. До 1918 года включительно «Бранобель» являлось самой крупной российской нефтяной компанией. Даже всемогущая американская Standard Oil Джона Рокфеллера вела переговоры с братьями о покупке «Бранобель», однако Нобели от предложения отказались.

Именно Людвиг Нобель был учредителем и спонсором Русского технического общества, именно он стал инициатором введения в России метрической системы мер, профинансируя реализацию этого проекта. Он щедро выделял деньги и на исследования отечественной Академии наук.

Людвиг Нобель скончался в 1888 году и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге. В том же году «Бранобель» учредило премию имени Людвига Нобеля, которую было решено присуждать раз в пять лет за исследования и разработки в области науки и техники. Первым ее лауреатом в 1896 году стал инженер Алексей Степанов за исследование «Основы теории ламп». С 1917 года премия не вручалась.

Легендарный космонавт Алексей Леонов получил премию за своего коллегу, Сергея Крикалева, который не смог присутствовать на церемонии

Один из лауреатов премии прошлых лет – всемирно известный детский доктор Леонид Рошаль

В отличие от «Бранобель» Фонд возрождения памяти русского промышленника и мецената Людвига Нобеля, возродивший премию имени Людвига Нобеля в 2005 году, проводит церемонии награждения ежегодно. Лауреатами премии за это время стали композитор Александра Пахмутова, международный гроссмейстер Марк Тайманов, Герой Советского Союза, Герой России Артур Чилингаров, летчик-космонавт, генерал-майор авиации Алексей Леонов, доктор физико-математических наук Сергей Капица, певица Елена Образцова, поэт Евгений Евтушенко, художник Михаил Шемякин, президент организации «Врачи без границ» Ксавье Эммануэли, кинорежиссер Станислав Говорухин, директор Государственного музея изобрази-

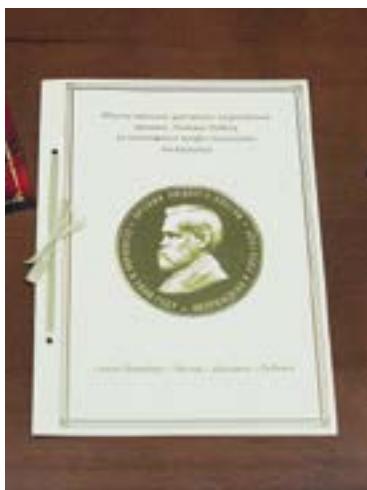
тельных искусств им. А.С. Пушкина Ирина Антонова, международный гроссмейстер, президент Международной ассоциации фондов мира Анатолий Карпов и многие другие деятели науки и культуры.

...За день до проведения седьмой церемонии награждения в Ярославле прошла пресс-конференция, на которой были представлены эскизы будущего памятника Людвигу Нобелю, разработанные шведским скульптором Гудмаром Оловсоном. Памятник планируется установить в Рыбинске, где в июле прошлого года в честь 180-летия со дня рождения Людвига Нобеля уже был установлен памятный камень. В тот же день в Ярославле состоялось открытие эксклюзивной выставки «Русский Нобель», подготовленной Фондом Людвига Нобеля совместно с Фондом исторической фотографии имени Карла Буллы. Торжественную церемонию вручения премии открыл губернатор Ярославской области Сергей Вахруков, который в своем выступлении подчеркнул, что ярославцы стараются бережно относиться к истории своей земли и с огромным уважением хранят память о тех людях, которые внесли немалый вклад в развитие Ярославского края. «Я искренне благодарен руководителям Фонда Людвига Нобеля за то, что они выбрали Ярославль местом проведения очередной церемонии вручения премии, – от-

метил он. – Династия русских Нобелей внесла огромный вклад в социально-экономическое развитие Ярославского края».

Зал стоял приветствовал лауреатов прошлых лет, когда Алексей Леонов, Владимир Васильев, Валентина Терешкова, Марк Тайманов и Ксавье Эммануэли были приглашены занять почетные места на сцене. Затем с приветствием ко всем собравшимся обратились Евгений Лукошков и Анна Яковleva, представлявшие руководство Фонда Людвига Нобеля. Они отметили, что цель премии – объединить достойнейших граждан Отечества, которых по праву можно назвать цветом нации. По мнению организаторов, Российская премия Людвига Нобеля восстанавливает связь поколений, соединяя историю XIX века и XX столетия. Ну а сама церемония награждения началась лишь после того, как на сцену была торжественно вынесена Почетная книга лауреатов, в которой обязательно расписываются все обладатели премии. В 2012 году наград Фонда Людвига Нобеля удостоились: девятикратная олимпийская чемпионка, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, легендарная гимнастка, завоевавшая наибольшее количество олимпийских медалей за всю историю спорта среди женщин (9 золотых, 5 серебряных и 4 бронзовые. – Прим. ред.), Лариса Латынина; заслуженный тренер РФ, мастер спор-

та, арбитр международной категории Михаил Бобров, один из четырех альпинистов, маскировавших шпили и купола блокадного Ленинграда (кстати, «Русский мир.ru» подробно рассказывал о судьбе и заслугах Михаила Михайловича в статье «Хранитель ангела» – см.: 2010, №8); космонавт, Герой Советского Союза, Герой России, чей рекорд по суммарному пребыванию в космосе (свыше 803 суток за шесть стартов) до сих пор не побит, Сергей Крикалев; общественный деятель и меценат барон Эдуард фон Фальц-Фейн (Лихтенштейн) – благодаря усилиям этого человека в Россию вернулась часть библиотеки Дягилева-Лифара, был перезахоронен на родине прах Федора Шаляпина, в швейцарском городке Гларусе был открыт музей А.В. Суворова, а в германском Цербсте – Екатерины II.

Первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова также является обладательницей премии

Премия имени Людвига Нобеля вручается ведущим деятелям науки, искусства и спорта с 2005 года

Вместе с руководителями фонда премию Ларисе Латыниной вручал Владимир Васильев, сообщивший залу, что в детстве Лариса Семеновна вообще-то мечтала стать балериной. «Нашего полку прибыло! – вручая новому лауреату памятную медаль, подчеркнул Васильев. – Низкий вам поклон от всех нас за ваши награды, за вашу работу». «Я волнуюсь сейчас не меньше, чем перед выходом на Олимпийских играх, – принимая награду, ответила Лариса Латынина. – Я хочу поблагодарить всех за оказанную честь. Я всю жизнь делала только то, что умела и любила. И сейчас моя работа связана с гимнастикой: в нашей спортивной школе в Обнинске занимаются 1300 детей».

Следующим на сцену вышел Михаил Бобров, принимавший награду из рук Марка Тайманова и руководителей Фонда Людвига Нобеля. «Я думаю, не только все петербуржцы, но и весь цивилизованный мир благодарен вам. Ваша роль в спасении нашего родного города неоценима, – отметил международный гроссмейстер. – Поздравляю вас от всей души».

Еще два лауреата – Сергей Крикалев и барон Эдуард фон Фальц-Фейн – на церемонии награждения присутствовать не смогли. За своего коллегу награду получил летчик-космонавт Алексей Леонов, сообщивший, что Сергей Крикалев на кануне заболел гриппом. А вместо барона фон Фальц-Фейна на сцену вышел председатель Общественного совета Русскоязычной общины Великобритании князь Никита Лобанов-Ростовский. «Простите, но совсем скоро мой друг Эдуард Александрович отметит свой сотый день рождения, – извинился князь. Зал в ответ взорвался аплодисментами. Дальнейших объяснений причин отсутствия барона на церемонии не потребовалось. – Я с удовольствием передам Эдуарду Александровичу награду, он будет весьма рад».

Настоящим украшением церемонии награждения стали выступления капеллы «Таврическая» под руководством Михаила Голикова, знаменитого джазмена Игоря Бутмана, ректора Санкт-Петербургской консерватории, скрипача Михаила Гантварга и известного гитариста-виртуоза Франсиса Гойи.

Вокальная
группа
Московского
пансиона
государственных
воспитанниц

КАДЕТЫ И «ОСКАР»

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

О ГОЛЛИВУДСКОМ «ОСКАРЕ» МЫ ЗНАЕМ МНОГО. И ГОВОРИМ О ПРЕМИИ АМЕРИКАНСКОЙ КИНОАКАДЕМИИ ДОВОЛЬНО ЧАСТО. СРЕДИ ПРОЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЕМ СОБСТВЕННЫХ ЛАУРЕАТОВ: КАРТИНЫ «ВОЙНА И МИР» СЕРГЕЯ БОНДАРЧУКА, «МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ» ВЛАДИМИРА МЕНЬШОВА, «УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ» НИКИТЫ МИХАЛКОВА. О ТОМ, ЧТО БЫЛ И ЧЕТВЕРТЫЙ ФИЛЬМ-ЛАУРЕАТ, ВСПОМИНАЕМ ПОЧЕМУ-ТО КРАЙНЕ РЕДКО.

В 1975 ГОДУ В НОМИНАЦИИ «Лучший фильм на иностранном языке» заслуженную статуэтку получила в Лос-Анджелесе лента Акиры Курасавы «Дерсу Узала». Режиссер, конечно, японский. Но фильм де-

лялся на наши деньги, играли в нем наши актеры, в том числе Юрий Соломин в главной роли, маркирована картина как советско-японская. Об этом приятном факте напомнили участникам Московского форума молодежно-патриотического экран-

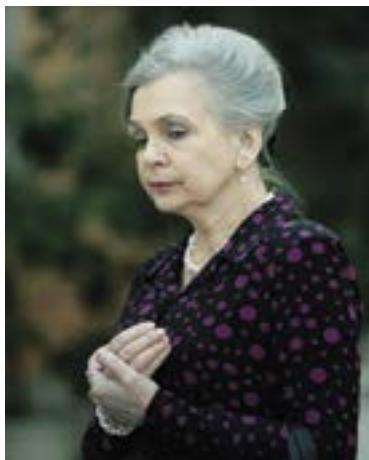
Тот «Оскар»,
да не тот.
Будущий приз
кадетского
кинофорума

Воспитанники
1-го Московского
кадетского
корпуса

Заслуженный
деятель
искусств
России
кинооператор
Анатолий
Петрицкий

Гостья форума
Наталья
Малиновская,
дочь Маршала
Советского
Союза Родиона
Малиновского

ного творчества «Юные таланты Отчизны» воспитанники Кансского морского кадетского корпуса из Красноярского края. Напомнили на языке кино.

Память – это, пожалуй, главное, о чем пытались рассказать в своих работах российские кадеты на форуме, который состоялся 17 апреля в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве. Тема Иванов, помнящих родство, звучала в каждом из показанных на форуме фильмов. Будь то документальная лента о съемках фильма «Дерсу Узала» или трогательный в своей наивности игровой сюжет о жизни русской деревни во время Великой Отечественной войны.

О памяти с чувством благодарности говорили со сцены и авторитетные представители нашего кинематографа, пришедшие в Музей Пушкина оценить творчество учебных киностудий, действующих в российских кадетских корпусах. Среди

них – заслуженный деятель искусств России оператор А. Петрицкий, работавший над картиной «Война и мир», один из главных кинодокументалистов телеканала «Россия», И. Егоров, прекрасный фотомастер Ю. Кавер.

В отличие от многих сегодняшних помпезных киношных мероприятий на форуме обошлось без пафоса.

Может быть, потому, что отечественные кинозвезды и киномэтры, приглашенные в гости к кадетам, посчитали мероприятие недостаточно серьезным и важным. На самом деле – не церемония «Оскар». И даже – не доморощенная «Ника». Пока. Зато пришедшие ощутили тот поток энергии будущего, в нехватке которого маститые мастера так часто упрекают наше общество с монументальных трибун.

Московский форум молодежно-патриотического экранного творчества скромно, но убедительно показал: есть среди нового поколения те, кто на память не жалуется, и те, кому никакие дороги взрослой жизни не страшны. Даже такие сложные, что покорялись когда-то «Дерсу Узале».

«ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ» С ПРИБАЛТИЙСКИМ АКЦЕНТОМ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

- А НАМ НАША УЧИЛКА ГОВОРИЛА НА УРОКЕ... - НАЧИНАЕТ РАССКАЗЫВАТЬ ДЕВЯТИКЛАССНИК ИЗ ЛАТВИИ.
- КАКАЯ «УЧИЛКА», ТАК НЕЛЬЗЯ ПО-РУССКИ ГОВОРИТЬ, ЭТО НЕВЕЖЛИВО! - ПОПРАВЛЯЕТ ЕГО СТУДЕНТКА ИЗ ЭСТОНИИ.
- ПРАВДА? А Я НЕ ЗНАЛ, - УДИВЛЯЕТСЯ ЛАТЫШ.

ТАКИЕ МАЛЕНЬКИЕ языковые открытия гости из Литвы, Латвии и Эстонии делали все три дня своего пребывания в Санкт-Петербурге. Кто-то узнал, как правильно ставить ударение в словах «Петропавловская крепость», кто-то после долгих тренировок без запинки смог произнести слово «достопримечательность». На II Фестиваль русского языка в странах Балтии приехали 60 участников из самых разных городов. Среди них есть как школьники и студенты, так и преподаватели, кто-то говорит по-русски с детства, а кто-то познакомился с нашей азбукой только в средней школе. Но всех их объединяет одно: живой интерес к такому трудному и такому необходимому русскому языку.

II Фестиваль русского языка в странах Балтии входит в перечень официальных мероприятий федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы. Он направлен на сохранение и развитие русского языка, призван объединить людей, заинтересованных в изучении русского языка, русской литературы и культуры,

поддержать деловые и культурные связи России с Эстонией, Латвией и Литвой.

Финал фестиваля проходил в Северной столице 17–19 апреля. Но финал – это только вершина айсберга: чтобы получить приглашение в Петербург на третий тур соревнования, и школьникам, и учителям пришлось основательно потрудиться.

– В первом туре мы подготовили для желающих участвовать тестовые задания, которые они выполняли через Интернет, – рассказывает председатель жюри, декан филологического факультета РГПУ имени А.И. Герцена Наталья Шубина. – Из более чем 500 участ-

ников мы выбрали чуть более ста – их допустили ко второму туру соревнования. Во втором туре необходимо было написать небольшое эссе на заданную тему. Мы все работы внимательно прочитали, оценивали соблюдение норм русского языка, степень оригинальности подачи материала, глубину раскрытия темы. При этом нельзя забывать, что у нас не конкурс, где отбирают лучших из лучших, а фестиваль, праздник, на который надо приглашать тех, кто искренне заинтересован в языке и мечтает прикоснуться к нему.

КТО УМЕЕТ ШУТИТЬ НА РУССКОМ?

Чтобы фестиваль действительно стал праздником, организаторы постарались составить трехдневную программу так, чтобы гости и к конкурсу успели подготовиться, и между собой пообщаться, и город посмотреть. Хотя изменчивая петербургская погода не баловала прибалтийских соседей, тем не менее все пешеходные экскурсии прошли на ура.

– Мы были в Петропавловской крепости, – рассказывает Нелли Кулдмаа, студентка из Кохтла-Ярве. – Ходили на пешеходную экскурсию, а вот в Эрмитаж не успели, к сожалению. В Театре имени Ленсовета мы увидели спектакль «Испанская баллада», побывали в Русском музее. Впрочем, для прогулок по городу приходилось выкраивать время между финальными заданиями. Последний тур конкурса состоял из двух частей – устной и письменной. В письменной части школьникам и студентам нужно было поработать с текстами, вставляя пропущенные слова и отвечая на вопросы.

– В задании попросили вспомнить какую-нибудь традицию, связанную с Масленицей, – рассказал один из участников. – Одно задание оказалось сложным: надо было, глядя на картинки, написать названия цветочков. Одуванчик и подсолнух я вспомнил, а вот анютины глазки забыл – я и по-эстонски не знал, как этот цветок называется!

На устной части соревнования каждому выдавали фрагмент текста (по желанию проза или стихи), который после недолгой подготовки нужно было публично и выразительно прочитать, а потом еще и высказать свое мнение по поводу прочитанного. Кому-то достался Гоголь с «Невским проспектом», кому-то – Достоевский с «Белыми ночами», из стихов читали Пушкина, Ахматову и Мандельштама. Выбрать победителя оказалось очень сложным делом – ведь уровень знаний у участников совершенно разный. Кто-то легко и без запинки читает даже самые трудные слова, а для тех, кто начал изучать русский язык недавно, правильно поставить ударение – уже победа.

– Мы старались оценить не уровень знаний, а уровень владения языком, ведь это разные вещи, – говорит Наталья Шубина. – Человек может говорить с ошибками, но если у него есть чутье языка, он понимает шутку и может пошутить в ответ – это лучше, чем знать, но бояться сказать.

Помимо собственно конкурсной части фестиваля школьники по группам готовили творческий проект «Я говорю по-русски» – о том, как и с каким настроением они учат русский язык. Идей у каждой группы появилось много – кто-то решил перевести песню с родного языка на наш и спеть ее, кто-то – сделать сценку.

– Этот проект мы придумали не ради результата, а ради процесса, – рассказывает Наталья Шубина. – В каждой группе есть и латыши, и эстонцы, и литовцы, языков друг друга они не знают, поэтому им приходится общаться между собой по-русски. У каждой группы есть куратор – студент из нашего университета, который помогает ребятам направить их творческую энергию в нужное русло.

С РУССКИМ В GOOGLE НЕ ПРОПАДЕШЬ

Пока юные участники фестиваля активно упражнялись в русском языке, учители тоже не теряли времени даром и обсуждали проблемы преподавания русского как иностранного в странах Балтии. Оказалось, притеснение и нелюбовь ко всему российскому, в том числе и к языку, – отживший свое стереотип. Последние годы в Прибалтике наблюдаются новые тенденции.

– У меня сейчас как у учителя много частных уроков, – рассказывает Римма Иванченко, учительница русского языка одной из средних школ Латвии. – Из-за того, что в латвийских школах русский язык сделали вторым иностранным (то есть в шестом классе ученик может выбрать, какой язык он хочет изучать помимо английского – русский или, например, немецкий), выросло целое поколение молодых латышей, не знающих русского языка. А в стране два года назад начался кризис, который привел к серьезной безработице. И тебя возьмут на работу, когда ты хорошо знаешь и русский, и латышский. И ко мне сейчас приходят именно молодые латыши, которым светит хорошая работа, но для этого надо срочно учить русский. Вы бы видели, с какой скоростью они его учат! За месяц с нуля начинают писать и читать – ведь мотив серьезный имеется.

– В Литве тоже наблюдается подобная тенденция, русский как второй иностранный выбирают 85–95 процентов учеников, остальные выбирают немецкий, – добавляет Иrena Волошина из научной средней школы. – Вообще, интерес к русскому языку, к России возрастает. Есть какое-то необъяснимое обаяние, притягательная сила у Русского мира, выигрывает он в сравнении с немецким, от факта не убежишь. Историко-политические амбиции не заслоняют образ страны с огромным культурным наследием и потенциалом и не умаляют значимости богатейшего мирового языка. Дети говорят:

как здорово, в Google на русском, как и на английском, можно все найти, а вот на литовском – нет.

«В РОССИИ ВСЕ ПРОИСХОДИТ НА СТО ПРОЦЕНТОВ!»

На вопрос: «Почему я учю русский язык?» лучше всего ответили сами дети – ведь именно такой вопрос был темой эссе второго тура фестиваля.

– В прошлом году я была в Чехии и там разговаривала на русском языке с людьми, и они меня понимали, – говорит восьмиклассница Алевтина Вильде из Кохтла-Ярве. – Оказывается, на русском языке говорят во многих странах, и я с ним не пропаду!

– Россия всегда была яркой страной, где все происходит грандиозно, на сто процентов, – объясняет 17-летняя латышка Иева Гаваре. – Поэтому многие хотят сюда поехать и почувствовать, какова настоящая Россия.

– Нет ни одной страны, где бы не было людей, говорящих по-русски, – убеждена Кармелль Кауп из Эстонии, ученица восьмого класса. – Если знаешь английский и русский языки, то никогда не попадешь в беду.

К кому-то увлечение русским языком приходит не совсем с «классической» стороны – с экрана телевизора.

– Я учю русский язык, потому что люблю смотреть телевизор, – признается одиннадцатиклассница Симона Гравите из Латвии. – Я смотрю много российских шоу. Когда прихожу из школы, то смотрю «Пусть говорят» и горжусь, что понимаю, о чем они говорят, ссылаются и дискутируют.

– Когда я была маленькая, то мои родители все секреты говорили на русском языке, чтобы я их не поняла, – говорит эстонская школьница Луйги Мялк. – Это главная и основная причина, по которой я выбрала русский язык.

ЧТО ДЛЯ ПРИБАЛТА ЛЕГКО, ДЛЯ РУССКОГО СКУЧНО

В большинстве прибалтийских школ дети из russkoyazychnykh семей учатся вместе с теми, для

кого русский – иностранный язык. В этом соседстве – трудность для учителя, ведь надо составить урок так, чтобы было интересно и тем, и другим.

– Авторы эстонских учебников ориентируют свои издания больше на городские школы, – объясняет учительница деревенской гимназии острова Хийумаа Эльдин Кусе. – Мол, учебник не должен быть слишком легким для детей из russkoyazychnykh семей – тогда им будет скучно. Но почему учеба для большинства должна быть трудной и непонятной? В итоге, несмотря на возрастающий интерес, многие эстонцы после окончания гимназии так и не говорят на русском языке – боятся, стесняются, что сделают ошибку или забудут выученное слово. Приходится придумывать более эффективные методики изучения. Например, недавно с помощью проектора мы с моим классом совершили виртуальную экскурсию по парку Петергофа. Ребята просто ахнули, какая там красота!

– Не поверите, мы с моим девятым классом уже четыре года без учебников занимаемся, – добавляет Оксана Назарова, учительница из кохтла-ярвеской гимназии. – Те, что предназначены для эстонцев, слишком простые, для русских – слишком сложные. Вот и приходится изобретать велосипед.

Литовские педагоги подтверждают – у них та же проблема. – Уровень абсолютно разный, – говорит Иrena Волошина. – Для одних это и «Онегин», и Толстой, и «Мастер и Маргарита», и олимпиады, и конкурсы. А другие со стороны наблюдают процесс плавно льющейся русской речи и думают, что вряд ли с их двумя языками в неделю даже при большом старании можно достичь такого уровня.

Если работать на «онегинских» и давать им по максимуму, практически по программе «русский как родной», то мы напрочь теряем «наблюдателей». А ведь они искренне хотят выучить русский и тихо ненавидят тех, кому он просто так, ни за что, легкоается. В своих эссе дети тоже признаются, что русскийдается им не-легко.

– По-русски трудно писать, потому что много странных правил, – удивляется Симона Гравите. – Почему «мягкий» и «свежий» – сино-

нимы, если про хлеб говорить, а если про газету – то нет? Наши восьмиклассники дразнят друг друга по-русски: скажи «достопримечательность!» Не каждый может выговорить.

– В школе много смеялись, пока не выучили, как правильно в нужной ситуации использовать слова «пишать» и «писать», – рассказывает Иева Гаваре. – Если не знаешь это правило, то можешь попасть в неприятную и смешную ситуацию. Те, у кого русский родной, этого не понимают, но поверьте мне, ударение – одно из самых трудных правил в русском языке.

– Я боюсь говорить на русском, потому что могу сказать что-то неправильно, – переживает Луйги Мялк. – Когда мне надо что-то по-русски сказать, я буду долго думать и в результате... ничего не скажу.

«Я ИЗ РУССКОЙ СЕМЬИ, НО ЯЗЫК ДЛЯ МЕНЯ – НЕ РОДНОЙ»

Впрочем, у детей из русскоязычных семей своя проблема: они с детства знают разговорный русский язык, говорят без акцента, и зачастую их родители считают, что этого достаточно.

– Здесь это частая ситуация, – рассказывает студентка Нелли Кул-

дмаа. – Можно говорить по-русски с детства, но не считать этот язык родным. В моей семье говорят на русском языке, но я ходила в эстонский сад, потом в эстонскую школу, где только в шестом классе начала учить русский. Я не знала многих слов, поначалу, когда учительница диктовала диктант, я даже путала русские буквы! Поэтому я хожу на курсы русского языка, стыдно быть неграмотной, особенно если это мой родной язык.

– Именно русские родители зачастую считают, что их ребенку неизвестен русский язык, – переживает Оксана Назарова. – Вот это уже печально, когда русский ребенок не умеет ни читать, ни писать по-русски. Семьи не понимают всей опасности такого положения, ведь у детей будет больше эстонского общения и через какое-то время они начнут стесняться собственных родителей. На фестивале много внимания уделялось обсуждению этих проблем: учителя обменивались опытом, в рамках мастер-класса по современному учебнику русского языка коллеги из Университета Герцена представляли свои разработки – учебные пособия для иностранцев, в которых обучение русскому языку построено на интерактивной основе, с ролевыми играми и современной лексикой. Кое-какие приемы и задания прибалтийские педагоги тут же взяли на заметку. А молодежь в это время активно общалась между собой – даже те, кто поначалу боялся сделать ошибку, перестали стесняться прибалтийского акцента.

– Участие в подобных фестивалях и конкурсах – лучшая мотивация для школьников и студентов изучать русский язык, – уверены учителя из стран Балтии. – Ведь победители приезжают в знаменитые русские города, в которых никогда не были, знакомятся со своими сверстниками, понимают, что русский язык – это не скучный свод грамматических правил и бесконечных исключений, а средство веселого и дружного общения!

«Я НЕ МОГУ БЫТЬ ЖЕСТОКИМ»

БЕСЕДОВАЛА

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВА

ИЗВЕСТНОСТЬ К НЕМУ ПРИШЛА В 27 ЛЕТ ПОСЛЕ «САЙЛЕМСКОГО ПРОЦЕССА» ПО ДРАМЕ АРТУРА МИЛЛЕРА, ПОСТАВЛЕННОГО В ТЕАТРЕ ИМ. ШОТА РУСТАВЕЛИ. ПОТОМ ЕГО СПЕКТАКЛЯМИ ВОСХИЩАЛИСЬ ЗРИТЕЛИ АРГЕНТИНЫ, АВСТРАЛИИ, ПОЛЬШИ, ФРАНЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ, АНГЛИИ... НЕ ОСТАЛОСЬ НИ ОДНОГО ПРЕСТИЖНОГО ФЕСТИВАЛЯ, НА КОТОРОМ ЕГО ПОСТАНОВКИ НЕ БЫЛИ БЫ ОТМЕЧЕНЫ НАГРАДАМИ. НО ОН ОСТАВАЛСЯ ВЕРЕН СВОЕМУ ТЕАТРУ В ТБИЛИСИ, КОТОРЫЙ ВОЗГЛАВЛЯЛ БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ. ОДНАКО НЕДАВНО РОБЕРТ СТУРУА БЫЛ СНЯТ С ДОЛЖНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ТЕАТРА ИМ. ШОТА РУСТАВЕЛИ. ТЕПЕРЬ У РОБЕРТА РОБЕРТОВИЧА НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ – ПРИГЛАШЕННЫЙ ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР ТЕАТРА ЕТ СЕТЕРА ПОД РУКОВОДСТВОМ АЛЕКСАНДРА КАЛЯГИНА.

– **Когда приказом министра культуры Грузии вы были освобождены от должности художественного руководителя Театра им. Шота Руставели, вас приглашали многие московские театры. Говорят, даже прочири в худруки Театра на Таганке. Почему вы остановили свой выбор на театре Калягина?**

– Впрямую руководить Театром на Таганке мне никто не предлагал, но, если бы и предложили, я бы не согласился. Ведь жив основатель этого театра, Юрий Любимов. Занять его место – это, мне кажется, безнравственно. В свое время, когда Юрия Петровича лишили советского гражданства, мне действительно поступило такое предложение, но я отказался именно по этой причине. Этот театр имеет традиции, заложенные его создателем Юрием Любимовым, и должен оставаться в лоне этих традиций. А театр Калягина – молодой. Он в становлении. Я сотрудничаю с ним давно, поставил там уже четыре спектакля. Александр Александрович предлагал мне еще в прошлом году, во время работы над «Бурей», перейти к нему в театр. Я знаю в нем всех актеров. Люблю актера Калягина. В нем, к счастью, сохранилось какое-то школьное озорство. Когда мы с ним репетируем, мы озорничаем. Это я считаю одним из важных моментов в театре. Игра, которая является сутью театрального искусства, не скрыта. Меня не обманывают, что это некое серьезное, мистическое действие.

Дружеские связи очень важны. С друзьями работать легче, чем с врагами. Хотя иногда с врагами результат получается лучше. Такое бывает. Правда, потом враги превращаются в друзей. Процесс превращения врагов в друзей – это постоянный процесс.

– *А у вас есть враги?*

– Думаю, враги появляются только в связи с моим возрастом. В наше время на людей старше 60 лет почему-то смотрят с неким подозрением и недоверием. Думаю, это дань прошедшему времени, когда старые люди могли тормозить какие-то новые процессы.

– *Работая в Театре Et Cetera, вы сможетеставить спектакли в других городах и странах?*

– Да. Мы договорились, что за сезон я буду делать два спектакля на этой сцене. Так что у меня будет возможность работать и в других театрах. Такие предложения у меня уже есть. В моей любимой Аргентине хотят, чтобы я поставил «Электру» и Шекспира. В Англии – тоже Шекспира, «Гамлета». Но поскольку я уже шесть раз ставил эту пьесу, то пока раздумываю. Может быть, и придумаю новое решение, а может, возьмусь за другую пьесу.

– *Свою работу в новой должности вы начали с пьесы французского драматурга Тарика Нуи «Собачья площадка». Его имя не знакомо нашему зрителю. Чем он привлек ваше внимание?*

– Мы готовим этот спектакль к юбилею Александра Калягина. Долго искали подходящую пьесу и наконец остановились на этой. Она не ставилась нигде. Эта некая притча. По жанру – трагикомедия. Сюжет закручен очень лихо. Драматург держит зрителя в напряжении – предугадывать, чем все кончится, невозможно. Главный герой – старик, который вроде бы торгует смертью – продает оружие. На самом деле он старается помочь людям. В пьесе всего три действующих лица. Помимо торговца оружием есть юноша, который переживает личную драму и хочет покончить жизнь самоубий-

ИТАР-ТАСС

ством, и дама, которой оружие нужно, чтобы отомстить тем, кто испортил ей жизнь. Герои встречаются на пустыре, где бродят одичавшие собаки. Мы работаем с огромным удовольствием.

– Обычно свои спектакли вы ставите в содружестве с композитором Гией Канчели и художником Георгием Алекси-Месхишивили. Будут ли они участвовать в этой постановке?

– Обязательно. Они специально приезжают в Москву, чтобы присоединиться ко мне.

– А как зародилась ваша дружба?

– Сейчас Канчели является одним из крупнейших композиторов современности. А познакомились мы с ним, когда были студентами. Я – театрального института, а он – консерватории. Музыку я любил всегда. Самостоятельно научился играть, читать ноты. Как-то в институте педагог дала нам послушать музыку молодого грузинского композитора. Мы были потрясены, потому что такой музыки мы еще не слушали. Это была музыка Канчели. Потом

мы стали готовиться к Международному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Играли джаз. Гия джаз очень любит. Он послушал нас, ему понравилось. С этого и началась наша дружба. Мы даже женились в один день. Когда его спрашивают, когда началась наша дружба, он обычно отвечает: «В XVIII веке». Я с ним совершенно согласен. Мы давно понимаем друг друга без слов. Говорим на каком-то птичьем языке. Если бы нас кто-то послушал – ничего бы не понял. Был в нашей жизни момент, когда мы дискутировали о политике. К сожалению, она втыкается в нашу жизнь, как иглы дикобраза. Но сейчас все наладилось.

Георгия Алекси-Месхишивили я узнал еще раньше, чем Гию. Я увидел его работы на выставке, и они мне необыкновенно понравились. Мы познакомились и подружились. Втроем мы сделали большинство поставленных мною спектаклей. Иногда я прошу Гоги заранее прочесть пьесу, а иногда сразу показываю ему какие-то сцены. Гоги читает, конечно, всегда, и к первой нашей встрече у него обычно уже есть наброски.

РИА НОВОСТИ

– Вы ставите спектакли в различных странах. Ваш подход к актерам принципиально меняется?

– Я не меняюсь. Везде остаюсь самим собой. Это немного усложняет мою работу, но недели через две-три актеры начинают понимать, чего я хочу добиться, и сплачиваются вокруг меня. Мне кажется, все актеры меня любят. Меня могут не любить критики, чиновники, правительство, а актеры меня любят. С ними у меня не бывает конфликтов.

– А как вы ощущаете себя в России?

– Я всегда чувствую себя в России замечательно. Работать с русскими актерами мне легко и приятно. Я много работал с ними еще до всех этих событий, еще до раз渲ала страны. Считаю, что у нас одна актерская школа. Мой педагог, Михаил Туманишвили, был учеником Георгия Товстоногова. А Товстоногов был одним из лучших знатоков системы Станиславского, ее продолжателем. Поэтому я себя считаю учеником русской театральной школы. Для всех нас Станиславский как балетный станок.

– Вы совсем не похожи на свирепого диктатора, а я слышала, что в одном грузинском театре вас называли Адольфом Виссарионовичем Берия...

– Это была шутка. Меня она даже порадовала. На самом деле я не люблю руководить. В Тбилиси у

меня даже секретарши не было, а двери моего кабинета всегда были открыты. Да и в кабинет я заходил крайне редко. Мое любимое место – гримуборная. Я не могу быть жестоким. Даже кричать на сцене раньше не умел. Теперь иногда кричу, но не на актеров. Я не пользуюсь микрофоном, а потому могу повысить голос, если во время репетиции неправильно выставлен свет или происходят какие-нибудь технические сбои. Но, конечно, я вовсе не Адольф Виссарионович. Я бы назвал себя «бархатным диктатором».

– Все-таки – диктатором?

– К сожалению, у меня такая профессия, что иначе нельзя. Я же должен подчинить своей воле большой коллектив. Иногда делаешь актеру замечание, а он не соглашается. Тогда приходится говорить резко: «Делай, как я хочу». Наверное, это воспринимается как какой-то силовой способ. А распределение ролей... Я же решаю судьбу людей. Помню, когда я поставил свой второй спектакль в Театре Руставели, пришел домой после премьеры, немного навеселе. А мама мне говорит: «Осторожно! Отец на тебя очень зол. Он дожидается тебя на кухне». Подхожу к нему. А мой отец художник, поклонник нашего театра. Он мне говорит: «Я сейчас сидел в ресторане с актерами ваше-

го театра. О тебе все плохо отзывались». Я ответил: «Я вывесил распределение. Те актеры, которые сидели с тобой, не получили ролей в моей постановке. Тебе повезло, ты рисуешь красивых женщин и делаешь их еще красивее, чем они есть. И мужчин ты делаешь красивее, чем они на самом деле. И все тебя обожают. А у меня профессия ужасная – как только я вывешиваю распределение ролей, большая часть труппы начинает меня ненавидеть. Что мне делать – уйти из театра?» Тогда он успокоился, поцеловал меня и пошел спать. Распределение ролей мучает меня больше всего. Сейчас уже, конечно, меньше. Юношеская сентиментальность исчезает с годами. Но иногда я думаю, что некоторые наши спектакли не стоят того, чтобы обижать человека. Если хотя бы эту жертву ты приносил на алтарь шедевра! Но такое случается редко... Иногда совершил «жертвоприношение», а на премьере увидел, что твой спектакль – сущий пшик. И становится не по себе, ведь ради этого ты обидел кого-то из артистов.

что мой «Гамлет» продиктован грузино-абхазским конфликтом. Я был очень удивлен, поскольку у меня такого и в мыслях не было. Но, видимо, где-то в подсознании что-то ощущалось.

Еще одно обстоятельство. Пьесы Шекспира дают режиссеру большой простор для авторских трактовок. В этом величие его гения. Он предоставляет режиссеру свободу, поэтому к нему хочется возвращаться вновь и вновь.

– В ваших последних московских спектаклях – «Сеньор Тодеро – хозяин» в «Сатириконе» или «Последняя запись Крэпта» и «Буря» в Et Cetera – отчетливо звучит тема смерти. Она вас сейчас волнует?

– Сказать честно, она меня волнует давно. И не потому, что я боюсь смерти, хотя это тоже, конечно, есть. Я даже придумал теорию, что склероз и болезнь Альцгеймера вызваны страхом смерти. Подсознательно человек старается уничтожить сознание, чтобы не испытывать страха, уходя из этого мира. Я говорил на эту тему с

«С друзьями работать легче, чем с врагами. Хотя иногда с врагами результат получается лучше. Такое бывает. Правда, потом враги превращаются в друзей. Процесс превращения врагов в друзей – это постоянный процесс».

– *А дома вы тоже диктатор?*

– Нет. Дома у нас полная анархия. У меня большая семья – двое детей, внуки. Но сейчас они все зависят от меня. Я – основной кормилец. Мои дети и внуки остались в Грузии, а там сейчас не так-то просто найти достойную работу.

– *За свою многолетнюю работу в разных театрах мира вы поставили чуть ли не всего Шекспира. Чем он вас так манил?*

– В первую очередь своей универсальностью, которая имеет метафизический характер. Но и это, наверное, для меня не самое главное. Для меня он прежде всего – поэт. Он не видит мир в примитивном зеркальном отражении. В отличие от Брехта, например, он не схематичен. Время поворачивает пьесы Шекспира такой гранью, что порой удивляешься, как он мог представить себе, что между людьми, политикой и искусством могут существовать такие непредсказуемые вещи. Его тексты легко ложатся на любые события. Помните, в 1992 году яставил «Гамлета» в Лондоне. В это время как раз началась первая грузино-абхазская война. Гия Канчели, с которым мы делали эту постановку, все время выбегал за кулисы послушать радио со сводками боевых действий. Я его спрашивал: «Ну, что там?» Критики тогда написали,

психологами, и они согласились, что что-то в этом есть. Считаю, что надо помнить о том, что ты не вечен. Это помогает самому испытывать радость жизни и приносить радость другим. Смерть – повод для разговора о жизни. Мне кажется, думая о смерти, ты даже лучше становишься. Еще тридцать лет назад я написал пьесу «Вариации на современную тему». В ней один герой говорит другому: «Молодой человек, сейчас же начните думать о смерти. Тогда вы принесете народу больше счастья». Всех нас ждет расплата за свои грехи.

– *Вы в это верите?*

– Я верующий человек. Но мне кажется, ад существует не только в преисподней. Он есть и на земле, в реальной жизни. Если ты согрешил, то расплата за это ждет нас здесь, на земле. Мне хочется, чтобы так было.

– *Вы упомянули «Вариации на современную тему». У вас есть еще несколько пьес, почему же вы их не ставите?*

– Как раз эту пьесу я поставил в Театре Руставели. Она очень хорошо прошла. Мы даже привозили ее в Москву. В ней свою последнюю роль сыграл наш замечательный актер Рамаз Чхиквадзе. Но

свою пьесу ставить трудно, ведь когда ты ее пишешь, то мысленно уже ставишь. Интерпретация исчезает. Графоманство – это болезнь. Но иногда сижу дома и пишу. Так появились уже три сценария, один из них даже журнал напечатал. Сейчас тянет написать пьесу в жанре фэнтези о том, что происходит в Грузии.

– *Вы продолжите ставить спектакли в Грузии?*
 – Конечно. Это же моя родина. И спектакли я там ставить буду. Я очень хорошо ушел из Театра им. Шота Руставели. Создатель этого театра Сандро Ахметели был в советское время расстрелян Лаврентием Павловичем. Позже оттуда выгнали моего учителя – Туманишвили. Так что традиция изгнания худруков существует давно. Я ждал этого

зыкальное произведение всегда принимаю с радостью. Это же редкий случай, когда я могу совместить и работу, и хобби.

– *Каким кажется вам положение театра сегодня?*
 – Сейчас появляется много удачных спектаклей. Когда я их смотрю, то вижу интересную форму, иногда режиссер придумывает что-то любопытное. Но, к сожалению, я очень редко чувствую, что мне сказали что-то новое о мироздании. Тогда мне становится немного скучно. Мне кажется, русский театр потерял основное свое качество – разговор со зрителем о проблемах, которые его волнуют сейчас. Это не значит буквальной актуальности. Но ведь русскому театру всегда было это свойственно, начиная с «Горя от ума» и

«Распределение ролей мучает меня больше всего. Сейчас уже, конечно, меньше. Юношеская сентиментальность исчезает с годами. Но иногда я думаю, что некоторые наши спектакли не стоят того, чтобы обижать человека. Если хотя бы эту жертву ты приносил на алтарь шедевра! Но такое случается редко...»

момента. И дождался. Но меня выгнали не артисты, а правительство. Поэтому я спокойно отношусь к этому факту. Может быть, даже пойду туда на постановку. А сейчас ставлю спектакль о Марии Каллас – «Мастер-класс» – на сцене Грузинского театрального общества. Пьеса строится на том, что Каллас проводит занятия и вспоминает свою жизнь.

– *В юности вы хотели стать кинорежиссером и только благодаря настойчивости родителей поступили в театральный институт. Вы по-прежнему любите кино?*

– Очень люблю. Театр мне кажется более прimitивным. Кино вбирает в себя больше от литературы, музыки, живописи. Когда я смотрю картины Ларса фон Триера или даже «Матрицу», то вижу, что за ними стоит большая культура XX века.

– *В вашей сценографии несколько поставленных опер, в том числе «Мазепа» в Большом театре. Драматический театр вам тесен?*

– Музыка занимает в моей жизни огромное место. Это мое хобби. Раньше играл на рояле, теперь – на небольшом электрическом «клавишнике». Всегда любил джаз, но он как бы уходит из пальцев. Наверное, из-за того, что не могу уделить ему много времени. Предложение поставить му-

«Ревизора». В этих пьесах проблемы, которые волнуют зрителя. А сейчас это исчезло.

– *Давайте немного отвлечемся от театра. Говорят, вы обладаете необыкновенными экстрасенсорными способностями. Это правда?*

– Обладаю. Но отношусь к этому иронически. Многие мне говорят: «Пойди изучи это». Но это уже другой вид деятельности. Мне не хочется влезать в некие эфемерные области человеческого бытия. Я знаю многих людей, которые увлекаются эзотерикой. Сейчас это модно. Ну, что ж... Я свои способности испытываю лишь на себе. У меня в юности, когда я закрывал глаза, начинали двигаться какие-то странные объекты. Они были похожи на хромосомы, и я их назвал «хэриками». Как-то после постановки в Англии «Гамлета» я серьезно заболел. Дело в том, что там очень жесткие условия – на постановку дается всего пять недель! Я с трудом представлял, успею ли сделать спектакль в столь короткий срок. Очень нервничал. Но все-таки поставил и вернулся домой, в Тбилиси. И как-то утром потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что лежу в луже крови. Хотел позвать жену, Дуданну, но вместо крика вышел только шепот. Но она, видимо, что-то почувствовала и нашла меня. Пришел в себя уже в больнице. Врачи сказали, что у меня прободение язвы и нужно срочно делать опе-

ИТАР-ТАСС

рацию. В первую ночь я, шутя, сказал «хэрикам»: «Пойдите в желудок и все залечите». Через неделю мне стало легче. А через две недели мне сделали полное обследование и не нашли даже следов язвы, даже рубца.

Правда, потом меня убедили, что операцию все-таки надо сделать. Тогда в Тбилиси был очень тяжелый период – операцию, может быть, сделали бы и нормально, но послеоперационный период выдержать было сложно. Знакомая переводчица, которая работала со мной над спектаклями в Германии, предложила поехать в Германию. Меня положили в клинику, где специализируются на резекциях желудка. Сказали, что операция будет стоить 32 тысячи марок. Я не возражал. Потом меня стали обследовать и огорченно констатировали, что никакой язвы у меня нет. Но главный врач попросил меня остаться хотя бы на несколько дней. Объяснил, что они рассчитывали на те деньги, что я заплачу за операцию, но раз она не нужна, то они хотели бы получить с меня плату хотя бы за несколько дней. Переводчица возмутилась, а я согласился. По-человечески мне было ясно, что у них проблемы с финансами. Знакомая картина. Вспомнил свой театр – как мне приходилось ходить в министерство с просьбой увеличить бюджет – и согласился.

А когда я ставил «Гамлета» в «Сатириконе», у меня так болели ноги, что я не мог ходить без

палки. Пришлось запускать «хэриков». Помогли. После постановки «Шейлока» у Калягина у меня опять разболелись ноги. Я обратился к врачу. Мне сделали снимок, и после этого врач сказал, что я даже стоять не смогу. Вскоре после этого у меня умерла мать. Я, как и положено, простоял всю панихиду. Врач был удивлен. А я думаю, за это надо поблагодарить «хэриков». Я ими не злоупотребляю – боюсь, что они обижаются на меня за частные просьбы.

– Гейне за свою жизнь насчитал лишь 7 минут абсолютного счастья. А сколько таких минут в вашей жизни?

– Я вспоминаю любимую притчу Кахи Кавсадзе. Как-то в Китай приехал европейский турист и попросил отвезти его на кладбище. Идут они по кладбищу и видят, что на могилах написано, сколько жил человек, и везде цифры очень маленькие. Европеец удивился и спросил: «Здесь что, похоронены только дети?» А китаец ему отвечает: «У нас пишут лишь количество дней, в которые он был счастлив». Тогда европеец подумал и сказал: «На моем надгробии, наверное, написали бы – умер мертвожденным». У меня, конечно не совсем так. Несколько счастливых минут у меня наберется. Но мне не хочется сейчас об этом говорить. ●

ПОТЕРЯННЫЙ МАРС

БЕСЕДОВАЛА

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

О СОВЕТСКОМ МАРСИАНСКОМ ПРОЕКТЕ ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ИЗВЕСТНО, ХОТЯ ПОСЛЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ РАБОТЫ, К 1974 ГОДУ, ОН БЫЛ НАПОЛОВИНУ РЕАЛИЗОВАН. О ПРИЧИНАХ ГИБЕЛИ МАРСИАНСКОЙ ПРОГРАММЫ РАССКАЗЫВАЕТ ВЛАДИМИР БУГРОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ИНЖЕНЕР РОССИИ, КОСМОНАВТ-ИСПЫТАТЕЛЬ, ВЕДУЩИЙ КОНСТРУКТОР ПО ДВУМ САМЫМ МАСШТАБНЫМ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКИМ ПРОЕКТАМ: КОМПЛЕКСУ ДЛЯ ВЫСАДКИ ЧЕЛОВЕКА НА ЛУНУ И МНОГОРАЗОВОМУ КОМПЛЕКСУ «ЭНЕРГИЯ-БУРАН».

— **В**ладимир Евграфович, почему ничего не известно о марсианском проекте СССР?

— Сведения о нашей межпланетной программе упорно замалчивались и искались соратниками Сергея Королева — теми, кто ее уничтожил. В 1974 году работы по марсианской и лунной программам, реализованным на 50 процентов, были прекращены, техническая документация и материальная часть уничтожены в результате совместных действий Валентина Глушко (руководитель НПО «Энергия» после С.П. Королева и В.П. Мишина. — Прим. ред.), Бориса Чернотка, Константина Бушуева, Сергея Крюкова (заместители С.П. Королева, затем — В.П. Мишина. — Прим. ред.), Константина Феоктистова (разработчик пилотируемых кораблей, первый гражданский космонавт. — Прим. ред.) и других. Десятилетиями в СМИ внедрялось мнение, что не было марсианского проекта, а была лунная гонка. С этим мнением авторитетов космонавтики трудно было спорить, пока я не забрал в 1994 году из нашего архива свои совершенно секретные рабочие тетради. В одной — черновики проектных документов по кораблю и межпланетному комплексу, расчеты. Во второй — месячные планы работ с заданиями всем исполнителям на протяжении четырех лет. Любой инженер, полиставший тетради, поймет, что проект был, причем серьезно проработанный. Сам Королев не афишировал марсианскую программу, опасаясь предвзятой критики со стороны оппонентов в правительенных кругах. Да и не все его замы были посвящены в этот проект. Спустя годы история создания межпланетных кораблей была искажена — представлена как попытка обогнать американцев в лунной гонке, хотя это миф. Я имею право на такое утверждение, потому что осенью 1964 года мне поручили заниматься Луной, и Королев лично приходил ко мне посмотреть первые чертежи лунного комплекса. Подчеркиваю, никакой лунной гонки не было.

— Как — не было?!

— Постановление по лунной программе было спровоцировано Челомеем, Янгелем (главные конструкторы боевых ракетных комплексов. — Прим. ред.) и Глушко, рассорившимся с Королевым. В 1964 году ни о какой высадке на Луну раньше американцев не могло быть и речи, они работали над этим три года, а мы даже не планировали. А вот со-

вершить облет Луны без посадки раньше и выдать его за победу было заманчиво. Первым пунктом постановления именно Челомею Хрущев поручил осуществить облет Луны раньше американцев, тем самым определяя его новым лидером в космонавтике вместо Королева. У Челомея работал сын Хрущева. Так что гонка была, но не лунная у Королева с фон Брауном, а весьма сомнительная у Челомея и Глушко с Королевым. Я понимал, что Сергей Павлович не верит в реальность «обгона» американцев. Хотя он никаким образом не давал понять, что не надо этим заниматься. Чтобы вы поняли, насколько сырьем был наш лунный проект, расскажу один эпизод. Сергей Павлович пришел ко мне за кульман, увидел, что в 4600 тонн обозначена масса лунного корабля перед стартом от Луны к Земле — а она многое определяла, — и красным карандашом написал: «3800», обвел цифры, сказал: «Вот что надо показывать в проекте». Я подогнал значения — вот вам и уровень проработки в декабре 1964 года. И я знаю, что до этого времени не существовало никакой проектной группы, которая бы занималась Луной. Марсианский проект в планах был — было постановление правительства, а лунного — не было.

— Это и погубило марсианский проект?

— Не совсем так. Лунный проект Королев сделал частью марсианской программы. И Василий Мишин (первый заместитель Королева с 1946 года, а с 1966-го — преемник. — Прим. ред.) продолжил эту программу. Проект был погублен доносом в ЦК КПСС, сделанным его заместителями. В нем отмечалось снижение качества изделий, которое и должны были обеспечивать авторы доноса. И предлагалось отстранить Мишина от должности, при нем невозможно было остановить программу. Мишина сменил Глушко и первым делом расправился с основой марсианского проекта — ракетой Н1. Несмотря на то, что на ракете стояли новые, доработанные двигатели и, по мнению экспертов, пуск должен был быть успешным, он запретил пятый испытательный пуск. Мотив Глушко понятен: он как двигательист хотел устанавливать свои двигатели на все ракеты. Но на Н1 их не было, и в случае успешного запуска стало бы ясно, что Николай Кузнецов (главный конструктор авиационных двигателей. — Прим. ред.), не занимавшийся ранее жидкостными реактивными двигателями, создал для Н1 надежные двигатели, за разработку которых в

свое время Глушко не взялся. Для Валентина Петровича такая ситуация была неприемлема, и он вынужден был спасти свой престиж. Он тринадцать лет создавал новую ракету «Энергия» со своими двигателями – такую же, как Н1. А история «опальной» ракеты теперь искажается. Черток в своих мемуарах утверждает, что ее делали для лунной гонки, но будто Королев неправильно выбрал ее параметры, поэтому гонка и была проиграна. В сборнике «Мировая пилотируемая космонавтика» написано, что Н1 создавалась без определенных целей, но правительство СССР в 1964 году нашло ей применение – высадку космонавтов на Луну. А в главном музее космонавтики у ВВЦ табличка у макета ракеты гласит: «Ракета создавалась в 1964 году для выведения на орбиту тяжелых орбитальных станций». Орбитальных, а не межпланетных! Из всего этого следует вывод: раз не ясно, зачем создавалась Н1, выходит, правильно ее уничтожил Глушко.

– Неужели амбиции одного руководителя могут уничтожить проект, который создавался пятнадцать лет?

– Один Глушко, конечно, ничего бы не сделал. Но у него были хорошие отношения с секретарем ЦК КПСС Дмитрием Устиновым, чего нельзя сказать о Мишине. Да и Глушко был далеко не единственным, кто «помог» свернуть марсианскую программу. Ничто так не нанесло удар всей нашей космической программе, как создание примитивных орбитальных станций образца 1970–1975 годов – самого бесмысленного проекта в нашей космонавтике.

– Почему – бессмысленного?

– А что они нам дали за все сорок лет? Мы катали туда наших иностранных друзей, тратили миллиарды. Сравните: 6 миллиардов рублей было израсходовано с 1959 по 1974 год, когда был создан мощный фундамент для межпланетных полетов, в космос пущены спутники и Гагарин, созданы «Союзы» и чуть ли не всё, что летает в космос в настоящее время. А на прогулки на орбитальные станции и аттракцион «Буран» в парке культуры – 13 миллиардов рублей. Приоритета перед США в создании орбитальных станций у нас не получилось, о чем российская история предпочитает умалчивать. Три первые наши станции не принесли обещанных успехов и были потеряны. В 1973 году американцы на «Скайлэб» провели три экспедиции продолжительностью 28, 59, 84 суток и прекратили работы. Превзойти этот результат удалось лишь в конце 1977 года экипажу Гречко и Романенко на станции «Салют-6» – 96 суток. Конечно, нельзя сворачивать наше присутствие на орбите, но и бороздить сорок лет околосземные орбиты в качестве таксистов и сантехников на ракете и корабле «Союз», созданных Королевым, просто стыдно.

– Как получилось, что этот проект предпочли межпланетной программе?

– Инициатива в 1969 году исходила от Чертока, его подчиненных, будущих академиков РАН – Б.В. Раушенбаха, В.П. Легостаева (специалистов по системам управления. – Прим. ред.), а также целого списка известных людей. Тайком, пока Мишин был в отпуске, они подали идею секретарю ЦК КПСС Устинову, который ее одобрил, ведь после серии неудач в космосе надо было чем-то радовать политбюро. В 1969 году два пуска ракеты Н1 были не-

удачными, американцы высадились на Луну, покорения Марса ждать слишком долго. Руководить созданием орбитальных станций назначили Юрия Семенова (в то время зятя второго лица в стране, секретаря ЦК КПСС Андрея Кириленко), и процесс пошел. Когда Мишин вернулся из отпуска, вспыхнул конфликт. На мой взгляд, после таких действий за спиной любой главный конструктор выгнал бы заговорщиков, но это было и непросто, и не по-людски: многие «оппозиционеры» были известными специалистами. Но напряженность в отношениях осталась. У всех, кто участвовал в организации смены курса в космонавтике, были свои мотивы: личные обиды на руководство, амбиции. Так вышло, что некоторые заместители Королева вышли из работы над созданием межпланетных и лунных кораблей и начали искать самостоятельные пути к государственным наградам и громким делам. В списке «заговорщиков», как их называет в своей книге «Ракеты и люди. Лунная гонка» сам Черток, оказался и Константин Феоктистов.

– Ведь ему Королев поручал такие проекты, как «Востоки», «Союзы»...

– Но в 1963 году произошел эпизод, свидетелем которого я был. Сергей Павлович собрал всех инженеров, желавших стать космонавтами. Когда дошла очередь до Феоктистова, Королев удивился: «Константин Петрович, и ты здесь? Я хотел тебя начальником проектного отдела назначить, а ты – летать. Нет, ты определись, летать или отделом руководить». Феоктистов отвечал, что для него обе работы едины, но Королев трижды просил сделать выбор. Тогда Феоктистов сказал: «Ну, раз вы так ставите вопрос – я выбираю летать». Королев дал Феоктистову возможность слетать с Комаровым и Егоровым на корабле «Восход». Но за это время ключевые должности в проектном отделе были закреплены за другими людьми. Феоктистов сделал все, чтобы занять лидирующие позиции в «лунном» отделе Ивана Прудникова, не получилось, и он примкнул к «заговорщикам». Их поддержали заместители Мишина – Бушуев и Крюков. С технической точки зрения затея была чрезвычайно проста. К тому временистыковка двух «Союзов» была реальной. Надо было всего лишь аппаратуру одного «Союза» поместить в готовый корпус станции, отобрав его у Челомея – он разрабатывал их для военных задач, – состыковать с кораблем «Союз» на орбите и объявить на весь мир новое направление в космонавтике.

– Что конкретно было уничтожено вместе с марсианской программой?

– Конечно, к 1974 году готового корабля – бери и лети – не было. Но ракета Н1 – основной элемент межпланетной экспедиции – в четырех запусках, неудачных из-за неотработанности двигателей, подтвердила высокие летные характеристики (100 секунд нормального полета), и пятый пуск, с новыми двигателями, должен был быть успешным. Были уничтожены две собранные ракеты и производственные заделы еще для пяти вместе с технологическим оборудованием в Самаре, на Байконуре и смежных заводах. На Байконуре было утилизировано наземное оборудование. Погиб и собранный лунный комплекс ЛЗ, и многое другое. Черток и команда «заговорщиков» дали возможность Глушко уничтожить все это. Но Кузнецов сохранил свои двигатели, и через тридцать лет их покупали

«Орбитальные станции образца 1970–1975 годов – самый бессмысленный проект в нашей космонавтике».

«Если бы проект поддержали на правительственном уровне, то полет на Марс осуществился бы к середине 80-х».

ют и ставят на свои ракеты американцы. А по поводу уничтоженной «бумаги» Черток спустя тридцать лет в книге «Ракеты и люди. Лунная гонка» написал: «Будущая лунная база, огромная Международная космическая станция, экспедиция на Марс, космические радиотелескопы с антеннами диаметром сотни метров, многотонные спутники связи, висящие на геостационарной орбите, – все это во вполне осозаемых проектах было связано с Н1. Только теперь до нас начало доходить, что мы действительно теряем вместе с Н1 межпланетные и другие не столь фантастические перспективы».

– *Что собой представлял проект? Какова была ваша в нем роль?*

– Об этом я написал в книге «Марсианский проект С.П. Королева». В ней приведены документы, чертежи, расчеты по материалам моей некогда совсекретной тетради. Проект разрабатывался на основании постановлений правительства 1959 и 1960 годов. В них в том числе поручалось создать ракеты и корабли для межпланетных полетов. В отделе Тихонравова (единомышленник Королева с конца 20-х годов, руководитель проектного отдела в ОКБ-1 по космическим кораблям и аппаратам. – Прим. ред.) одновременно разрабатывались корабль для полета на Марс и «Восток». Я занимался марсианским проектом. Он складывался из проекта корабля, в котором экипаж из трех человек должен был лететь к Марсу и обратно, и проекта экспедиционного комплекса: ракетных блоков, топлива, посадочного комплекса. Я занимался компоновкой корабля и всего комплекса, определял состав систем и требования к ним, распределял между ними массы. Летом 1962 года по поручению Королева провел анализ возможности экспедиции на Марс с применением жидкостных ракетных двигателей для разгона к Марсу с околоземной орбиты. Разработал оптимальный вариант, в котором переход с траектории полета к Марсу на орбиту его спутника выполнялся за счет аэродинамического торможения при многократном прохождении комплекса через марсианскую атмосферу. Это позволяло вдвое сократить начальную массу комплекса и отказаться от использования для разгона электрореактивных двигателей – их создание проблематично и по сей день. Королев утвердил этот вариант, и он был представлен на межведомственной комиссии и утвержден ее председателем, президентом АН СССР М.В. Келдышем.

Схема экспедиции выглядела так. Комплекс должен был собираться в течение года на орбите из блоков, доставляемых ракетой Н1, бригадами космонавтов из числа опытных специалистов ОКБ-1, головного завода и космодрома. По поручению Королева я занимался организацией отряда космонавтов в ОКБ-1, и в 1966 году 8 человек – и я в том числе – были в него зачислены. Бригады планировалось доставлять на орбиту на корабле «Союз» и размещать в специальном жилом блоке. После старта к Марсу жизнедеятельность экипажа обеспечивалась замкнутым биологово-техническим комплексом на основе оранжереи. После перехода на орбиту спутника Марса два космонавта перемещались в посадочный комплекс, который отделялся от орбитального, осуществлял сход с орбиты, спуск в атмосфере, торможение и посадку. Выполнив программу на поверхности Красной планеты, экипаж стартовал на исходную орбиту,стыковался с орбитальным комплексом

и возвращался в тяжелый межпланетный корабль (ТМК). После разгона от Марса и перелета к Земле, при подлете к ней, экипаж занимал место в спускаемом аппарате, который с корректирующей двигательной установкой отделялся от ТМК, входил в атмосферу Земли и совершал мягкую посадку. С 1964 года я разрабатывал требования к тяжелой орбитальной станции для отработки ТМК на орбите и исходные данные для разработки макета ТМК для наземных испытаний. Облик межпланетного комплекса и его составных частей к 1964 году был проработан достаточно подробно. Постановление по Луне нарушило планы. Мне поручили заниматься лунным проектом. В отделе Ильи Лаврова (с 1964 года – начальник проектного отдела по тяжелому межпланетному комплексу. – Прим. ред.) была разработана документация на макет ТМК, он был изготовлен, и с 1968 по 1975 год его испытывали в Институте медико-биологических проблем.

– *Когда планировалось стартовать на Марс?*

– В 1962 году Королев назвал 1974 год. В 1969 году президент Академии наук Келдыш дважды на совете главных конструкторов предлагал отказаться от высадки на Луну и в 1975 году выполнить пилотируемый облет Марса. Его не поддержали. Если бы программа была повторно утверждена на правительственном уровне в 1974 году, за десять лет можно было бы все подготовить для экспедиции. Все вопросы были бы решены к середине 80-х без существенных проблем. Сначала бы облетели вокруг Солнца, что стало бы первым серьезным шагом на этом пути, а затем и к Марсу.

– *Каким вам видится будущее российской космонавтики?*

– Так же ясно, как Королеву, – в межпланетном полете. Отрадно, что в январе 2009 года решено разработать федеральную целевую программу «Осуществление марсианской экспедиции» на 2009–2025 годы. Хорошо, что на уровне руководства страны подтверждено: цель Королева совершение полета на Марс была правильной. Но время идет, а что дальше? Денег-то, как говорят, на экспедицию нет.

– *Проблема только в деньгах?*

– Нет, к сожалению. Россия еще не готова принять реальную концепцию экспедиции на Марс. Мы повторяем ошибки 1969 и 1974 годов, когда над решением довлеют интересы ведомств, организаций и отдельных личностей. Некоторые академики принимают межпланетную программу в штыки – не хотят отвечать, ради чего ее уничтожили сорок лет назад, и продолжают требовать создания обитаемой лунной базы – туриковой идеи. Вероятно, так происходит потому, что еще не появился новый Королев, готовый убедить главу государства в реальности марсианской экспедиции. Но даже если бы он и появился, главе государства будет очень трудно принять марсианскую программу, учитывая срок своих полномочий. Масштабный проект требует десяти-пятнадцати лет на осуществление. Не знаю, что бы смог сделать Королев, если бы его через четыре года переизбрали. Но, как показывает история, основным фактором, влияющим на принятие главой государства правильного решения по такой программе, как экспедиция на Марс, должна быть гарантия, что советчиками у него не окажутся специалисты, обремененные личными интересами. ¶

ТРИ КИТА БОРИСА ЛЮБИМОВА

БЕСЕДОВАЛА

ФОТОГРАФИИ

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВА

АНТОНА БЕРКАСОВА

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ ГОВОРИЛ, ЧТО ГЛАВНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕК ВЫНОСИТ ИЗ ДЕТСТВА. ДЕТСТВО ИЗВЕСТНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА И ПЕДАГОГА, РЕКТОРА ВЫСШЕГО ТЕАТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ М.С. ЩЕПКИНА БОРИСА ЛЮБИМОВА ПРОШЛО В ОБЫЧНОЙ МОСКОВСКОЙ КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ, НО БЫЛО НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫМ ДЛЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. ЕМУ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ РОДИТЬСЯ В ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ СЕМЬЕ. РОДСТВЕННИЦА БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ, ФРЕЙЛИНА АНАСТАСИЯ ГЕНДРИКОВА, ПРИЧИСЛЕНА РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ К ЛИКУ СВЯТЫХ: ОНА БЫЛА АРЕСТОВАНА ВМЕСТЕ С ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ И ДОБРОВОЛЬНО РАЗДЕЛИЛА ЕЕ УЧАСТЬ. ЕГО ОТЕЦ – ИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК НИКОЛАЙ ЛЮБИМОВ, АВТОР РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ РАБЛЕ, СЕРВАНТЕСА, БОККАЧЧО, ПРУСТА, МОЛЬЕРА И ШИЛЛЕРА – БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ ВЫСОКООБРАЗОВАННЫМ И ГЛУБОКО ВЕРЮЩИМ. И СВОЮ ЛЮБОВЬ К ТЕАТРУ И ЛИТЕРАТУРЕ, СВОЮ ВЕРУ В БОГА ОН ПЕРЕДАЛ ДЕТЯМ.

— **Б**орис Николаевич, вы родились после войны. В то время вера в Бога, мягко говоря, не поощрялась. Но ни ваш отец, ни бабушка ее не скрывали. Как проходило ваше детство?

— Первые десять лет я прожил в коммунальной квартире в доме рядом с гостиницей «Пекин». Жили мы довольно скучно — в квартире не было ни горячей воды, ни телефона. У нас почти никто не бывал в гостях и из-за нищеты, и из-за чудовищной коммунальной тесноты, и из-за того, что говорить на своем языке можно было с двумя-тремя близкими друзьями. Мой отец сидел в 11-метровой комнатушке, окно которой выходило во двор-колодец, и переводил Сервантеса, Мольера, Бомарше под перебранки, мат и драки соседей.

Первым гостем в нашем доме, которого я увидел лет в пять, был Корней Иванович Чуковский. Он пришел поздравить отца с выходом его перевода «Дон Кихота». Кстати, на деньги, полученные от этого перевода, была куплена моя первая детская шубка.

Соседи у нас были довольно гнусные, но стукачества с их стороны не было. Дома у нас висели иконы. Нас с сестрой крестили. Сестринское и мое свидетельство о крещении у меня сохранились. Сколько себя помню, отец был человеком воцерковленным. Он поддерживал связь с монастырями. Регулярно ходил в церковь. Когда его звали в субботу в гости, всегда отказывался, потому что в субботу вечером обязательно шел к всенощной в храм. Каждое лето до 1954 года он снимал дачу по Северной железной дороге. Она находилась на полпути от Москвы до Загорска. Это место устраивало его, потому что по субботам и воскресеньям он ездил на службу в Троице-Сергиеву лавру. Когда была закрыта Киево-Печерская лавра, у нас в Москве какое-то время даже жил иеромонах Иосиф (Штельмах), изгнанный оттуда. Сохранилась его переписка с моим отцом.

Судьба церкви в эпоху хрущевских гонений — одна из самых мучительных и трудных тем в его жизни. Тем более трудная, что среди его окружения, не считая семьи, почти не было людей, с которыми

можно было бы поделиться своей болью. Закрытие или снос того или иного храма, снятие с работы или арест того или иного священнослужителя не привлекали внимания правозащитников в 50–60-е годы. Положение стало меняться после публикации «Мастера и Маргариты» и широкого хождения в самиздате очерка Александра Солженицына «Пасхальный крестный ход».

— У вас сохранились какие-нибудь семейные реликвии?

— Все пропало. Остался только бабушкин нательный крест. Я его нашу. У этого креста особая история. Когда бабушку арестовали, она сняла этот крест и отдала его простой женщине. И та всю войну и послевоенные годы его хранила, хотя могла бы выменять на кусок масла или хлеба. Когда бабушку освободили, она вернула ей крест.

— Ваша бабушка была аристократического происхождения?

— Да, их род восходит к Рюрикам. Ее отец был губернатором Вологды. Крестным отцом моей бабушки был великий князь Николай Николаевич — старший, а крестным отцом ее мамы — император Александр II.

— С такими крестными могли и расстрелять.

— Безусловно. Бабушка преподавала немецкий и французский языки, а по-русски говорила, слегка грассируя. Такую дивную дореволюционную речь я мало у кого помню. Она рано ушла на пенсию. Преподавать в школе в сталинское время ей не хотелось. В 30-м году арестовали отца, а в 41-м — бабушку. Ей дали десять лет. Познакомился я с ней, когда мне еще не было 5 лет. Помню, как рано утром, часов в 6, в нашу комнатку в коммуналке с мороза вошла какая-то женщина. Стала обнимать и целовать меня и сестру. После этого она прожила еще десять лет.

— Какое место в вашей жизни занимал отец?

— Я обязан ему всем. Церковь, литература и театр — это три кита, на которых держалась вся его

жизнь. Я унаследовал это от него. И, конечно, любовь к русской природе и животным – тоже от него. Причем он никогда не декларировал мне эту любовь. Я просто ощущал ее. Мы гуляли с ним, и я видел, как он относится к природе, а говорили мы о чем угодно – о революции, о литературе, о театре. О спектакле МХАТа «Дни Турбинных» он мне рассказывал очень подробно, описывал его по ми-зансценам. Он его видел множество раз. В моем детстве дети играли в «Чапаева», а я – в «Дни Турбинных». В моих играх Алексей не погибал, и мы с ним вместе шли освобождать Россию.

Отец для меня – живое воплощение западника и славянофила в одном лице. По профессии он западник: перевел на русский язык почти всю классическую западную литературу – от Бокаччо до Пруста. И мне, честно говоря, странно, что в Год Франции в России его имя, имя человека, который перевел Рабле, Мольера, Бомарше, Мериме, Флобера, Мопассана, Пруста и Ромена Роллана, никто и не вспомнил. С другой стороны, он был глубоким провинциалом. Вырос в маленьком Перемышле. Прекрасно знал русскую литературу. С ним советовались в издательстве, когда готовили к выпуску книги русских классиков. Любопытно, что, будучи столь известным переводчи-

но у меня почему-то она ассоциировалась именно с ней. В ней была такая же женская притягательность и умение создать уют. В ее дом тянуло неизмеримо. Каждому, кому посчастливилось попасть туда, хотелось возвращаться вновь и вновь.

Жила Елена Сергеевна довольно скромно: она получала небольшую пенсию и какие-то деньги от шедших тогда булгаковских спектаклей. Она нуждалась в заработке. Собственно, и с моим отцом она познакомилась благодаря тому, что он привлек ее к переводам Альфонса Доде. Она хорошо знала французский язык и перевела романы Жюля Верна и Андре Моруа. У нее была несомненная литературная одаренность.

Я старался забегать к ней при каждой возможности – попить кофейку, поговорить. Хозяйкой она была великолепной – даже скромную закуску сервировала с необыкновенным изяществом. Она поражала меня и своим талантом рассказчика, и тонкостью оценок, и острыми суждениями, и каким-то естественным артистизмом. Она замечательно изображала и мхатовцев, и Булгакова. Когда же говорила о тех, кто его травил, у нее появлялся блеск в глазах, и становилось ясно, что она бы никогда не пощадила квартиру Латунского. Любовь к Михаилу Афанасьевичу наполняла

«Для кого-то театр может стать ступенью к осознанному принятию веры. Спектакль, который может помочь человеку заглянуть вглубь души, вне всякого сомнения, возможен».

ком, отец ни разу в жизни не был за границей. Сначала по понятным причинам – ведь в 30-е он был арестован. Затем, когда уже можно было выехать, ему казалась унизительной необходимость получения визы, разрешения. Думаю, в Союзе писателей были счастливы – все писатели рвались поехать за рубеж, а отец ни разу не обратился с подобной просьбой.

Отцу я обязан знакомством со многими замечательными людьми. Лет в 15 он привел меня к Елене Сергеевне Булгаковой.

– Какой она вам запомнилась?

– Тогда я уже был влюблен в Булгакова и знал все его произведения, которые к тому времени у нас печатались. Одного этого было достаточно, чтобы вызвать ее симпатию. Ведь тогда творчество Михаила Афанасьевича еще не было столь популярно. Елена Сергеевна покорила мое сердце сразу. Она была уже немолода, но все равно прелестна и очаровательна. Подтянутая, стройная, элегантная – легко представить, как она могла кружить головы. В ее небольшой квартирке у Никитских Ворот всегда царил абсолютный порядок. Известно, что не она прототип Елены из «Белой гвардии»,

ее каким-то светом. Она свято берегла его архив и использовала любую возможность, чтобы его произведения были напечатаны.

Ее очень тянуло к молодежи. Когда я поступил в институт, стал приводить к ней своих товарищей. Она всегда принимала нас с радостью. Мне давала читать практически все произведения Михаила Афанасьевича. За два года до публикации разрешила мне взять домой «Мастера и Маргариту». Я бежал с папкой, в которой лежала рукопись романа, под дождем и был абсолютно счастлив.

– А с какими еще известными людьми познакомил вас отец?

– Я обязан ему и дружбой с семьей Марии Ермоловой. Дело в том, что дочь Ермоловой, Маргарита Николаевна, была его крестной матерью. А если она дарила кому-нибудь свою дружбу, то это кончалось обыкновенно только с уходом этого человека из жизни. Когда отец поступил в Москве в Институт иностранных языков, он до своего ареста четыре года прожил в ее квартире. У меня сохранились ее письма. В 1934 году, вернувшись из ссылки, отец пришел именно в ермоловский дом. Новый год он встречал там с дедушкой и бабуш-

кой моей будущей жены, Марии (Мария Шверубович – внучка Василия Качалова. – Прим. авт.). Это мистика. Ни меня, ни моей жены, конечно, еще не было в помине. Но, видимо, все в мире достаточно связано.

Маргарита Николаевна внешне немного походила на свою знаменитую мать. Когда я подрос, часто бывал в ее доме. Иногда оставался ночевать. Там стояли мои лыжи. Когда лет десять назад я стал директором Бахрушинского музея, частью которого является квартира Ермоловой, мои коллеги нашли там пакет, на котором написано «Боречкины ласты». Это мои ласты. Для меня это единственный дом в Москве, который я знаю почти шестьдесят лет. Номер телефона ермоловской квартиры помню с 1955 года. Когда иду по Тверскому бульвару мимо Музея Ермоловой, сердце мое по-особому замирает.

– *А каково было вам, выросшему в верующей семье, приспосабливаться к реалиям советской жизни – вступать в пионеры, в комсомол?*

– До школы с этим проблем вообще не было. А в пионеры я вступил. Помню, как-то в Елоховском Богоявленском соборе одна очень простая женщина, с хорошим открытым лицом, похвалила,

что я хожу в храм, и добавила: «Не вступай в пионеры!» Я покаянно ответил ей, что уже вступил. Тогда она сказала: «Жалко, конечно, но тогда не вступай хотя бы в комсомол». Я еще ходил в пионерах, а моя старшая сестра, поступив в пединститут, сказала отцу: «Меня тянут в комсомол». Он ей ответил: «Если ты вступишь, я, конечно, буду тебе помогать и поддерживать. Но знай: отца у тебя не будет». Думаю, вряд ли бы он сдержал свое слово, но я это услышал. В комсомол не вступили ни сестра, ни я. Правда, моей заслуги в этом нет. Я был таким разгильдяем в школе, что никто в комсомол меня и не звал. Школу я не любил. Мне там было скучно. По тем предметам, которые меня интересовали – история и литература, – я прочитал к пятому классу столько, что мог соперничать с девятиклассниками. А на всех остальных предметах я просто отключался. К тому же в последних классах я уже твердо знал, что хочу учиться в театральном институте. Пошел работать в театр «Современник» рабочим сцены и поступил в школу рабочей молодежи. Петр Щербаков, который был тогда партнегром «Современника», меня спрашивал: «Ты чего не комсомолец?» Я отвечал: «В институте вступлю». В институте меня пытались втянуть в комсомол,

но, как только дело доходило до вступления, я учился как-нибудь финт и получал выговор. Тут уж было не до комсомола. А вот в партию меня очень тянули, но я все равно не вступил.

— Папа одобрил ваше решение учиться в ГИТИСе?

— Он сам пристрастил меня к театру своей любовью к нему. Начал водить на спектакли еще до школьника. Мы смотрели «Синюю птицу», ходили в Театр Станиславского на «Дни Турбиных». Я смотрел свою любимую пьесу Булгакова и своих любимых белых офицеров в единственном месте, где их можно было тогда увидеть. Всерьез я увлекся театром классе в пятом. Как люди собирают марки, стал собирать театральные программы. Читал театральные журналы. Мы тогда жили уже в писательском доме возле метро «Аэропорт». Нашим соседом был Виктор Сергеевич Розов. Этажом выше жил драматург Самуил Алешин, у которого как раз тогда одна за другой шли пьесы во МХАТе и Малом театре. На верхнем этаже — Сергей Арбузов. В соседнем подъезде — Леонид Зорин. Я ходил на премьеры «Продолжение легенды» и «Два цвета» в «Современник», видел Мишу Козакова в «Гамлете». Все премьеры обсуждались у нас дома. Школьником я познакомился с Валентином Плучеком и Николаем Охлопковым. Когда Мария Кнебель по-

ставила «Мещанина во дворянстве» в переводе моего отца, мы пошли на премьеру, и меня не хотели пускать, потому что я был еще маленьким. Марию Осиповну строго предупредили, что меня пустят, только если она поручится, что я не буду шуметь. Я был глубоко оскорблена: эту пьесу я не просто читал, я знал ее почти наизусть. С детства обожал читать пьесы. Годам к десяти прекрасно знал произведения Шиллера, Шекспира, Мольера, Бомарше. Продолжать дело отца я не мог — у меня не было таких способностей к языкам. Одно время увлекался философией, но философский факультет был явно не для меня: я не в состоянии одолеть марксизм-ленинизм. Даже при поступлении в аспирантуру у меня с этим предметом возникли непреодолимые трудности. Преподаватель мне откровенно сказал: «Никто так безобразно марксизм-ленинизм не сдавал. Вас надо было бы отчислить, но мы даем вам возможность пересдать через год. Ходите на занятия». Я решил подчиниться. Но у меня ничего не получилось. С самыми благими намерениями я надевал с утра костюм, доезжал до площади Маяковского и... шел либо в ресторан ВТО, либо в ресторан ЦДЛ к друзьям. Так ни разу и не смог посетить лекции. Через год пошел сдавать экзамен. Преподаватель сказал: «Вы сдали еще хуже, чем в прошлый раз». Но все же мне поставили тройку.

С этой тройкой я и защитил диссертацию. Что не помешало мне потом даже читать лекции по истории русской философии.

Папа был счастлив, что я вообще окончил школу и поступил в институт. Мне кажется, поступи я, например, в рыбный, он был бы доволен: я хотя бы был при деле. Кто знал меня в юности, помнит мои выходки. В норму я вписывался с трудом. В юном возрасте идеально уравновешенный человек – абсурд. Сейчас стараюсь это учитывать, воспитывая студентов.

– Что же помогло вам вписаться в норму?

– Армия. После аспирантуры я сам пошел в военкомат. Меня отправили служить в стройбат на Байконур. До сих пор с благодарностью вспоминаю это время. Я относился к этому как к послушанию. Я там практически не выпивал. Почти не просил увольнительную в город. Когда были загулы, вроде описанных в повести Сергея Каледина «Стройбат», был в казарме. У нас была великолепная библиотека. Я читал запоем – брал по пять книг сразу. Был в

– Выдающийся пастырь Иоанн Кронштадтский интуитивно приходил к таким выводам. Его суждения справедливы, но они не носят канонического характера. Конечно, церковные каноны никто не отменял, но со временем они смягчаются. Не стану сейчас углубляться в непростую историю взаимоотношений церкви и театра, приведу лишь один пример. Когда умерла великая актриса Мария Ермолова, то в храме Большого Вознесения у Никитских Ворот ее отпевал тогдашний патриарх местоблюститель нашей церкви, будущий патриарх Сергий. А один из самых почитаемых архиереев, прошедший опыт Оптинских старцев, митрополит Трифон (Туркестанов), на отпевании произнес речь, в которой сказал, что пошел в монахи под влиянием игры Ермоловой в «Орлеанской деве». Мне кажется, эта сторона театра вполне заслуживает внимания. Конечно, и Ермоловых сейчас нет, и «Орлеанскую деву» вряд ли увидишь, но для кого-то театр может стать ступенью к осознанному принятию веры. Спектакль, который может помочь человеку заглянуть вглубь души, вне всякого сомнения, возможен.

«Театр – один из немногих видов человеческой деятельности, который сохраняет свою естественность и первозданность. Там ты видишь человека не на экране телевизора или айфона, а на сцене».

курсе всего, что происходит. Утренние газеты приходили вечером. Мы получали журнал «Театр» и «Вопросы литературы». Я все время перечитывал Достоевского и вполне мог бы написать там диссертацию. Армия меня очень изменила. Когда-то драматург Штейн, который меня прекрасно знал, сказал мне: «С тобой произошло, как в плохой советской пьесе, – армия тебя перековала». Это действительно так. Я за это ей очень благодарен. После армии у меня практически не бывает плохого настроения и уныния. Я вернулся из армии другим человеком. За это благодарен Богу, судьбе и людям, с которыми провел этот год.

– А о вашей воцерковленности было известно?

– Думаю, в институте догадывались. Конечно, я ощущал некое одиночество – не могу сказать, что кто-то из моих сверстников мог отстоять всеобщую или литургию. Регулярно причащающихся в то время тоже было маловато.

– Есть мнение, будто театральное искусство и христианская вера несовместимы. Иоанн Кронштадтский утверждал, что театр усыпляет христианскую жизнь. Сейчас отношение церкви к театру не столь категорично. Чем, на ваш взгляд, это объясняется?

У Гоголя в его книге «Выбранные места из переписки с друзьями» есть глава «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности». В ней он пытается богословски осмысливать искусство театра. В этой книге он справедливо называет театральное искусство «незримой ступенью к христианству».

– Что театр может дать человеку?

– Сейчас мы абсолютно задавлены миром техники и высоких технологий. Театр – один из немногих видов человеческой деятельности, который сохраняет свою естественность и первозданность. Там ты видишь человека не на экране телевизора или айфона, а на сцене. Это непосредственное восприятие живого человека не заменит ничто, никакая техника. Приход в театр и общение с живым человеком пусть раз в месяц, раз в год – это несопоставимо ни с чем.

– Сейчас театр вас радует?

– К сожалению, не всегда. Помню, какое впечатление в свое время произвели на всех пьесы Виктора Розова «В добрый час» и «В поисках радости». Увы, в современной драматургии практически нет пьес, которые сказали бы человеку «в добрый час» и позвали бы его искать радость. ●

ПЕРВЫЙ СЮЖЕТ В СВЕТЕ

АВТОР

АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ

«...ЕСЛИ БЫ СИЮ МИНУТУ БОГУ БЫЛО УГОДНО ЛИШИТЬ МЕНЯ ЗДЕШНЕЙ ЖИЗНИ,
ТО Я ПОБЛАГОДАРИЛ БЫ ЕГО ЗА ТО, ЧТО ОН ПРОСЛАВИЛ МЕНЯ ОТЫСКАНИЕМ
ПЕРВОГО СЮЖЕТА В СВЕТЕ!»

*Из письма художника А.А. Иванова отцу.
Начало 1830-х годов*

Явление Мессии
(Явление
Христа народу).
1837–1857 годы.
Государственная
Третьяковская
галерея

Поднявшись по главной лестнице Третьяковской галереи, вначале нужно повернуть направо и в соответствии с планировкой совершить

круг по экспозиции XVIII века. «Души изменчивой приметы» на портретах Никитина, Рокотова, Левицкого, Боровиковского... Поворот налево, в XIX век: хрестоматийный Пушкин

кисти Кипренского, несколько портретов, пейзажей... Еще немного вперед – и справа в перспективе через зал открывается наконец одно из чудес России, картина, мимо которой невоз-

можно пройти. Ее автор родился и учился в Петербурге, работал над ней в течение почти 25 лет в Италии, но ни разу не был в Москве (в конце жизни очень хотел сюда приехать – увы, не получилось). Зато теперь его картина – одна из самых ярких визитных карточек Москвы, Третьяковской галереи да и вообще всей русской живописи. «Явление Христа народу» (автор называл ее «Явление Мессии») – наша единственная цель сегодня.

ВЕЛИЧИЕ ЗАМЫСЛА

«Служенье муз не терпит суеты» – знаменитая пушкинская фраза касается не только поэтов и художников, но и тех, кто слушает их стихи и смотрит их картины. Поэтому вначале нужно немного постоять там, откуда мы впервые увидели картину Иванова. Успокоиться и просто полюбоваться раскрывающимся в ней пространством, ярким, звучным цветом итальянского неба, мощной кроной дерева в левой части и, конечно, эффектно заполняющими это пространство фигурами. Среди них выделяется огромного роста человек в необычной одежде – золотистой шкуре, покрытой светло-коричневой мантией, с крестом в поднятой руке. Остальные, за исключением четырех мужских фигур слева, пока трудноразличимы. Потом, не отрывая глаз от картины, нужно пройти через зал Брюллова и остановиться у дверного проема перед вторым залом, в котором «живут» эта и другие работы великого русского художника Александра Андреевича Иванова.

Прежде всего впечатляют грандиозные размеры картины: 5,4 на 7,5 метра. Сюжет выбирался Ивановым как самый важный, «первый в свете» (сразу вспоминается Иосиф Бродский: «Главное – величие замысла!»), отсюда и соответствующий размах его воплощения. Но, конечно, не только размером картина привлекает к себе внимание. Почему выбран именно этот сюжет, почему он – «первый», единственный? И почему он именно так воплощен: на первом плане, и даже на втором, – толпа самых разных людей, а маленькая, едва заметная фигура Христа – на заднем? Что это – явление Христа народу или, как саркастически сформулировал В. Розанов, «затмение Христа народом»? Не будем спешить. Как сказал о художнике в начале XX века известный деятель русской культуры Сергей Дягилев: «Иванов – целая загадка. С одной стороны, кто из русских его не знает? С другой стороны, никто из русских его не знает». Но могли ли «знать» гения? Творчество Александра Иванова хорошо изучено. Написаны десятки статей, защищены несколько диссертаций, изданы капитальные монографии академика Михаила Аллатова и профессора Михаила Алленова, солидный том «Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях» (составитель И.А. Виноградов). Наконец, в 2006 году, к 200-летию со дня рождения художника, Третьяковская галерея представила полный каталог его работ с обширными комментариями. Но непосредственное общение с великой картиной вновь может поставить под во-

прос то, что, кажется, уже давно о ней известно. И даже собственные впечатления от нее каждый раз обновляются...

Вначале – несколько характеристик автора картины. «Сумасшедший мистик» (полковник Л.И. Киль, начальник колонии русских художников в Риме). «Новый Корреджио», «отшельник» (Н.В. Гоголь). «Упрям и своеобразен» (Ф.И. Иордан, гравер). «Младенческая чистота души, трогательная наивность» (Н.Г. Чернышевский). «Всех слушал и никого не слушался» (В.В. Стасов). «Святой художник» (А.С. Хомяков). Наверное, достаточно, чтобы понять – Иванов был, мягко говоря, неоднозначен. Теперь перейдем к его картине, которая, как легко догадаться, тоже неоднозначна.

ПОИСКИ СЮЖЕТА

«Выбор сюжета для будущей картины моей долго затруднял меня», – признавался художник. Он попытался воплотить в эскизах несколько ветхозаветных событий, имея в виду их назидательный характер: Самсон в объятиях Далилы – напоминание о женском коварстве; Давид играет на арфе перед Саулом – о смиряющей зле силе искусства; Иосиф, ставший богатым и знатным, открывается братьям, в детстве продавшим его в Египет, – великолодушное прощение; братья Иосифа находят чашу в мешке Вениамина – справедливое, и притом хитроумное, возмездие (они вынуждены теперь отправить своего младшего брата, Вениамина, в Египет, как когда-то сделали это с Иосифом). Но, как правильно подсказал Иванову один из его старших друзей и коллег, Франц Овербек,

Явление Мессии.
«Первоначальный» эскиз.
1834 год

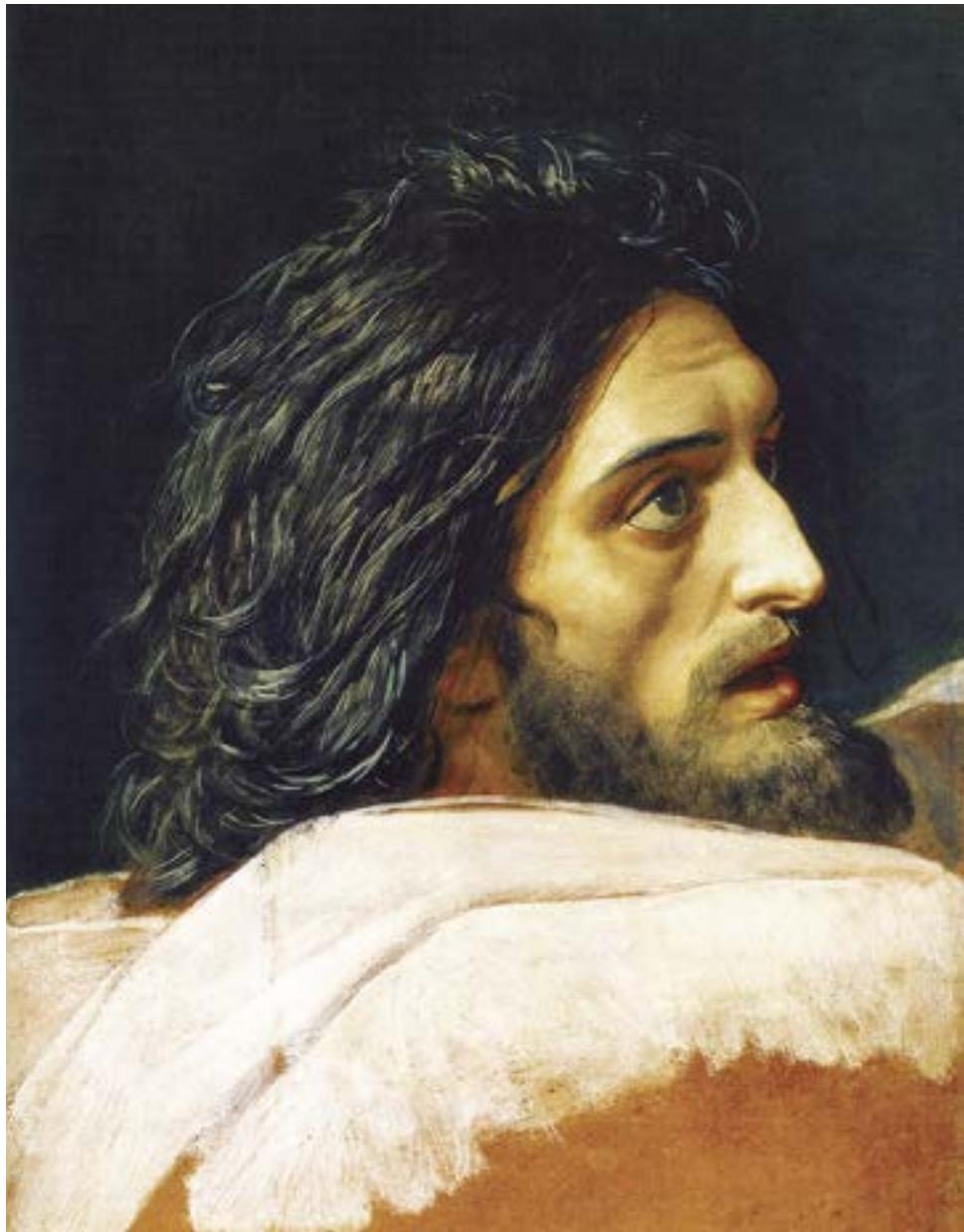

Явление Мессии.
Первый набросок будущей картины (из альбома В.А. Жуковского).
Начало 1830-х годов

последний сюжет – лишь фрагмент истории Иосифа, частность, которую невозможно расширить до серьезного обобщения, – как, впрочем, и все остальные. Иванов же хотел создать сразу нечто великолепное, грандиозное, единственное в своем роде.

Зачем? Ответ, как кажется, напрашивается сам собой: чтобы прославиться, превзойти других. Например, «великого Карла» – Брюллова, слава которого как автора «Последнего дня Помпеи» (1830–1831) гремела тогда по всей Европе. Но на самом деле превзойти Брюллова подталкивала Иванова не зависть, столь обычна в художественной среде. Он искренне радовался его успеху, прославившему русское искусство, при этом трезво оценивая брюлловскую картину как эффектное, но духовно неглубокое произведение. «Мирная картина моя станет выше пожара и язвы», – записывает он как бы между прочим на полях одного из своих альбомов. «Пожар» – это, конечно, «Помпея». А «язва» – создававшееся тогда же в Риме огромное полотно Федора Бруни «Медный змий» (закончено в 1841 году), где иудеи, возроптившие на Бога в пустыне, гибнут от змеиных укусов.

«Выше» – в данном случае не просто «лучше». Ведь Иванов считал себя, ни много ни мало, призванным способствовать... приближению «золотого века» для всех людей. Именно так! Долгие уединенные размышлении привели его к выводу: русскому народу, как наиболее молодому, сильному и трезвому в оценках из европейских, суждено соединить последние достижения науки с совершенной нравственностью. И, тем самым, завершить процесс развития человечества. Такое единение, по его представлениям, станет основой для всеобщего социального переустройства, которое поэтому произойдет естественно и мирно. А вдохновляющим призывом к нему должна стать единственная в своем роде картина, которая потрясет всех и, главное – покажет высший идеал и основу такого совершенства. Вот

Голова Иоанна Крестителя.
Этюд к картине.
1840-е годы

почему Иванову нужен был только исключительный, единственный, «первый в свете» сюжет. И он нашел его – в книге, тоже «первой в свете».

ЭВРИКА!

Вот заметка из записной книжки художника за 1832 год: «...так как Изящные Искусства более всего действуют на умягчение нравов, то я и думаю, что предмет, составляющий сущность первой книги в свете – Евангелия, должен будет иметь важное впечатление на сердца славнейшего народа – любезных моих соотечественников». А уже 1 января 1833 года в

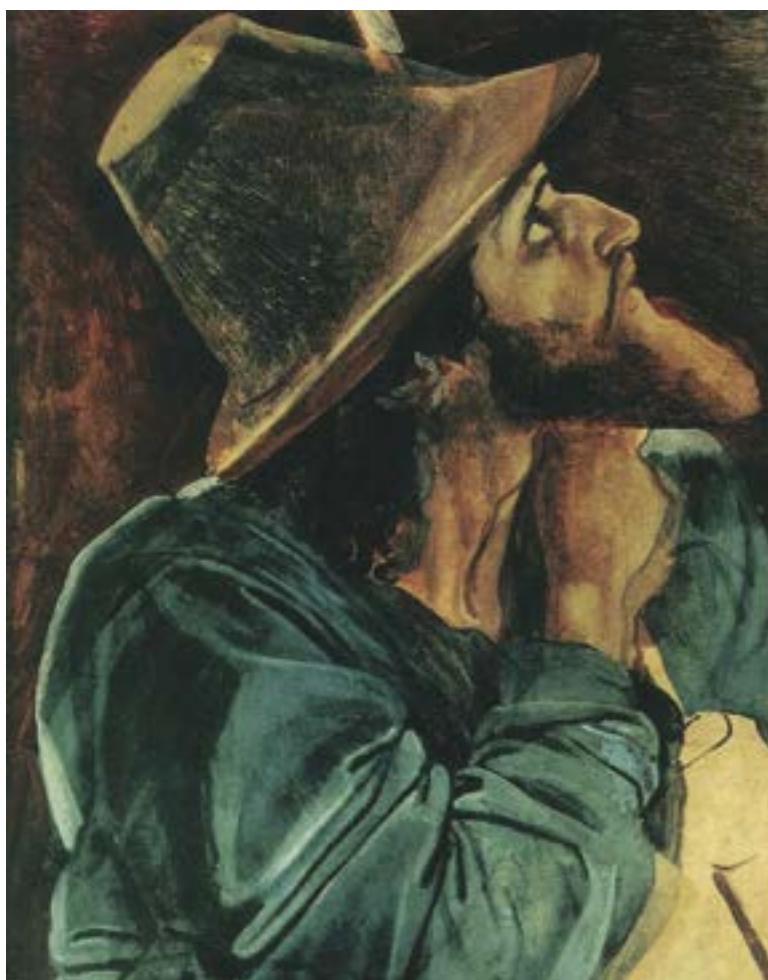
Петербург им было отправлено письмо Обществу поощрения художников, в котором он описывает и сам сюжет. «...Я остановился на Евангелии – на Евангелии от Иоанна!! Тут на первых страницах я увидел сущность всего Евангелия – увидел, что Иоанну Крестителю поручено было Богом подготовить народ к принятию учения Мессии, а наконец и лично Его представить народу! Сей-то последний момент выбирал я предметом картины моей, т.е. когда Иоанн, увидев Христа, идущего к нему, говорит народу: «Се Агнец Божий, вземляй (берущий. – Прим. авт.) грехи мира!»

Сущность всего Евангелия? На первых же его страницах? Зачем тогда остальные? Эти вопросы, видимо, не вставали перед художником, опьяниенным своим открытием. Сдержанное недоумение по этому поводу отца, которому он постоянно писал в Петербург, не стало препятствием. Иванов, правда, вначале воспринял отсутствие восторга со стороны отца и своих «спонсоров» как запрет на дальнейшую работу, но те в самом деле не стали возражать, а поддержали его. То, что художник собирается изобразить «сущность всего Евангелия», видимо, просто оставили за скобками, посчитав за максимализм, свойственный молодости и неопытности.

Но дело было не только в возрасте (Иванову было тогда 26 лет) и особенностях душевного склада художника. «Вечный миф», свойственный искусству, – осознание события любой давности как современного, в первой

половине XIX века стал остроактуальным для очень многих. Преклонение перед античной культурой быстро сменялось в европейском обществе интересом к собственной и мировой истории, поиском ее смысла и своего места в ней. С исторической точки зрения попытались смотреть и на Священное Писание, на личность Христа. Это приводило иногда к скепсису и разочарованию: например, богословы из Тюбингенского университета в Германии именно «историчности» Христа в Евангелиях не увидели. Зато в умах многих других людей евангельские события вдруг обрели плоть и кровь, а Христос перестал восприниматься «традиционно», то есть почти абстрактно, и как будто физически приблизился.

...Зачем не в то рожден я время,
Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути... –

Путешественник
(предполагаемый автопортрет
А.А. Иванова).
Этюд к картине.
1840-е годы

скажет чуть позже об этом устами своего героя, Иоанна Дамаскина, А.К. Толстой. Иванову этого было мало: он хотел для всех мгновенного озарения, покаяния, переворота внутри и внешне, чтобы сразу началась иная, новая жизнь. Как и его современник, писатель Владимир Одоевский, автор известных в свое время «Русских ночей», Иванов мог бы его словами обличать существующее положение общества: «Горе тебе, страна нечестия; ты избила своих пророков, и твои пророки замолкли! <...> Я, последний из пророков,зываю к тебе: брось куплю и злато, ложь и нечестие, оживи мысли ума и чувства сердца; преклони колени не перед алтарями кумиров, но перед алтарем бескорыстной любви...» Поэтому Иоанн Креститель у него так суров и величественно трагичен. Он не только «представляет народу Мессию», но и продолжает призыв к покаянию. В его образе есть что-то и от самого художника...

Кроме того, Иванова вдохновляло, что его сюжет, как он писал, «остался сокровенным (скрытым. – Прим. авт.) от знаменитых итальянских гениев XV века». Действительно, великие итальянцы – фра Беато Анжелико, Леонардо да Винчи, Перуджино и другие – ограничивались сценой крещения Христа Иоанном, а трепетно почитаемый Ивановым Рафаэль не написал и ее. Но картина, изображавшая проповедь Иоанна с идущим к нему Христом, все-таки была создана раньше, в начале XVI века, – правда, не в Италии, а в Нидерландах, чего Иванов, видимо, не знал. Позже мы сравним это изображение с его картиной. Но, конечно, ни один художник в мире, кроме Иванова, не считал свое произведение (к тому же не написанное, а только задуманное!) предназначенным к совершению вселенского переворота в жизни человечества. Он слишком глубоко принял к сердцу романтические идеи, бурлившие тогда в умах под воздействием

немецких классических философов, особенно Гегеля и Шеллинга. И поэтому готов был считать художника (значит, в том числе и прежде всего – себя) «высшим судом», «мудрым творцом» и даже «отсветом премудрости Божией», чтобы по достижении им нравственного совершенства «увенчать, окончить создания всей земли».

В сюжете «Явление Мессии» Иванов увидел ответ на вопросы, которые в первой половине XIX века еще не попали на страницы книг, но фактически стояли перед человечеством всегда. «Кто виноват?» – конечно, мы сами! «Что делать?» – исполнить слова Христа: «Верующий в Меня будет творить дела, которые Я творю, и больше этих будет творить» (Ин 14:12). Итак, картина Иванова – грандиозная, запредельная (чтобы не сказать – болезненная) утопия? Да. Но, как известно, кто низко метит, тот низко и попадает...

Явление
Христа Марии
Магдалине после
Воскресения.
1835 год.
Государственный
Русский музей

ПЕРВЫЙ ЭСКИЗ

Если принять точку зрения художника, самой значительной фигурой в его картине должен быть Христос, а не Иоанн Креститель. В первом, карандашном эскизе будущей картины, сохранившемся, по счастью, в альбоме поэта Жуковского, протежировавшего Иванову, так и было: Христос, скромный и величественный одновременно, изображен в центре композиции. Иоанн, стоящий слева от Него, выделяется из толпы, но не выывается над ней, его руки едва подняты. Зато народ впечатляющими, можно сказать, театральными жестами бурно выражает свой восторг по поводу происходящего. Получилась еще одна академическая, гладкая и сладкая, «апотеозическая», как тогда выражались, то есть показывающая апофеоз, триумф главного героя картинка. Будь она написана на большом холсте, Иванов, несомненно, заслужил бы одо-

брение у начальства, имел бы большой успех у публики, обеспечив себе тем самым безбедную итальянскую жизнь на многие годы. Правда, это было бы слишком похоже на другую библейскую историю – продажу первородства за чечевичную похлебку (Быт 25:31–34). «Первый сюжет в свете» стал бы тогда одним из прочих сюжетов, причем далеко не самым значительным и интересным. Излишне говорить, что для Иванова такой вариант был даже не соблазном – с его-то планами! Поэтому следующие эскизы от первого будут разительно отличаться.

«НАЧАТОК ПОНЯТИЯ О ЧЕМ-ТО ПОРЯДОЧНОМ»

Прежде чем приступить к своему титаническому труду вплотную, Иванов в качестве подготовки пишет еще одну картину – «Явление Христа Марии Магдалине» (1835). Сходство с первым эскизом большой картины за-

метно и в расположении центральных фигур, и в общем замысле: Магдалина, несмотря на коленопреклоненную позу, соответствует в эскизе образу Иоанна Крестителя, стоящего перед Христом. В новой картине Иванов формально не вышел за пределы художественных принципов академизма: основа здесь – возвыщенное обобщение, предельная ясность и при этом назидательность происходящего. Им всего лишь буквально проиллюстрированы слова Христа Магдалине: «Не прикасайся ко Мне... но иди к ученикам Моим...» Однако он насытил традиционную, развернутую на плоскости, простую двухфигурную композицию таким драматизмом (правда, исключительно в фигуре и лице Магдалины), что от требуемой в Академии «благородной простоты и спокойного величия» мало что осталось. Конечно, нет оснований видеть здесь, вслед за М.В. Алпатовым, только подобие любви весталки, отвергнутой во имя долга римским трибуном. Но то, что женский образ стал живым и необычно для классицизма многоплановым (радость, внутреннее озарение при еще не просохших слезах), позволяет в определенном смысле поставить эту картину Иванова в ряд подготовительных этюдов к «Явлению Мессии». Ведь именно такого воздействия – преображения, которое случилось с Магдалиной, а не внешних эмоций – художник ждет от будущих зрителей своей большой картины. А пока оно должно происходить с ее персонажами. Одна проблема: как быть с образом Христа? В «Явлении Магдалине» он и правда не слишком удалялся: некоторая застылость, искусственность позы и жеста, холодноватое совершенство форм. Во многом это было следствием прямого воздействия образца – известной скульптуры Б. Торвальдсена «Христос» (1820). В самом деле, ожившая статуя вряд ли кого-то убедит изменить жизнь. К тому же на картине Христос показан после Воскресения, в новом, прославленном

Богом теле – как быть, если Его нужно показать до прославления, до потрясавшей сердца людей проповеди и чудесных исцелений? Пока это оставалось для художника вопросом... За «Магдалину» Иванов единогласно получил звание академика живописи. Похвалы звучали отовсюду. «Какой стиль!» (профессор Академии Егоров); «Ты победитель, все твоё!» (профессор А.И. Иванов, отец художника); «Картина бесподобная» («Журнал общественных сведений», 1836 год). Петербургская Академия художеств готова превознести его как хранителя традиций, давшего им новую жизнь, отец пророчит профессорство в ней. Но вот что Иванов пишет ему после своего триумфа: «Кто мог думать, чтобы моя картина «Иисус с Магдалиною» произвела такой гром? Сколько я ее знаю, она есть только начаток понятия о чем-то порядочном...» Этот «начаток» художник в течение еще двадцати (!) лет будет стремиться довести до совершенства. Насколько удалось его предприятие – речь пойдет впереди. А пока стоит отметить одну не слишком заметную, но важную деталь в большой картине, – безусловно, прямо восходящую к «Иисусу и Магдалине». Ниже поднятых рук Крестителя Иванов изображает человека с бородой, в синей одежде и серой шляпе, с посохом в руке. В отличие от многих других персонажей картины он никак не выражает своего отношения к словам пророка. Но взгляд...
...Душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть, – известные строки Тютчева прекрасно его характеризуют. Конечно, это реплика образа Магдалины, но уже без ярких эмоций, без сильных движений, без прекрасной натуры, которой можно любоваться с замиранием сердца (как было у самого художника). Готовность встретиться с Христом выражена не прямо. Она теперь глубоко внутри, но эта глубина ощутима. Наверное, многим будет интересно узнать, что «Путешественник» – вероятный автопортрет художника.

Окончание в следующем номере.

ИЛИЦО, И МЫСЛИ, И ОДЕЖДА

АВТОР

АННА ГАМАЛОВА

ОБЩЕИЗВЕСТНО: ЧЕМ БОЛЬШЕ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ БИОГРАФИИ ФАКТИЧЕСКИХ, А ЛУЧШЕ БЫ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СОВПАДЕНИЙ С ЕГО СОЧИНЕНИЯМИ, ТЕМ ПРОЧНЕЕ СЛАВА.

МЫ ВЕДЬ ЛЮБИМ ТЕХ, кто соответствует себе, а несоответствий не прощаем: не мог Шо-лохов написать «Тихий Дон»! Не мог перчаточник Шекспир знать людей и латынь лучше аристократов-современников! Зато Конан Дойл и сам раскрыл пару хитрых дел и увлекался вдобавок спиритизмом; Мел-вилл, Джозеф Конрад и Грин не только описывали моря, но и странствовали по ним; Джек Лондон – сам бродяга и золотоискатель! И даже Гончаров, страшный лентяй и психопат, вечно боровшийся с алатией, любил нами за сходство с Обломовым: не просто писал человек, но жизнью расплачивался за литературу!

В этом смысле Иван Ефре-мов – самый удачливый совет-ский фантаст. Потому что ни-кто из писателей его поколения

не соответствует так точно собственной стилистике – холо-дноватой, загадочной, восходя-щей то ли к викторианской Британии, то ли вообще к античности с ее культом силы и совершенства.

– Откуда вы такой взялись? – спрашивал его в недоумении Алексей Толстой зимой 1945 года. Он лежал в Кремлевской больнице с воспалением легких, понимал, видимо, что умирает, и утешался чтени-ем познавательной литературы – присланных ему на отзыв рассказов Ефремова о путешес-тиях. В самом деле, очень успокаивает – как гимназиче-ский роман. – Откуда у вас стиль такой... точеный?

– Хаггард, – пожимал плечами Ефремов.
И то сказать, у кого из доро-волюционных подростков не было зачитанных до дыр «Ко-

пей царя Соломона» и сколько копий царя Соломона пошло гулять по страницам подрост-ковой прозы? Но помимо Хаг-гарда, Буссенара, Жаколио, которых читали гимназисты нача-ла века, Ефремов осилил ги-гантские тома справочников, энциклопедий, путешес-тий и классификаций: сам археолог, палеонтолог, основатель тафо-номии (дисциплины, исследую-щей сохранение органических останков в разных средах), он обладал дотошностью иней-тральностью истинного нату-ралиста. Спокойный, мощный, позитивный ум, добросовест-ность ученого при описании фантастического и невообрази-мого – вот что заставляло поко-ления читателей Ефремова ве-рить в олгой-хорхой, которого не было и не бывает, или в ма-гические серые кристаллы, воз-действующие на человеческую память. А сколько советских – и западных – читателей пред-ставили себе будущее по Еф-ремову и не могут вообразить иной модели будущей цивили-зации, кроме того стерильно-гармонического и все-таки тра-гического мира, о котором написана «Туманность Андро-меди»? Наконец, «На краю Ой-кумены» – едва ли не самая убе-дительная и наглядная книга о Древнем Египте, хотя здесь-то уж есть из чего выбирать. Ефре-мов – абсолютная загадка: ни-кто ведь не привык выстраи-вать генезис крупного автора по таким сомнительным источ-никам, как развлекательная ли-

РИА НОВОСТИ

тература начала века, да и в научных трудах редко ищут корни художественного дара. А между тем именно эти вещи – занимательность и азарт первооткрывателя от Жюля Верна и Буссенара, таинственность и экзотика от Хаггарда, основательность и познавательность от научной прозы – сформировали неповторимый ефремовский стиль. Да и судьба его полна загадок, явных или мнимых. Начать с того, что собственный год рождения он скрыл, и, когда отмечать юбилей, мы не знаем. А «Час Быка», невероятным образом опубликованный в 1968 году и тут же накрепко закрытый для экранизаций и переизданий, не выдававшийся в библиотеках, вычеркнутый из справочников?

А таинственный – сразу после смерти – обыск в кабинете Ефремова и конфискация всего его архива на два года с полным возвращением вдове? А слух о связи Ефремова с западными разведками, усердно культивировавшийся безвестными врагами его таланта? Наконец, сам фантастический разброс его интересов – медицина, эстетика, космизм, футурология, археология, история Египта, жизнь Александра Македонского – все наводило на мысль о некоем существе небывалой породы, представителе будущей расы, заброшенном в бурную Россию XX века бог весть какими космическими ветрами. И даже внешность его – богатырский рост, густой бас, ска-

зочная физическая мощь – внушала трепет тем немногим, кто бывал к нему близко допущен. Ефремов мыслил не привычными, бытовыми категориями, не причислял себя ни к западникам, ни к почвенникам, и вовсе уж немыслимо было представить его в магазинной очереди, в транспортном потоке. Зато в бесчисленных своих экспедициях, среди монгольских пустынь, в среднеазиатских сумерках, на качающейся палубе – он был идеально на месте; нелюдимый, он редко допускал к себе коллег и остался такой же загадкой, как непостижимо возникшая в советской литературе «Туманность Андromеды». Утопия Серебряного века, прерванная революцией научно-фантастическая линия, идущая от Брюсова, Богданова, отчасти Сологуба, – вот что такое сказки Ефремова, в которых от коммунизма в его социальном, Марковом, ленинском смысле не осталось решительно ничего. Он, конечно, был бы идеально на месте среди символистов – именно их практику продолжают его лучшие книги, ставшие окном в волшебный мир для всех послевоенных советских школьников.

Ефремовская фантастика – продолжение спора о сверхчеловеке, начатого русской литературой задолго до Ницше. Ни европейский соблазн наполеонизма он не принимает, ни русский ответ на него, по преимуществу христианский, этический; чужды ему и масскультурные супергерои с суперспособностями: все суперспособности его людей будущего – из области принципиально возможного, в отличие от способности, скажем, летать. Как сам он – явление прежде всего ренессансное, человек из редкой породы титанов, так и супергерои его – порождение гуманистической традиции, идущей от античности через Возрождение, люди, в которых совершенно почтоворски все прекрасно: душа, и мысли, и все остальное. Правда, после всемирного разочарования в коммунистической идеи от гуманистической традиции в

литературе вообще и фантастике в частности остались рожки да ножки. В массовом сознании, пожалуй, восторжествовала та самая модель мира будущего, с которой Ефремов страстно спорил в своих литературных произведениях и посвященных литературе статьях, противопоставляя жадному, эгоистичному и беспринципному герою с бластером – своего, сильного и уверенного альтруиста, апокалиптическим картинам будущего – уверенность в другом пути, позволяющем человеку жить в согласии с природой.

Тем не менее Ефремов и сегодня читается без кривой всепонимающей ухмылки и даже по-прежнему завораживает читателя ощущением спокойной, неагрессивной и уверенной силы, которая не имеет ничего общего со стремлением подчинять себе других. Даже Александр Македонский у него – не завоеватель в первую очередь, а титан, человек исключительной внутренней силы; не разрушитель царств, а созидатель огромной империи. Мир будущего, выстроенный могучим воображением Ефремова, – мир без сознательного зла. Он исходит из традиционного для гуманистов-просветителей аспекта, что стремление к злу не есть неотъемлемое свойство человека, что можно правильно воспитать каждого члена общества, что люди будущего могут быть совершенно свободны от привычных современному человеку страстей, пороков, ошибок. Тут он спорил с братьями Стругацкими, чей мир будущего – тоже мир добра и разума, волшебно-прекрасный, однако населен он совершенно человеческими людьми, а не мраморными колоссами, ожившими титанами «золотого века». В интервью, посвященном созданию «Часа Быка», Ефремов говорил: «Некоторые фантасты, например братья Стругацкие у нас, наделяют своих героев теми же чертами, которые вообще присущи человеку сегодняшнего дня, теми же положительными

РИА НОВОСТИ

чертами, страстями, недостатками. И искусственно переносят их в самое отдаленное будущее. Разумеется, делать это легко, для этого даже и не надо быть писателем-фантастом. Но поступать так – значит поступать неправильно. Ведь, несомненно, человек будущего будет во многом отличаться от человека сегодняшнего дня. А предметом литературы всегда был человек. Следовательно, писатель-фантаст обязан прежде всего сказать что-то новое, что-то свое о человеке грядущем. Если он не может ска-

зать ничего нового, то тут нет и литературы. Когда я пишу своих героев, я убежден, что эти люди продукт совершенно другого общества. Их горе не наше горе, их радости не наши радости. Следовательно, они могут в чем-то показаться непонятными, странными, даже неестественными. И я создаю образы своих героев, исходя из этого». Они и в самом деле таинственно-непонятны; непонятно общество с коллективным воспитанием детей – так и подыскиваешь себе мысленно мечтешко на Яве, острове Матерей,

РИА НОВОСТИ

куда отправляются женщины, не желающие препоручать воспитание детей социуму... Неопределимые поступки, непонятные реакции, но колоссальная витальная сила обитателей ефремовского мира не может не увлекать.

Это ведь древний механизм чтения и отождествления себя с героем: чтение Ефремова заставляет вспомнить не о своей малости и слабости, а о своей внутренней силе и достоинстве; Ефремов не проповедует их, а делится ими – ясно и щедро. Одно это уже обеспечивает его книгам почетное место на полке лучших и любимых. Не говоря уже о таинственных, прекрасных и страшных образах неведомого будущего: о гигантских черных медузах с чужой планеты, о краснокожей красавице с Эпсилон Тукана с ее загадочным призывом «Оффа алли кор!», о празднике Пламенных Чаш...

Читателей так впечатлил этот ослепительный мир, что «Туманность Андromеды» со своего выхода в 1957 году до 1963-го, когда

вышло «Лезвие бритвы», переиздавалась ежегодно огромными тиражами – до 500 тысяч экземпляров в 1959 году; за советские годы всего было около 20 переизданий. Не прекратились они и в постсоветские времена, хотя Ефремову многие ставили в вину, что он – уже после разоблачения сталинизма – пытался оправдать и реанимировать скомпрометированную себя коммунистическую идею.

Но идея будущего по Ефремову – больше и шире, чем апология или обличение того или иного социального строя. Недаром так никто толком и не разобрался, имел ли он в виду Советский Союз в «Часе Быка» – и вообще, социалистическую идею разоблачал или капиталистическую. Сам писатель говорил, что развил до логического предела тенденции, имеющие место в США и Китае при «великом кормчем»; его Торманс отвратителен сразу и по-коммунистически, и по-капиталистически – на что бы это было так похоже, так неприятно актуально?

Советская власть разглядела в книге свой портрет по принципу «на воре шапка горит» и отреагировала запретом: книжное издание 1970 года (до этого роман выходил в журнале «Техника – молодежи») стало последним при социализме, в следующий раз «Час Быка» увидел свет только в 1988 году.

Пожалуй, и Стругацкие, с которыми мэтр так спорил, ясно видели, что проблемы будущего у Ефремова шире узкосоциального толкования. Борис Натаевич писал однажды: «Да, мы (с АН) очень хорошо понимали, что живем именно в Советском Союзе и именно в «такой момент», и тем не менее мысль написать утопию – с одной стороны вполне a la Ефремов, но, в то же время, как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем».

Что Ефремов ставил вопросы скорее антропологические, чем социальные, особенно ясно, если углубиться в его «Таис Афинскую» или «На краю Ойкумены», где всякое движение в мир приносят сильные и мудрые герои, или в «Лезвии бритвы», где он прямым текстом говорит о том, что единственно верен только срединный путь, хотя найти его и не впасть в крайность – немыслимо трудно. Роман напоминает, что по лезвию бритвы ходят каждый из нас; свалиться легко; оправдать падение своим человечеством – эраре же хуманум эст – еще легче, но жизнь только тогда жизнь, когда она ищет не легкие пути, а верные.

В этом смысле Ефремов сейчас – хорошая прививка от уныния, свойственного эпохе разочарований: даже если утопического мира не вышло, а в нашем краю Ойкумены как жили при фараонах, так и живут, – то от нас самих зависит, быть титанами или не быть, удержаться на лезвии или брякнуться с него, тянуться вверх или продолжать валяться.

Игорь
Северянин.
1933 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПОРА ПОПУЛЯРИТЬ ИЗЫСКИ»

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ПОЭТЫ – ЗАЛОЖНИКИ ЭПОХИ: ОНА ВЫБИРАЕТ ИЗ ИХ СТИХОВ ТОЛЬКО СОЗВУЧНЫЕ И ЗАБЫВАЕТ ОСТАЛЬНОЕ. КОМУ-ТО ВЕЗЕТ БОЛЬШЕ, КОМУ-ТО МЕНЬШЕ. ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН – ИЗ НЕВЕЗУЧИХ. ОН ОСТАЛСЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АВТОРОМ ГРЕЗЭРОК, ЭКСТАЗОВ И МОРЕФЕЙ, ВОПЛОТИВШИХ САМЫЙ ДУХ ВРЕМЕНИ, ПОШЛОГО, МЕЩАНСКОГО – И ВСЕ РАВНО ПОЛНОГО САМОЙ НЕПОДДЕЛЬНОЙ ПОЭЗИИ.

ИГОРЬ ЛОТАРЕВ, НАЗВАННЫЙ по святым в честь князя Игоря, был по рождению аристократом, состоял в родстве с Карамзиным (даже называл его дедом) и Фетом (мать его была урожденная Шеншина). Отец его, военный инженер, штабс-капитан, был моложе жены на пятнадцать лет; брак их развалился, когда будущий поэт был еще ребенком. Игорь остался с отцом – уехал вместе с ним из Петербурга в Череповец, где учился в реальном училище. Окончил всего четыре класса: сам дух торговли ему претил, и мальчик однозначно заявлял, что будет поэтом.

Из меня хотели сделать торгаша,
Но торгаществу противилась
душа.

Смыслу здравому учили с детских
дней,
Но в Безразумность влюбился
саловей.

Стихи он писал с восьми лет. Учиться он больше нигде не учился, а жаль: при всей его очаровательной одаренности и любви к литературе ему остро не хватало общей культуры. Может быть, доведись ему получить приличное образование, и поэт был бы другой – глубже, сильнее, умнее. Все задатки, все предпосылки для этого были. Но не сложилось.

Отец умер в 1904 году, когда Игорю было 17 лет. Юный поэт поселился у матери в Гатчине. Там и познакомился с вечно пьяным, одетым в отрепья, странным поэтом Константином Фофановым, который, собственно, и убедил молодого Лотарева, что он гений. Фофанова, да еще Мирру Лохвицкую, рано умершую поэтессу, юноша ценил больше других поэтических авторитетов и был верен этой любви всю жизнь. «Я Лохвицкую ставлю выше всех: // И Байона, и Пушкина, и Данта», – признался он в стихах. Удивительно, что он считал Цветаеву бездушной, а Пастернака – назвал «бездарью» и «заурядью»; вкус подводил его постоянно. Фофанов и Лохвицкая – последняя заря поэзии XIX века; от них, пожалуй,

Мирра Лохвицкая (1869–1905),
русская поэтесса

Константин Фофанов (1862–1911),
русский поэт

он унаследовал легкость и певучесть. Но пошел дальше – и стал одним из тех русских поэтов, которым суждено было основать целое направление в поэзии, сделать множество открытий, исчерпать обнаруженные возможности до дна – и направление закрыть: после него здесь сделать ничего нельзя. Ту же жилу несколько раньше взялся разрабатывать Бальмонт, изучавший формальные возможности русского стиха, способы придать ему особую музыкальность, напевность, пластичность. Северянин пошел дальше: его музыкальность – почти нестер-

пима, на грани приторности, напевность навязчива и гротескна, он будто стремится сделать из русского языка французский, если не эльфийский; свою поэтическую речь он насыщает варваризмами и маронизмами, особенно упирая на «Э»: «элегантная коляска, в электрическом биенье, эластично шелестела по шоссейному песку»... Иной раз и вовсе не поймешь, на каком языке это написано:

Пора популярить изыски,
утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив
экссес в вирелэ!

Начало поэтической карьеры Северянина (считается, что этот псевдоним он выбрал, покоренный северной природой Череповца, а потом – окрестностей Петербурга) было не особенно радужным: он печатал за свой счет не книжки даже, а брошюры, некоторые по две страницы, и напечатал их целых 35 штук. Первой всероссийской славой он обязан Льву Толстому, которому в 1909 году привезли одну из северянинских брошюрок, с «Хабанерой II»: «Вонзите штопор в упругость пробки, – // И взоры женщин не будут робки». Леврыкнул: «Чем занимаются, чем занимаются... И это – литература? Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки...» Северянин говорил потом: «С легкой руки Толстого... меня стали бранить все, кому было не лень». Но вместе с руганью пришла скандальная слава, выступления, публикации – и деньги.

Я ВСЕ-ТАКИ ХОРОШИЙ

В деньгах он нуждался отчаянно. Одну из самых больших ошибок в своей жизни он сделал в юности не в последнюю очередь из-за безденежья. Он был влюблен в дочь гатчинского сторожа-алкоголика Женю Гуцан, ученицу швеи. Золотоволосую красавицу он назвал Златой и какое-то время был с ней безоблачно счастлив: продал библиотеку, которую любовно собирали, снял квартирку... денег хватило на три месяца радости: «Такое счастье, истинное счастье, которое спустя шестнадцать весен и разлюбя с тех пор полсотни женщин, испытываю всей своей душой!»

Потом оказалось, что Злата ждет ребенка, а он – без денег, без профессии, без работы – ну что за жених... Злата ушла на содержание к богатому старику, родила дочь Тамару, потом, после смерти покровителя, вышла замуж за немца и уехала в Берлин... Свою дочь поэт увидел уже 16-летней. Злату он любил много лет, о ней написал поэму

«Падучая стремнина» – печальную и предельно откровенную историю первой любви.

В его первых любовных стихах то и дело сквозь поэтические красоты прорывается совершенно детское отчаяние: «И я, и я в разлуке изнемог! // И я – в тоске! Я гнусь под тяжкой ношней... // Теперь я спрячу счастье «под замок», – // Вернись ко мне: я все-таки хороший...» (А неуместные, ненужные, бескультурные ка-вячки так и торчат по его стихам, до самых последних дней...)

Любовная лирика адресовалась не только Жене-Злате: Северянин был влюблчив, как Дон Жуан, одна возлюбленная в его стихах и жизни сменяет другую – а то и появляется рядом, параллельно; писать о них – никаких журнальных площадей не хватит. Возлюбленные получали пышные, помпезные имена – одна была Мадлена, другая Королева, третья – Балкис Савская... Они рожали ему детей, и все дети его жили порознь, в разных странах, носили разные фамилии – одна дочь, последней его гражданской жены, Веры Коренди, получила фамилию Северянина. Сколько было возлюбленных – пересчитать невозможно; пятое издание книги «Громокипящий кубок» он посвятил своей «тринацатой», Марии Волнянской, она же Балкис; прожил с ней семь

лет и расстался – потому что она «не смогла жить с поэтом»...

«Громокипящий кубок», вышедший в 1913 году, принес Северянину оглушительную славу. Все графоманы страны (ну, может, за исключением графоман-народников) стали писать под Северянином. Отметился среди северянинских эпигонов, кстати, и молодой Юрий Олеша, году этак в 1915-м опубликовавший свое первое стихотворение с совершенно северянинским названием «Кларимонда».

«Если вы желаете меня оскорбить, подражайте мне», – изрек Северянин в публикации своих афоризмов, которой дал название «Блестки».

РЯДОВОЙ МЕРСИ

«Громокипящий кубок» был ошеломительно нов: он принес в русскую литературу совершенно неслыханные напевы, струнные, мандолинные, томные... Сам мир его стихов был до невозможности, как сказали бы сейчас, гламурен: здесь вам и салоны, и автомобили с «шофера-ми», и рестораны, и аэропланы, и модные места для прогулок... Актуальные до карикатурности, благозвучные до пустозвонности северянинские «поэзы» балансировали на грани автопародии, время от времени заваливаясь за эту грань. Впрочем, иногда это была совершенно сознатель-

До революции
Северянин
постоянно
жил в Гатчине.
Дом поэта
не сохранился

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ная установка. Он уже стал основателем «эгофутуризма», благополучно развалившегося довольно скоро (из эгофутуристов стоит назвать, пожалуй, Константина Олимпова, сына Фофанова, да еще Василиска Гнедова и молодого Георгия Иванова, который быстро переметнулся к акмеистам). Эпатировать буржуа – это было самое футуристическое занятие. Публику Северянин (как и кубофутуристы, в их числе Маяковский) не любил и щедро поливал стихотворными ругательствами – достаточно вспомнить только «великосветских олухов», которые «в княжьей гостиной наструнились, лица свои оглутив», с торжественной кодой «Я презираю вас пламенно, тусклые ваши сиятельства...», звучавшей как «свиные ваши морды»... А публика его обожала – в основном, конечно, женщины и молодые поэты. Письма от поклонниц носили мешками, по провинции разъезжали с выступлениями фальшивые Северянины... Он в самом деле был «повсеградно оэкранен» и «повсесердно утвержден». Северянин давал «поэзоконцерты» в столицах и гастролировал по провинции. Бунин ревниво писал: «Игоря Северянина знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерицы, коммивояжеры, юнкера, не имевшие в то же время понятия, что существует такой русский писатель Иван Бунин». Впоследствии, когда Северянина просили прочитать что-нибудь из его салонных, парфюмерных стихотворений, он мрачно отвечал: «Эти стихи неуместны здесь. Они – для дураков».

В своем презрении к «двуногим», к обывательской массе он страшнее Пушкина, говорившего о «черни», и очень близок к Саше Черному и Маяковскому с их физиологическим отвращением, с животной брезгливостью к «мясу»: «Мясо наелось мяса, мясо наелось спаржи, // мясо наелось рыбы и налилось вином. // И расплатившись с мясом, в полумясном экипаже // Вдруг покатило к мясу в шляпе

Игорь
Северянин.
1910-е годы

Писатель Леонид Борисов рассказывал в своих воспоминаниях, что рядовой Лотарев стрелял из рук вон плохо, но однажды три выстрела из пяти у него все же угодили в цель. «Батальонный командир похвалил Лотарева:

– Молодец, солдат!

На что Северянин, он же солдат Лотарев, чуть повернувшись в сторону батальонного команда, небрежно кивнул:

– Мерси, господин полковник!» Ответить полагалось: «Рад стараться, ваше высокоблагородие». Лотарев получил прозвище «рядовой Мерси». Впрочем, из армии его вскоре комиссовали: сам профессор Бехтерев освидетельствовал его и нашел у рядового Мерси тяжелую неврастению.

Но даже с ананасами и авто он был не только претенциозен, парфюмерен и дурновкусен, но еще и нов, и свеж, и музыкален, о чем непременно говорил всякий пишущий о нем критик. Чуковский, автор первого большого литературного обзора о футуристах, отзывался о Северянине так: «Дух дышит где хочет, и вот под вульгарной личиной сноба – радующий и светлый поэт. Бог дал ему, ни с того ни с сего, такую певчую силу, которая, словно река, подхватит тебя и несет, как бумажку, барабатайся сколько хочешь: богатый музыкально-лирический дар. У него словно не сердце, а флейта, и, сколько бы ему ни было лет, ему вечно будет восемнадцать». Музыкален он был не только в переносном смысле, но и в самом прямом: свои стихи он пел – отчасти на какие-то свои мотивы, отчасти на популярные мотивы из Амбруаза Тома, своего любимого композитора. Публику он зачаровывал, как удав кроликов:

*В шумном платье муаровом,
в шумном платье муаровом
По аллея олененной Вы проходите
морево...
Ваше платье изысканно, Ваша
тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы
разузорена –*

*Точно лапы научные, точно мех
ягуаровый.*

с большим пером. // Мясо ласкало мясо и отдавалось мясу...»

А о себе замечал философски: «Он тем хорош, что он совсем не то, // Что думает о нем толпа пустая. // Стихов принципиально не читая, // Раз нет в них ананасов и авто». Ананасов в шампанском, которые ему всякий раз норовили подсунуть угощавшие его поклонники, он тоже не ценил – предпочитал обычную русскую еду. Рассказывают, как удивился молодой Антокольский, увидев, что Северянин вместо какого-нибудь мороженого из сирени заказал в ресторане штоф водки и соленый огурец. Те, кому доводилось посетить Северянина дома (а у него были специальные приемные дни для молодых поэтов, для поклонниц и для издателей), удивлялись и темному, грязному подъезду, и плохонькой квартирке с развесанным на просушку постиранным бельем: за фанерной перегородкой была прачечная... Впрочем, есть и обратные свидетельства. В Первую мировую Северянина забрали в армию.

Выходил мрачный, неулыбчивый, в сортуке под цвет волос – воронова крыла, с орхидеей в петлице, расхаживал по сцене огромными шагами, декламировал-пел свои стихи, не обращая на публику ни малейшего внимания, – и уходил без поклона. Публика трепетала и рукоплескала.

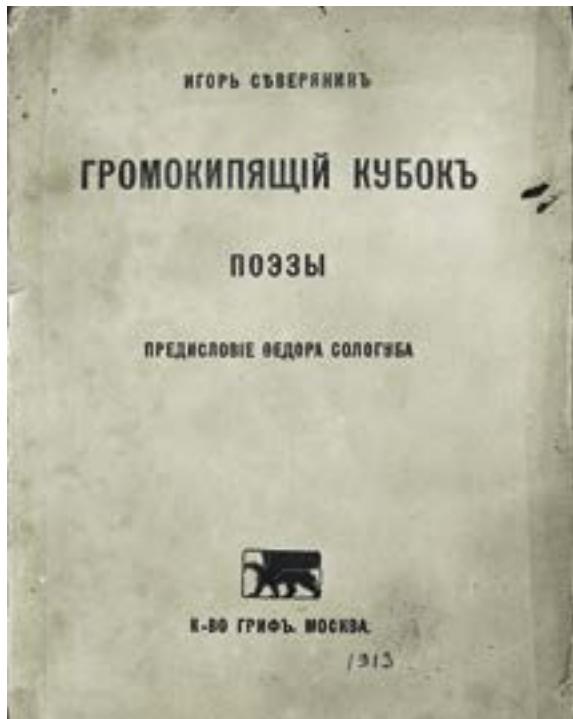
Я САМ СЕБЯ НЕ ПОНИМАЮ

В отрыве от ананасов и авто это был совсем другой поэт, не городской даже, не публичный, а тихий и счастливый лирик, влюбленный в мир, солнце, лето, цветы. Недаром так часто появляется в его лирике образ сирени – счастливой, обильно цветущей, иногда прекрасной, иногда страшной, даже хохочущей; сирень у него – это, пожалуй, жизнь, цветная и остро пахнущая...

Как и у Саши Черного, у Северянина очень сильны гамсуновские мотивы ухода из города – куда-нибудь в деревню, в тишину, к рекам, к простой, спокойной жизни... Он и уезжал из Петербурга – снимал с матерью дачу в эстонской деревне Тойла, по примеру Федора Сологуба, отдохнувшего там же. Любил рыбачить. Любил просто гулять. Тишина, лесное и речное спокойствие вселяли в него неуемную радость жизни, громкую и лиющуюся.

Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?
Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день!

После революции и объявления независимости Эстонии Северянин оказался в вынужденной эмиграции. Он специально подчеркивал: я не эмигрант, я дачник. На родине остались друзья, литературные связи, издатели... Впрочем, издательства довольно скоро позакрывались. В Эстонии не было страшного петроградского голода, но литературной работой прожить было очень трудно. Не было читателя, не было слушателя, не было среды. Он пытался работать в одиночестве.

водяным лилиям. Больше ведь некому. Кругом глушь, мужичье. Ночью я часто сажусь в лодку и выезжаю на середину реки. Звёзды отражаются в воде, камыши так мелодично, так ритмично шуршат, как аккомпанемент моим стихам. Я читаю и сам слушаю свой голос и плачу. Мне начинает казаться, что я не читаю, а только слушаю то, что поют «хоры стройные светил». И тогда почти смиряется души моей тревога...

В 1931 году Северянин издал сборник «Классические розы», который считается лучшим в его творчестве. Заглавное стихотворение – это те самые «как хороши, как свежи были розы» – строки, которые потом начертали на его могиле и по которым Северянина помнят едва ли не лучше, чем по «ананасам в шампанском».

«Классические розы» – это густая, отстоявшаяся, трудная тоска по родине.

О России петь – что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь – что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить матерь...

О России петь – что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

Весь сборник – о том, что там, за государственной границей. О счастливых воспоминаниях и угнетающих размышлениях, о постоянной дилемме – вернуться или нет, о надежде, о себе: Я – русский сам, и что я знаю?

Я падаю. Я в небо рвуся.

Я сам себя не понимаю,

А сам я – выпитая Русь!

Стихи сборника – прочувствованные, искренние, горькие... иногда слишком декларативные, рассудительные, резонерские; чем старше Северянин – тем больше резонерства в его стихах... и сквозь декларацию и пафос прорывается страшное, зажигательное:

Ничего! – ни от вас, лепестки белых яблонек детства,

Среди глуши, бумаги и чернил,
Без книг, без языка, без лживой
кружки
Я заживо себя похоронил
В чужой лесной озерной деревушке.
В 1921 году умерла мать Игоря
Васильевича. Очень скоро после
ее смерти он женился на 19-летней
эстонской поэтессе Фелиссе
Круут, как говорил – спасаясь от
ужаса одиночества на чужбине.
Это оказалось единственный в
его жизни венчанный брак. Се-
рьезная, взрослая не по летам,
Фелисса взяла на себя заботы о
повседневной семейной жизни.
Делала подстрочки эстонской
поэзии, Северянин переводил
их на русский стихами, в его пе-
реводах вышли лучшие стихи
современных ему эстонских по-
этов. Дела все равно не слишком
ладились. В 1925 году он жало-
вался в письмах, что сидит без
хлеба, на одном картофеле, дров
нет, зарабатывать не может, по-
скольку болен... Одному знакомому он жаловался: «Подумать
страшно, – я живу нахлебником
у простого эстонца... только от-
того, что женился на его дочери.
Я для него не знаменитый поэт,
а барин, дворянин, сын офице-
ра. За это он меня и кормит. Ему
лестно. А я ловлю рыбу. И читаю
свои стихи речным камышам и

Ни от вас, кружевные гондолы
утонченных чувств:
Я растратил свой дар – мне
врученное Богом наследство –
Обнискал, приутих и душою
расхищенной пуст...

Ради заработка он ездил с женой по Европе, выступал перед эмигрантами с чтением стихов. Фелисса родила ему сына, которого назвали Вакхом, боролась с пьянством мужа, которое приводило ее в отчаяние. Василий Шульгин, хорошо знакомый с этой парой, писал в воспоминаниях: «Она была от балтийской воды; он – от российской водки. Он, по-видимому, пил запоем, когда она стала его женой. Но у нее был характер, у этой принцессы с эстонской мызы. Она не отступила перед задачей более трудной, чем выучиться писать русские стихи; а именно: она решилась вырвать русскую душу у болярина Петра Смирнова. Ей это удалось, в общем. Когда я с ними познакомился, он не пил ничего; ни рюмки. И в нем не было никаких признаков алкоголика; кроме разве вот этой полупечали». И дальше, говоря о том, как часто муж огорчал и обманывал Фелиссу, Шульгин замечал: «Она его все же не бросила; она не могла бросить дело своей жизни, она была и тверда, и упрямая; но она бессильна удержать в своем собственном сердце два отношения к своему собственному мужу; к мужчине бесконечно спасаемому и вечно падающему». Брак дал трещину; поводом для окончательного разрыва стало увлечение Северянина учительницей Верой Коренди. Фелисса не простила.

МИРА НЕ ПЕРЕДЕЛАЕШЬ

С Верой Коренди Северянин прожил до конца своих дней, и не слишком-то счастливое это было время. Стихов, посвященных ей, не существует – да он на склоне лет и вовсе перестал записывать стихи. Он старел и болел, мучился безденежьем и отсутствием смыслов.

Мира не переделаешь,
Благородства в него не вложишь,
Черное подло, как белое,

ПРЕДСТАВЛЕННО ЗОЛОТАРЕВЫМ

Повсюду одно и то же.
Все партии отвратительны,
Потому что они партийны.
Поэтому с людьми мучительно:
Их подлость почти стихийна.
В деревне ли жить ли, в городе ль,
Ах, люди повсюду люди.
Уж лучше к простору озер идти:
Там все же их меньше будет.
Вздохнешь на безлюдьи чуточки
От взора, вражды и каверз,
Спасительную взяв удочку,
К зеленой идя дубраве...

Книги не продавались; он ловил рыбу и пытался продавать ее дачникам; предлагал приезжим в местной гостинице свои книги с автографами... Ему предлагали поступить на службу – он возмущался: он поэт, поэт не должен служить. Жил фактически на средства гражданской жены.

В своей вынужденной эмиграции он не раз задумывался о возвращении – но уже был крепко привязан к Эстонии – сначала одной семьей, потом другой. Чем тяжелей становилось его положение, тем больше он задумывался о том, чтобы вернуться. Кажется, просвет для него наступил в 1940 году, когда Эстония была объявлена советской. Он стал получать первые письма из Москвы и Ленинграда, задумы-

Иgorь
Северянин.
1910-е годы

ваться о переезде; его стихотворение увидело свет в «Огоньке», к нему приезжали корреспонденты из «Известий», он отправил рукопись в ленинградское издательство... Все планы нарушила война, рукопись погибла вместе с издательством при первой же бомбёжке, Северянин просил, чтобы советские власти выделили ему машину для выезда из Эстонии, но из этого ничего не вышло... Имущество Северянина и Коренди практически погибло при бомбёжке, Северянин заболел воспалением легких (это – не считая туберкулеза и болезни сердца); по воспоминаниям Коренди, бредил и в бреду разговаривал с Пушкиным, Маяковским, Мирой Лохвицкой... Врачи не надеялись его спасти, но он выжил; встал вопрос о том, чтобы лечиться в Таллине. Больного поэта подкармлививали трехразовым пайком немецкий врач, который сказал Веру Коренди, что он сам поэт и ненавидит фашистов; он же устроил пару на поезд в Таллин. Ехали два дня поездом, Северянин не мог уже сидеть, был слаб, начальник битком набитого поезда уступил ему свое купе... Впрочем, спасти умирающего Северянина нельзя уже было ни пайками, ни переездами: вслед за вторично утраченной Россией на его глазах гибла и Европа, уходил мир, уходила жизнь, уходили все смыслы. В жизни не оставалось ничего, за что он мог бы держаться – и 20 декабря 1941 года Игорь Северянин умер от сердечного приступа.

Чуть не всякую статью о нем принято заканчивать двустишием о розах, брошенных в гроб, но у него много и других хороших стихов. Вот, например:

Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит,
Что поправимы страшные
потери, –
Еще весной благоухает сад...
О, нежная сестра и милый брат!
Мой дом не спит, для вас
раскрыты двери...
Еще весной благоухает сад,
Еще душа весенится и верит...

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТОЙ МАРИИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РИГЕ НА УЛИЦЕ ЭЛИЗАБЕТЕС, 21 ПО ИНИЦИАТИВЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНА ПАМЯТНАЯ ДОСКА С БАРЕЛЬЕФОМ ЕДИНСТВЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СВЯТОЙ, РОДИВШЕЙСЯ В СТОЛИЦЕ ЛАТВИИ, – МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ). ОНА ПОЯВИЛАСЬ НА СВЕТ В ЭТОМ ДОМЕ 8 ДЕКАБРЯ 1891 ГОДА. ПОГИБЛА РУССКАЯ МОНАХИНЯ ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, В МАРТЕ 1945 ГОДА, В ГЕРМАНИИ. ЗА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ ОНА БЫЛА СОЖЖЕНА В ГАЗОВОЙ КАМЕРЕ КОНЦЛАГЕРЯ РАВЕНСБРЮК...

Восемьдесят лет назад, в марте 1932 года, рижанка Елизавета Пиленко (Скобцова) приняла в Париже монашеский постриг и стала матерью Марией

Н

А ОТКРЫТИИ ПАМЯТНОГО барельефа святой Марии ажиотажа не было. Как не было и представителей городской Думы и иностранных посольств. Мероприятие прошло скромно в присутствии нескольких десятков активистов-общественников и журналистов. Спешащие мимо немногочисленные прохожие останавливались и с удивлением наблюдали за происходящим. Кто-то высказал предположение, что в гостинице «Моника», расположенной в этом доме, видимо, поселилась какая-то знаменитость. Что ж, они были недалеки от истины. Когда с памятной доски наконец было снято белое покрывало, все ахнули. Казалось, монахиня, с доброй и чуть лукавой улыбкой глядевшая с барельефа на суету, тихо произнесла: «Ну, здравствуй, Рига! Я вернулась...»

Увы, на родине до недавнего времени имя матери Марии, урожденной Елизаветы Пиленко, мало кому было известно. Она родилась в семье помощника рижского прокурора Юрия Дмитриевича Пиленко. Как выяснила местный историк, сопредседатель «Общества матери Марии» Елена Павлова, девочка была крещена в Рижском кафедральном соборе в канун Рождества Христова, о чем сохранились записи в церковных книгах. Во время крещения она чуть не захлебнулась в купели, ее с трудом спасли. Плохой знак? Действительно, жизненный путь самой необычной православной монахини, возведенной после ее мученической смерти в ранг святых, оказался невероятно богат на тяжелейшие испытания. Еще в ранней молодости Лиза была уверена, что ее ожидают страдания, мучительная смерть и сожжение. В общем, все так и случилось. Она прожила всего 53 года, которые можно разделить на четыре этапа: детство принадлежит Лизоньке Пиленко, бурная

юность пришлась на долю взявшей фамилию мужа Елизаветы Кузьминой-Караваевой – поэта Серебряного века и пламенного члена партии эсеров, а молодость и зрелость Елизавета Скобцова (по второму мужу), мать троих детей, провела в эмиграции в Париже. Здесь же, вскоре после смерти младшей дочери, Насти, приняла монашеский постриг и получила новое имя, под которым ее будет знать весь мир – Мария, в честь святой Марии Египетской. Под этим именем она и вошла в газовую камеру, вместо другой узницы, пришив на свою одежду ее лагерный номер...

– У матери Марии нет могилы, поэтому мы посчитали своим долгом увековечить хотя бы место рождения нашей великой соотечественнице, – сказал на церемонии открытия памятной доски сопредседатель рижского «Общества матери Марии» Геннадий Котов. – Сотни рижан откликнулись на наш призыв

и приняли участие в сборе пожертвований на изготовление памятной доски. Финансовую помощь оказала и еврейская община Латвии в знак уважения и благодарности матери Марии за спасение евреев в годы Холокоста во Франции.

В Иерусалиме в ее честь было посажено дерево в Аллее Праведников мира. Памятник православной святой есть и в Анапе, городе, в котором жила Елизавета Пиленко вместе с родителями, переехавшими сюда из Риги в 1895 году. Читая ее память и в Санкт-Петербурге, где прошла ее юность, где она познакомилась и сблизилась с Александром Блоком, Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым. Во Франции в 2004 году мать Мария была канонизирована Константинопольским патриархатом вместе еще с пятью участниками французского Сопротивления, в том числе ее сыном Юрием, тоже погившим в концлагере.

В этом доме в Риге по ул. Элизабетес, 21 в 1891 году родилась будущая святая покровительница Франции

С ВЕРОЙ В РОССИЮ

Председатель обществ национальных меньшинств Латвии «Содружество» Артур Невицкий, принимавший активное участие в реализации проекта, на церемонии открытия памятной доски, напомнив, что старшее поколение когда-то воспитывалось на примерах Александра Матросова и Зои Космодемьянской, назвал мать Марию героем нашего времени, с которой нынешняя молодежь могла бы брать пример беззаветного служения людям.

...Оказавшись в 1925 году вместе с матерью, мужем и маленькими детьми в эмиграции в Париже, Елизавета Скобцова начала посещать лекции Николая Бердяева в Православном Богословском институте. Спустя годы с его подачи она вместе с единомышленниками основала благотворительную организацию «Православное дело», поставив своей целью помочь обездоленным русским эмигрантам. В 1934 году она открыла приют в «русском районе»

Парижа, на улице Лурмель, 77. Ходила по трущобам и ночлежкам, собирая бездомных и нищих соотечественников, нередко спасая их от голодной смерти, от тюрем и психиатрических больниц. Николай Бердяев называл ее одной из самых замечательных и одаренных русских женщин: «У нее была страстная любовь к России и русскому народу, – писал Бердяев о матери Марии. – Последний период ее жизни был окрашен в цвет страстного патриотизма, который принимал крайние формы. Исклучительная любовь к России, к русской земле и русскому народу делали ее часто несправедливой к Западу и западным течениям». Во время немецкой оккупации Франции были арестованы тысячи русских эмигрантов, к которым она тут же бросилась на помощь. Через французский Красный Крест мать Мария организовала сбор и отправку сотен посылок семьям заключенных. После разгрома гитлеровцами Тургеневской общественной библиотеки она спрятала на улице Лурмель личный архив Ивана Бунина, который он получил обратно в целости и сохранности в мае 1945 года. С началом массовых арестов евреев в ее приюте их прятали, изготавливали поддельные документы о крещении и переправляли целыми семьями в безопасные места. Однажды мать Мария лично проникла на зимний велодром на бульваре Гренель, куда было согнано более 10 тысяч евреев, в течение трех дней она пыталась накормить и утешить приговоренных к отправке в Освенцим еврейских детей. Невероятными усилиями ей удалось спастись самой и организовать побег четырех ребятишек, спрятанных в мусорных корзинах. Одно время в доме у матушки Марии прятали и двух советских военнопленных, бежавших из немецкого лагеря. Эти эпизоды потом вошли в советский художественный фильм «Мать Мария», главную роль в котором прекрасно сыграла замечательная советская актриса Людмила Касаткина.

В Сергиевом подворье в Париже, называемом «русской деревней», в 1920-е годы был открыт храм Преподобного Сергия Радонежского и Богословский институт, в котором заведовал кафедрой Н. Бердяев. Здесь готовили молодых священников для новых православных приходов Франции. В этом храме мать Мария приняла постриг

По воспоминаниям современников, мать Мария не имела преподобного вида, была смешливой и сияющей, простой в обращении

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

По воспоминаниям современников, мать Мария никогда не теряла веру в победу над фашизмом. В своей келье она установила радиоприемник, по ночам слушала и записывала советские военные сводки, а утром на карте отмечала продвижение советских войск. Своим друзьям и постояльцам из приюта она говорила: «Я не боюсь за Россию, я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы услышим по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Россию ждет великое будущее! Но какой океан крови...» В феврале 1943 года фашисты ворвались в дом на улице Лурмель. Монахини в тот момент там не было – она уехала в пригород за продуктами для своих подопечных. Фашисты арестовали ее сына Юрия Скобцова и священ-

ника Димитрия Клепинина. Чуть позже в лапы гестаповцев попала и мать Мария. Перед отправкой в Германию в 1943 году она случайно встретилась в лагере со своим сыном. Через год Юра, как и о. Димитрий, умрет от болезней и истощения в концлагере Дора, подразделении Бухенвальда. Его мать будет до самой своей гибели в лагере Равенсбрюк оказывать огромную духовную поддержку своим сестрам по несчастью. По воспоминаниям выживших узниц, мать Мария никогда не отчаявалась, она переводила на французский язык советские военные песни, и их потом тайком пели все заключенные. С особой теплотой монахиня опекала русских пленных девушек, поддерживая в них надежду на спасение. И оно действительно пришло, правда, не для матери Марии. 31 марта 1945 года она была казнена в газовой камере, пойдя добровольно на сожжение вместо другой женщины.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

В прошлом году активисты рижского «Общества матери Марии» побывали в Париже и посетили места, связанные с именем своей великой соотечественницы, ставшей святой покровительницей Франции. На дискуссии, устроенной после церемонии открытия памятной доски, участники делегации показали фильм, снятый во время их экспедиции

«по следам матери Марии», рассказали о встречах с парижанами, которые когда-то знали ее лично. Среди них – Мария Александровна Струве, супруга внука русского философа и политика Петра Струве, Никиты Алексеевича Струве. «Я впервые познакомилась с матерью Марией, когда мне было 6 лет, тогда она еще не приняла постриг. Я прекрасно помню и ее сына Юру, и старшую дочь, Гаяну, которая уехала в 1935 году в Россию и через два года умерла там от дизентерии, – рассказала Мария Александровна. – После смерти моего отца, православного священника Александра Ельчанинова, мы поселились в Париже недалеко от дома на Лурмель. Жили крайне скучно. Когда у мамы совсем не было денег, то я или мой брат брали бидончик и шли к матери Марии. Она обычно стояла на кухне на цементном полу и варила большую кастрюлю супа, в который шли те продукты, что ей давали из остатков на ночном базаре. Моя сестра тоже часто ходила с ней на этот рынок... В общежитии на Лурмель люди спали даже в коридорах, и мы все были уверены, что не умрем с голodom, потому что всегда можно пойти к матери Марии. Сюда приходили и нищие, и проститутки, и городские сумасшедшие, и горькие пьяницы – она никого не выгоняла. Из бывшего гаража мать Мария сделала церковь и сама расписала ее сюжетами из жития Марии Египетской. После службы мы иногда шли к ней в комнату, и мать Мария читала нам стихи – и свои, и пушкинские. Какой она была по характеру? Знаете, у нее не было преподобного вида, она всегда была сияющая, живая, очень смешливая и веселая. Одевалась очень просто, ряса всегда немножко залапана, потому что все время приходилось убирать дом, стоять у плиты. Помню, выходит она из церкви и на ходу сбрасывает свои сапоги, чтобы побегать босиком по грязной земле...». В Париже хранятся иконы, вышитые ее руками. Последнюю икону мать Мария вышивала в Равенсбрюке на лагер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Осень 1939 года,
ул. Лурмель.
Второй слева –
Юра Скобцов.
Рядом с матерью
Марией
о. Димитрий
Клепинин

ной косынке. Краски раздобыла польская узница, работавшая на окраске эсэсовских рубашек, нитки удалось вытащить из обмоток электропроводов, а иглу девушки тайком вынесли из немецкой швейной мастерской...

Приехавшие к рижанам на открытие памятной доски святой Марии гости из России и Франции тоже выступили с сообщениями, посвященными жизни и творчеству великой монахини. Так, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва) Наталья Ликвинцева рассказала, что сейчас в издательстве «Русский путь» готовится к выходу первая часть из пятитомного собрания сочинений матери Марии. Это будет максимально полное собрание, в которое войдут ее стихи, проза, публицистические статьи и написанные ею жития святых, мистерии и богословские труды. В эпистолярном наследии главное место занимает переписка Елизаветы Кузьминой-Караваевой с Александром Блоком. Доцент Страсбургского университета Татьяна Викторофф свое выступление посвятила дружбе Елизаветы Юрьевны с Николаем Бердяевым и ее путешествию по Прибалтике, совершенному в 1932 и 1935 годах. Она посетила женские монастыри и обители, участвовала в дискуссиях по церковным вопросам, выступала перед молодежью в студенческом кружке с рассказом об Алексее Толстом, с кото-

рым тоже была дружна. По возвращении в Париж деятельная монахиня опубликовала в «Современных записках» пять глубоких по содержанию исторических очерков, посвященных церковному укладу и жизни православных в Прибалтике.

Остается добавить, что модель рижского барельефа была изготовлена известным латвийским скульптором Геннадием Степановым, воплотил ее в камне Виктор Ванюков, руководил проектом ведущий латвийский художник, медальер, автор современных латвийских monet Янис Струпулис. Как рассказал журналистам автор проекта, о матери Марии он впервые услышал еще в 1980-е годы, когда работал над циклом медалей поэтов Серебряного века. По его словам, это не только мощная историческая фигура, но и пример высокого экуменического звучания: «Мать Мария никогда не смотрела не то чтобы на национальную или конфессиональную принадлежность, она совершенно одинаково относилась к людям разных взглядов: когда нужно было помочь, для нее не существовало ни различий, ни условий. Это была безгранична и безусловная любовь к людям». С открытием памятной доски рижан поздравили краеведы из Анапы от Краснодарского краевого общества «Православное дело» им. матери Марии. «Сегодня ее имя принадлежит всему миру, она показывает своим жизненным примером, что есть истинные ценности, за которые можно и нужно сражаться и даже идти на смерть. Вся ее жизнь – это подвиг во имя человека, во имя православия, во имя жизни и любви. Нам предстоит еще много сделать для сохранения памяти о ней и ее трудах. И сегодня мы рады сознавать, что еще в одном уголке земли – на берегу древней Даугавы – отмечено еще одно место, связанное с именем нашей великой святой. А это значит, что она уже в третий раз вернулась к жизни. И мы уверены, что навсегда», – написали краснодарцы. ●

ЖИЛА-БЫЛА ОДНА ВАСИЛИСА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ВАСИЛИСА БЫЛА ВЛЮБЧИВОЙ ЖЕНЩИНОЙ. ПО ПОВОДУ ПРЕКРАСНОЙ БЕАТЫ ПОКА НИЧЕГО ПОДОБНОГО УТВЕРЖДАТЬ НЕ БЕРУСЬ. ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ. ВЕРНЕЕ, ПРОЙДЕТ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ – И ПОКАЖУТ ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ И ТЕЛЕВИЗОРОВ. В ГОД 200-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА НАШИ МАСТЕРА КИНО ПОДАРЯТ НАМ ЦЕЛЫХ ДВА ФИЛЬМА: ЧЕТЫРЕХСЕРИЙНУЮ «ВАСИЛИСУ КОЖИНУ» И «УЛАНСКУЮ БАЛЛАДУ».

ВО ВТОРОМ СЛУЧАЕ перспектива для съемочной группы просматривается заранее. Если, как говорили раньше, фильма понравится, можно еще поработать. Над «Драгунской балладой», «Кирасирской»,

«Кавалергардской», наконец, «Конно-Егерской». При нынешних темпах съемки и монтажа вполне успеется к марта 2014-го, то есть 200-летию вступления русских войск в наполеоновский Париж. Об одном могут пожалеть «уланы» в съе-

мочной группе: какие-то люди уже сделали «Гусарскую балладу». Надо же, на целых полвека опередили...

С Василисой сложнее. Повоевала три-четыре месяца, получила серебряную медаль и пять рублей премии от императора – и сгинула в болотах народной истории. Тут с развитием сюжета не разбежишься. С другой стороны, и не очень надо. Бюджет на кино продюсер и по совместительству председатель комитета по культуре Санкт-Петербурга Дмитрий Месхиев выхлопотал в киношном государственном фонде, управляемом господином Толстиковым. Проект признали социально значимым. Потому, собственно, и денежки из бюджета выделили. Тока сымай!

Оксана Носовская

И – «сымают»! По первоначальному замыслу режиссера Грымова в киношной версии социально значимая Василиса Кожина мало того что французов изводила, так еще и была мучима любовной страстью к одному из них – наполеоновскому офицеру с забавно-говорящей фамилией Блие. В анонсах, как водится, пиарщики сообщали, что фильм основан на реальных событиях. Для вескости подключили к процессу даже французского посла в России. Но что-то не заладилось к лету прошлого года. То ли у Грымова, то ли у Месхиева. Не исключаю, что кто-то внимательный поинтересовался: что это у вас, господа, наша социально значимая Василиса с французом романы крутит?

Теперича кинофильм обрел четырехсерийный телесериал. Грымов исчез, появился режиссер Антон Сивверс (по другим источникам почему-то Гинзбург). Месхиев – остался. В генпродюсерах. Наряду с новым режиссером и форматом появилась и новая дата премьеры – конец декабря 2012 года. То есть аккурат к юбилею подписания Александром I манифеста об изгнании неприятеля из пределов России. Толково!

Но главное – изменился сценарий. О французском офицере Блие теперь что-то не слыхать. Зато возник другой герой, уже в правильной русской зелено-армейской форме. По фамилии Рокотов. Аристократ, естественно. И Василиса уже по нему сохнет. Согласитесь, так куда патриотичнее. И даже – социальное.

Меня, правда, один биографический изгиб беспокоит. Жена деревенского старосты Дмитрия Кожина из смоленской Сычевки потому пошла бить французов осенью 1812 года, что те без всякой видимой причины сделали ее вдовой. И била Василиса извергов не одна, а вместе с совершенно взрослой дочерью. То есть была старостиха в возрасте. Исходя из всего этого, можно уверенно предположить: любила Василиса своего Дмитрия. В противном случае уж больно нетипичное поведе-

ние для неграмотной крестьянки начала XIX века – саблей махать. И тут на тебе – молодой граф Рокотов!

В таких случаях молодежь сегодня говорит – «пурга». Так вот, один из руководителей кинокомпании «Всемирные русские студии» (РВС), Юрий Сапронов, в интервью о будущем фильме (сайт Profi Cinema, 11 марта 2012 года) такую «пургу» гнал, что войскам Наполеона на зимней старой Смоленской дороге в 1812-м и не снилась в голодных кошмарах. Например. «Мы долго готовились к съемкам, дотошно изучая все исторические детали. Но любая история остается сухой и мертвой наукой...». И как прикажете комментировать столь глубокое понимание истории? Кстати, именно нынешний год в нашей стране высшей властью объявлен Годом Сухой и Мертвой Науки. Что уж тут вспоминать про слова всяких философов о том, что история толкает людей вперед, что знание этой науки – гарантия человеческой способности умнеть и избегать новых кровавых катастроф...

Далее. Из слов специалиста выяснилось, что сценарий на разных этапах писали несколько человек. Интересно в таком же контексте рассмотреть природу создания какой-нибудь литературно-театральной ерунды вроде «Чайки» или «Живого трупа». Может быть, лучше получилось бы, если бы эти пьесы писали не гордые одиночки вроде Чехова и Толстого, а сменяющиеся авторы. Устал? Товарищ уже рядом. И скорость выше, и мысли разнообразнее. И сюжетные ходы – живее. Верно?

Сознаю, что нарываюсь на характеристику – ретроград. В Голливуде уже давно сценарист не является литератором-драматургом. И столь же давно там практикуют конвейер по изготовлению киносценариев. Так, специалисты? Только почему, кивая на голливудский опыт, у нас не принято говорить о том, что конвейерные сценарии – для киношного фаст-фуда. При создании серьезных работ на «фабрике грэз» и к сце-

нариям относятся более чем серьезно. Кроме того, помимо Голливуда есть практика Франции, Италии, Англии, Испании, Японии, теперь – центральноазиатских стран. Есть, извините, собственный богатый опыт.

Оператора-постановщика Илью Авербаха что-то все-таки смущало в беседе с корреспондентом. И он аккуратно сообщил: «Мы снимаем историческое кино, поэтому главным действующим лицом будет время». Как следствие, ему, оператору, делать фильм о героическом прошлом своей страны «дико интересно». Именно, что «дико»!

Представителю кинокомпании упомянутое интервью удалось больше. Среди прочих перлов и такой: «Мы же снимаем для современного зрителя. И надо к фильму соответственно относиться. И не ждать документальной достоверности».

Что ж, за язык не тянули. Придется к фильму «Василиса Кожина» отнести соответственно. То есть с невольным предубеждением. Господа из РВС сами постарались заранее сформировать такое отношение. Прежде всего потому, что искренне верят и нам внушают: если в современном кино Василиса не удалится под пристальным вниманием камеры с каким-нибудь офицером, будь он хоть вюртембержец, в сторону теплого сеновала – зритель в кинотеатры не пойдет. И невдомек, что ли, что современный зритель не идет на отечественное историческое кино именно потому, что вместо настоящей истории, богатой и яркой на события и эмоции, ему втихомодо удаляющихся на сеновал Василис? Геройня сеновального типа и в Интернете столько, что даже на сугубо новостных порталах от них не спрятаться.

Не утверждаю загодя, что в фильме «Василиса Кожина» запланированы постельные сцены. Но ходульной любовной истории нам, по всему видать, не избежать. Иначе зачем замен француза Блие понадобился мифический граф Рокотов? Зачем на роль очень взрослой деревенской бабы Кожиной

приглашать изящную и молодую Светлану Ходченкову? А что прекрасная Beata? Сиречь – «Уланская баллада»? Не буди лиxo, пока оно тихо, говорят в народе. Сам ведь столько раз писал о том, что мало в стране делается к 200-летнему юбилею Отечественной войны, что даже на кино уж силы не осталось. И вот – разбудил, видать, то самое лиxo. Некий юноша Тарусов, мечтающий поступить в уланы (спрашивается, что мешает? – **Прим. авт.**), узнает, что... Короче, Наполеону в натуре слили план Бородина. Ну, там где русская пехота стоит, где пушки. Все, кирдык. Но не тут-то было. Тарусов подорвался к Кутузову, все обосновал. И французы сдулись. А парень после Бородинского сражения рванул искать предателя. Попутно еще «сумел спасти честь представительницы старинного дворянского рода прекрасной Beata и бриллианты императорской короны России». Эту цитату я уже из анонса на портале молодежной социальной сети «ХRoom» позаимствовал. Сам так ни жисть бы не сформулировал.

Опытный режиссер Олег Фесенко родился на острове Хортица, на Днепре. Место, как говорится, обязывает. Актеры известные: Сергей Безруков, Ольга Кабо, Борис Клюев, Анатолий Белый... И всех их хочется спросить: как же так? Понимаю, что работа, что такой он, этот хлеб искусства. И все-таки – как же так? Какой предатель, какая Beata, какая корона, какие бриллианты?

Народный запрос: хотим историческое кино об Отечественной войне 1812 года, такое, чтоб сопоставимо с эпопеей Сергея Бондарчука, чтобы «Ватерлоо», «Трою» и «Александра» затмить. И вот тебе, народ, киношный ответ: вместо исторического блокбастера очередное приключенческое клоквенное повидло. Опять-таки нарываюсь. А вдруг кино получится? Развлекательное, романтическое, приключенческое – очень может быть. Но на каком основании его позиционируют – как историче-

скую ленту, посвященную святой дате? Из тех же соображений о тупом современном зрителе, состояние которого надо учитывать, а потому предлагать ему духовный попкорн? Но ведь пробовали уже, сколько раз пробовали... Вспомним «1612», «Слуга государя», «Александр. Невская битва», «Ярослав. Тысячу лет назад», «Пушкин. Последняя дуэль», «Турецкий гамбит», недавняя телевизионная «Белая гвардия». И ведь не ест, капризный! Не принимает душа!

Невольный скепсис и злая ирония – это от испуга. Форма саботажа от современного российского исторического кино. Уж больно напугали за последние два десятка лет сценаристы и режиссеры, продюсеры и исполнители главных ролей. Посему попытка заранее дуть на воду, надеюсь, вполне извинительна. А поговорить на тему все равно хочется. Историческое кино для русского зрителя – жанр особенный, некогда любимый, а для кинематографистов, опять-таки некогда, желанный и успешный. Если театр начинается с вешалки, то кино – со сценария. Послушать внимательно современных режиссеров – и сразу понятно: кино у нас не начинается. Вот недавно в программе телеканала «Культура» Лунгин, один из самых успешных постановщиков, так и говорил: режиссеры есть, хороших артистов тьма, а сценарии – днем с огнем...

Сценаристы ответствуют: пишем. Но никто не читает. А уж чтоб поставить! Бывают исключения, когда сценарий подтаскивают под коммерческий проект одного из ведущих телеканалов, но в этом случае сто раз перепишут, да так, что от оригинала ни одной реплики не останется. Продюсеры говорят, что актеры и режиссеры думают только о гонорарах. И те, в свою очередь, смущаясь и рдея, комментируют: жизнь в искусстве непредсказуема, сегодня ты в обойме, завтра – нет. Выходит, надо в период востребованности заботиться о том, чтобы не оказаться в доме престарелых, ког-

да этот период окончательно завершится. О том, что по поводу денег думают и что с ними делают продюсеры, не говорит публично никто: ни сценаристы, ни режиссеры, ни актеры. Лишь изредка вырывается на поверхность гейзер скандальной информации. И мы получаем порцию слухов-пузырей: бюджет такого-то фильма столько-то миллионов долларов, но на сам фильм потратили в два раза меньше. Потому – и фильм дрянь, и продюсер с режиссером теперь собственники жилья в Испании или Черногории. Историческое, костюмное кино в этом смысле – Эльдорадо. Производители в России все неохотнее идут в исторические проекты, спонсорских денег достать все труднее. Причин, как обычно, несколько. Одна из них – весьма скромное качество предлагаемого зрелища и, как следствие, пустые залы мультиплексов. А значит, о возврате вложенных средств можно забыть. Не спасает и телевизионный формат. Каналы за отечественные фильмы платят ниже себестоимости. А рекламные доходы телевизионников – это закрытая тема для остальных. Исключение составляют только такие ленты, что изначально сделаны при активном участии крупного телеканала – и для показа в кинотеатрах, и для трансляции по ТВ. Яркий тому пример: «Адмирал» и «Высоцкий. Спасибо, что живой». Тут внутренние интересы создателей и демонстраторов переплетаются в такой клубок змей, что и самый истовый налоговик не сунется. Но так ли все просто? Только ли финансовыми интересами можно объяснить очевидный крах отечественного исторического кино? И является ли вопрос денег причиной в принципе? Может быть, это лишь следствие других, истинных причин?

Мировой кинематограф в области исторического кино, как всегда, разнообразен. Но в последнее время выделились два основных потока продукции. Глобальные картины в стиле «ампир», к ко-

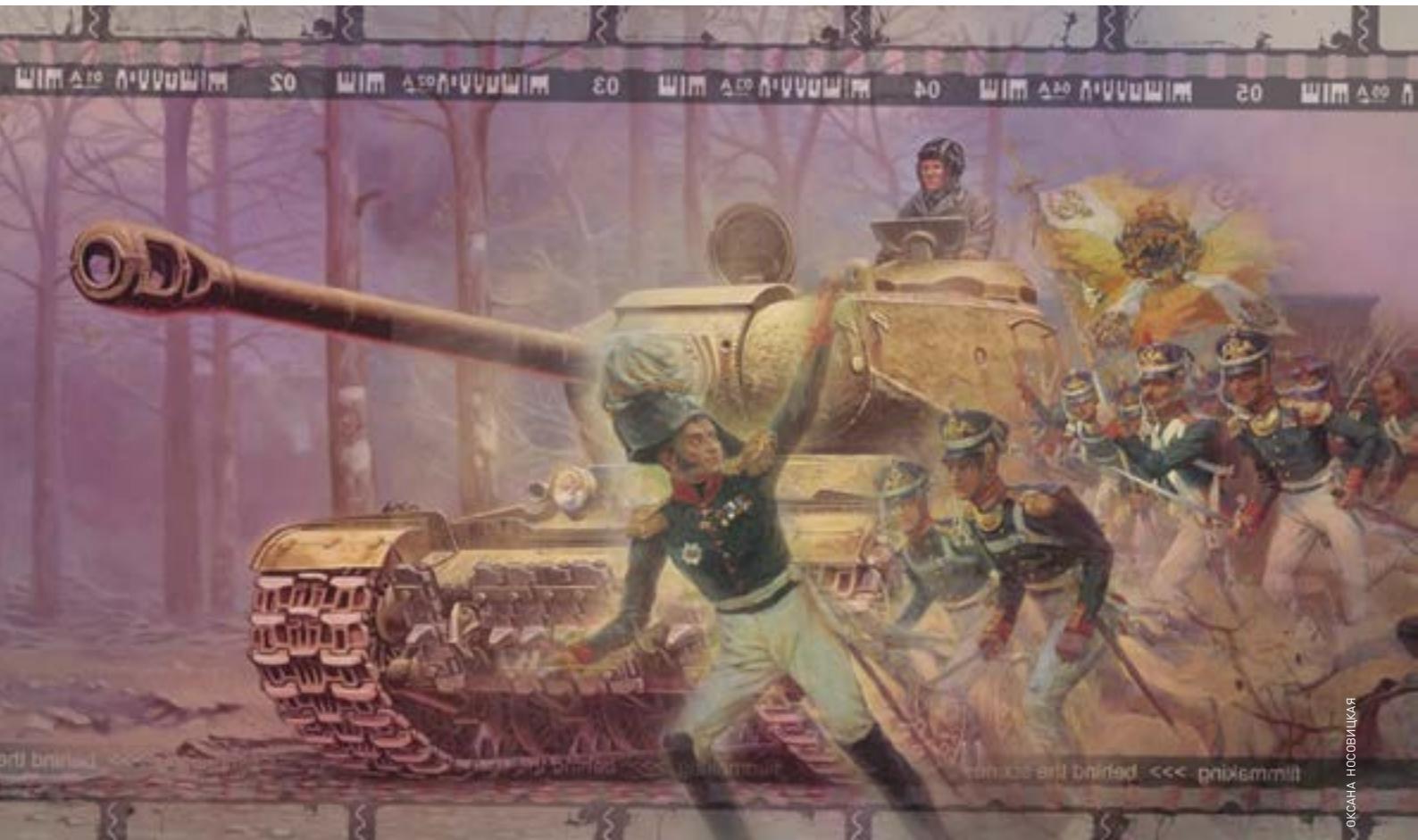

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

торым относятся уже упомянутые «Троя» и «Александр». В этом же ряду «Спасти рядового Райана», «Елизавета», «Храброе сердце»... Можно спорить о трактовках и нюансах, выборе актеров и соответствии классическим текстам (там, где они есть). Но трудно спорить по части удивительно точного соотношения истории и художественного вымысла. Второй вариант – телевизионные многосерийные ленты. Это – «Рим», «Тюдоры», «Тихий океан», «Борджиа», «Наполеон», «Братья по оружию», «Микеланджело. Последний гигант», «Нострадамус»... В этом случае авторы идут по простому (не путать с примитивным. – Прим. авт.) пути: воссоздают жизнь в определенный исторический период. Или – воссоздают жизнь конкретного исторического персонажа. Будучи глубоко убежденными, что, скажем, Цезарю или Наполеону выпали достаточно яркие судьбы и они не нуждаются в дополнительных вымыс-

лах. Вместить бы в десяток серий то, что в реальности случалось с этими людьми! Простые солдаты Второй мировой не могут похвастаться масштабностью своих судеб. Но их жизни насыщены драматическими событиями и потому тоже самодостаточны. Не надо ничего выдумывать. Надо лишь «отсечь все лишнее». Несмотря на ощущимую разницу в технологиях и бюджетах, фильмы обоих типов объединены одним качеством – исторической достоверностью. Той самой, слыша о которой наши режиссеры и продюсеры повторяют в ответ заученное на уровне рефлекса заклинание: мы снимаем художественное кино, а не историко-документальное! Сдается мне, режиссеры, работавшие над перечисленными выше картинами, тоже снимали художественное кино. Но – не в противовес истории, а в альянсе с ней. Если пользоваться марксистской терминологией, то исторический сюжет, историче-

ская канва – это базис фильма, а его «художественность», включающая придуманных героев и сюжетные линии их отношений, это надстройка. Стоит только создателям фильма деформировать фундамент, водрузить на него громоздкую и тяжелую конструкцию – и здание в лучшем случае перекосится. В худшем – оно рухнет, и останутся груды кирпичей и кучи мусора. Что мы, к сожалению, частенько в нашем кино и наблюдаем. Независимо от того, снимался ли фильм по оригинальному сценарию или являлся экранизацией классики. Яркий тому пример – многосерийный фильм «Белая гвардия», премьера которого состоялась в 2012 году. Хотел было написать – по Михаилу Булгакову. Но рука не послушалась. Парадоксальное ощущение: текст на самом деле булгаковский, а булгаковского смысла в фильме и нет. Вроде и актеров пригласили замечательных, и костюмы пошили...

Оксана Носовицкая

Претензии к нашему историческому кино частенько связаны с внешними факторами: антуражем, костюмами, декорациями. Оно верно, смешного и глупого хватает. Но если б все ошибки ограничивались трехцветными добровольческими шевронами на рукавах шинелей офицеров Украинской армии гетмана Скоропадского. Или – кавалерийскими бриджами у артиллеристов. Небрежность по отношению к внешнему существует не сама по себе. Она – составляющая отношения к истории вообще. Художник по костюмам путает погоны и темляки, а режиссер путается в причинно-следственных связях происходившего, в психологической мотивации поступков героев. И в итоге на экране – персонажи-схемы, вмонтированные в чехарду исторических событий, оставляющие зрителя равнодушным и к судьбе героев, и к событиям, на эти судьбы повлиявшим.

Далек от мысли огульно подозревать всех без исключения

кинематографистов в тотальной исторической неграмотности и в нежелании от нее избавиться. Но ей-ей, иногда соблазн велик. Особенно по адресу некоторых персон, представляющих прежде всего сценарный и режиссерский цеха. Одно время довелось сотрудничать с продюсерской компанией, специализировавшейся как раз на фильмах историко-патриотической направленности. Приходилось читать сценарии исторических лент. К счастью, так и не снятых. От случая к случаю возникало ощущение, что не все мои соотечественники посещали среднюю школу и имеют аттестат о среднем образовании. Зато известно, двоечки частенько отличаются фантазией и изобретательностью. Жизнь заставляет. Еще одна причина, существенно влияющая на качество отечественного исторического кино, это лютая вера нынешней поэзии кинематографистов, прежде всего продюсеров, в примат

коммерческого подхода. А значит – вынь да положь на алтарь искусства все обязательные элементы современного попкинематографа. Допустим, есть идея: сделать фильм про Александра Васильевича Суворова. Но как, если в биографии великого полководца нет ни амурных похождений, ни кровавых дуэлей, ни врагов-интриганов, подсыпающих яд в излюбленное блюдо генералиссимуса – терпкую репку? Стоп-стоп... Были ведь проблемы в личной жизни? Были. От жены ушел, вроде как изменяла она. Уже лучше. Тут можно потоптаться сценаристу-двоечнику с нездоровой фантазией. И вот – фильм про Суворова готов! Среди создателей в обязательном порядке медиалица вне зависимости от наличия актерского таланта и крупный телеканал первой четверки, пеструщий многосерийную телеверсию. Сутками по ящику идут рекламные трейлеры; в Интернете безумствуют в предвкушении

проплаченные блогеры; афиши, баннеры, интервью; новые технологии и уникальные съемки, вымученные скандалы и вскрытие секреты... Премьера! Тусовка!! Касса!!! Через неделю-другую выясняется, что касса – не очень. Ну а фильм-то как? Да что там фильм! Надо идти в ногу со временем. Надо ловить мейнстрим. Мы уже приступили к съемкам нового исторического блокбастера. Мало не покажется!

Время спросить: почему с таким трудом вспоминаются вчерашние премьеры? Простой тест: кто играл Ярослава в «Ярославе. Тысячу лет назад»? Кто играл Александра в «Александре. Невская битва»? Кто играл Петра в «Слуге государевом»?

Помните пародию 80-х на «Кинопанораму» и Эльдара Рязанова? «О чём этот фильм? Да ни о чём...».

Еще одна причина провалов в том, что к кино прямого отношения не имеет. Успех ударных исторических лент Голливуда и иже с ним в том, что фильмы делают люди, влюбленные в свои страны, разделяющие ценности своих народов, уважающие собственную цивилизацию. Даже в том случае, когда действие происходит в иные времена и в иных землях, комплект ценностей сохраняется и встраивается в предлагаемые обстоятельства. Когда удачно, когда не очень. Может быть, поэтому американские экранизации русской классики выглядят, как правило, наивно и убого. Сие не означает, что иностранные режиссеры идеологически ангажированы и работают в политических коридорах. В продюсерских работах Джордж Клуни ох как нелоялен. Но эта нелояльность адресована власти, конкретной политической концепции. На глубинные ценности американского народа Клуни и не думает замахиваться. Он плоть от плоти этих ценностей. Потому – и сам ценность. Такая же тенденция просматривается и в советском кино. Да, был идеологический диктат, была цензура, были пыльные полки Госфильмофонда. Но и какие исто-

рические фильмы получались! От энергичных киноплакатов в стиле «Александра Невского» до кинобиографий Петра I, Суворова, Ушакова, Беринга, Ломоносова, от художественной военной хроники «Освобождение» до истинных шедевров – «Андрея Рублева», «Тихого Дона», «Войны и мира». Нужно быть очень предвзятым человеком, чтобы обвинить скопом создателей советского исторического кино в политической ангажированности. Зато «обвинить» в любви к Родине, в уважении к истории Отечества – можно и нужно.

В российском только формирующееся обществе с этими вопросами пока неладно. Историческое кино не может не дружить с национальной идеологией. Но с какой национальной идеологией дружить нашему современному историческому кино, если таковая пока не просматривается? Вот и уходят режиссеры в приключенчество, где важна не идея, а развлечение, отечества не имеющее. И – бывает – уже не возвращаются.

Но все ли? И так ли все плохо? Можно, разумеется, перечислить удачные работы, сославшись на известное изречение о правиле и исключениях. Но лучше сконцентрируемся на... бабе. Той самой, что жила-была в фильме Андрея Смирнова. И пусть сам режиссер не слишком готов обозначить жанр фильма «Жила-была одна баба» как исторический. Если строго по канону, то и я не готов. Но, забыв про канон, легко увидеть главное: лента – не только драма, она – история.

В отличие от «Белой гвардии», где хватает исторических названий и фамилий, но не хватает исторического понимания происходящего, в «Бабе» очень мало указаний и обозначений. Мелькает в титрах «1919», звучит в начале некий городок Кирсанов, есть красные диагонали на одних папахах и зеленые – на других, есть босые ноги в ротном строю Добровольческой армии. Но всяко-му понятно, о какой войне идет речь, о какой России говорит режиссер, о какой национальной

трагедии кричит фильм. Диалекты, костюмы, декорации, стилистика движения – все выверено, все точно, все к месту. И нет диссонанса между сутью и формой. Значит, можем еще?

Вспомним, как «раскручивали» перед прокатом пропитанного ненавистью к русской истории «Царя», не по-гоголевски пафосного «Тараса Бульбу», полного исторических ошибок и испорченного мелодраматичностью «Адмирала», батальную фэнтези «Цитадель», сильно пьющую «Белую гвардию». Спрятаться от рекламы было некуда. Научились не хуже, чем УЕФА рекламирует Лигу чемпионов. И народ рванул смотреть. А после не то чтобы ругался и злобой исходил, хотя и такое встречалось частенько, после – остался в массе своей равнодушным. И пересматривать не стремится. Забыл.

«Жила-была одна баба» избытком рекламного бюджета явно не страдала. В кинотеатрах фильм прошел, можно сказать, незамеченным. Собрал чуть более 15 миллионов рублей. Для сравнения, лучшая по результатам проката 2011 года российская лента «Елки» Бекмамбетова принесла создателям в 44 раза больше – почти 23 миллиона долларов. Об этих «елках» зритель через пару лет даже не вспомнит, «Баба» получила пять премий «Ника», в том числе как «Лучший фильм 2011 года».

Вот видите, скажет специалист по кино, таков он, современный зритель. Его возраст – 15–22. Его уровень образования – согласно ЕГЭ. Не «Бабы» ему нужны, а «Елки». А еще лучше – мультики. Хотите познакомить его с историей мирового пиратства – так покажите очередных «Пиратов Карибского моря». Вывод напрашивается: если снимать кино про 1812 год, то из Василисы Кожиной нужно сделать елку вместо бабы. Потому как на фоне бедной на события истории Отечественной войны 1812 года попытка графа Рокотова, согласно старой народной мудрости, взобраться на эту елку вызовет естественный интерес.

Посмотрим... ☺

ХИРУРГИЯ В ИСКУССТВЕ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В РЕСТАВРАЦИОННЫХ МАСТЕРСКИХ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ КАРТИНЫ РЕАНИМИРУЮТ, КАК ЛЮДЕЙ: МЕДИЦИНСКИМИ СКАЛЬПЕЛЯМИ, ШПРИЦАМИ, РЕНТГЕНОВСКИМ ОБОРУДОВАНИЕМ. И РУКОВОДСТВУЮТСЯ ПРАВИЛОМ «НЕ НАВРЕДИ».

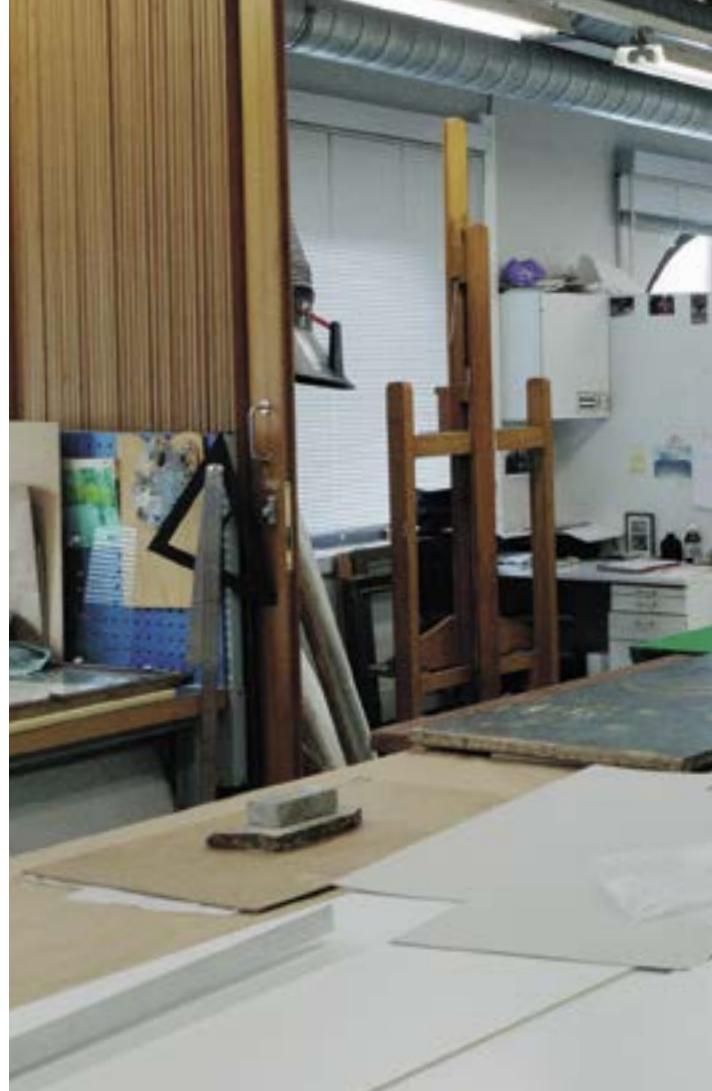
АССОЦИАЦИИ С МЕДИциной возникли сразу. Белые халаты, сосредоточенные лица, большие столы посредине комнаты. Совсем не так я представляла себе реставрационные мастерские Третьяковской галереи, где нам предстояло провести один рабочий день. Всего в музее семь таких структурных подразделений, и первым делом нас отвели в отдел научной реставрации графики XVIII – начала XX века.

Над столами висели огромные вытяжки, но краской, лаками и растворителями все равно пахло.

На одном из столов лежали наброски Валентина Серова, на другом – рисунок Константина Коровина. По коже пробежал холодок, я никогда не видела работы великих художников лежащими вот так запросто, без рамок, на столе. «Театральный эскиз Константина Коровина называется «У стен старого города», – говорит реставратор Ирина Быкова. – Обратите внимание, здесь смешанная техника: темпера, гуашь. Вот тут, видите, краска приподнялась и начала осыпаться. Осыпь и края я приклеиваю специальным составом на спиртовой основе». Каждый мельчайший кусочек краски Ирина приподнимает миниатюрным шпателем и клеит его при помощи тончайшей кисточки. Затем кладет сверху

кусочек специальной бумаги, которая ни к чему не приклеивается, а сверху – груз: мешочек, наполненный охотничьей дробью. Работа долгая и крохотливая.

Отдел возглавляет Алина Тейс – старейшая сотрудница Третьяковки, работающая здесь с 1963 года. Хотя этой крепкой красивой женщине сложно дать больше 55 лет. Ее мать, Елизавета Костикова, стояла у истоков российской реставрации, заведовала мастерской реставрации графики в Реставрационном центре им. академика И.Э. Грабаря, а сейчас готовится отметить свой столетний юбилей. А Алина Тейс, выпускница Суриковского института, была ученицей и последовательницей Елены Дивовой, первого реставратора графики в Третьяковке. Во время Великой Отечественной войны фонды музея перевезли в Новосибирск, и Елена Дивова следила за тем, как в одном из театров в ящиках хранятся произведения искусства. После 1945 года она более десяти лет монтировала картины для экспозиций, занималась реставрацией графики. «Однажды Елена Николаевна, как обычно, занималась монтажом, – рассказывает Алина Тейс. – А монтажники, работающие рядом, то молоток у нее возьмут, то другой инструмент. Ей это надоело, и она попросила мужа просверлить во всех

Алина Тейс,
старейший
реставратор
Третьяковской
галереи

инструментах дырочки, чтобы подвесить «ожерелье» себе на шею на веревке. Жила она на Молчановской и летом ходила домой через мост. Однажды идет она домой, на нее все люди оборачиваются, улыбаются. «Наверное, я сегодня такая интересная!» – подумала Елена Николаевна и только после заметила, как по ногам стучат инструменты».

Что касается нынешней «текучки», то отдел Алины Тейс гото-

вился к выставке Константина Коровина, затем в планах – летняя выставка «Лубок» Марка Шагала и попутно – приведение в порядок графики из фонда: коллекций Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова. Но в действительности в этот отдел Третьяковской галереи попадает «на лечение» не только графика в привычном смысле слова, а все, что выполнено на бумаге, пергаменте, картоне, даже иногда на холсте и не относится к

Отдел научной реставрации масляной станковой живописи XVII – начала XX века

древнерусской или живописи XX века.

Реставратор Инна Соловова показала мне несколько миниатюр на слоновой кости XVIII века – крошечные портреты, которые носились в медальонах вместо фотографий. Под полупрозрачную kostянную пластину с портретом подкладывали фольгу – для придания тона лицу. Барышням, для румянца, – золотую фольгу, а мужчинам, для аристократической бледности, – серебряную. Инна устраниет в пластинах трещинки, работа очень тонкая – просто удивительно, как она может нравиться такому активному, бойкому, веселому человеку. Оказалось, тихих и медлительных людей в реставрационных мастерских не так уж и много.

Все реставраторы отдела имеют высшее специальное образование и высшую квалификацию по реставрации графики. Инна Соловова попала сюда двадцать лет назад, причем не по своей воле: так уж случилось, что в отделе реставрации станковой живописи не было свободной ставки. Но но-

вая специализация так ей понравилась, что, когда через два месяца место в отделе живописи нашлось, Инна от него отказалась. «А что делать вот с этой редчайшей костяной миниатюрой – еще не знаю, – говорит Инна, показывая прижизненное изображение Екатерины II на коне, с внуком и арапом. – Нужно отклеить от костяной пластины бумагу. Спиртом не получится, а водой нельзя: согнется и растрескается кость». Но можете не сомневаться: решение проблемы точно будет найдено. Причем совместными усилиями.

Вообще-то реставратор Третьяковской галереи не вправе ничего делать по своему усмотрению с доверенной вещью без разрешения Совета – коллегиального органа Третьяковки. И здесь никому не нужно объяснять, что реставратор прежде всего сохраняет памятник. Он ничего не добавляет от себя: не дорисовывает утраченное без веских доказательств, что автор задумывал именно так, не исправляет, не долепливает, не использует синтетику. И применяет только «обратимые» материалы, например акварель, которые можно в любой момент убрать с произведения. Более того, специалист обязан вести так называемый паспорт произведения искусства. В документе, иногда занимающем несколько томов, хранится информация об истории сохранности, результатах научных анализов и исследований с детальным описанием, что какой реставратор сделал, когда и каким образом.

Чаще всего отдел графики занимается восстановлением цвета пожелтевшей от времени бумаги. То есть «лечит» основу произведения и красочный слой. Желто-зеленое небо вновь становится голубым, и некоторые тонкие линии «проявляются». Удивительно, но желтизна с бумаги выводится водой. Вымачивают рисунки очень просто. Их кладут оборотной стороной на

Инструменты
реставратора

Анна Исайкина,
отдел научной
реставрации
графики XVIII –
начала XX века

несколько слоев мокрой фильтровальной бумаги, вода «вбирает» желтизу, и бумага светлеет (правда, метод не работает на хрупкой пастели или медовой акварели). Затем рисунок сушат и выравнивают в специальном шерстяном сукне под прессом с давлением в 5 бар. Чтобы склеить порванные листы при помощи клея из крахмала, реставраторы щепетильно подбирают по цвету и структуре нужную «заплатку». В шкафу бережно хранится старинная бумага. У старой бумаги бывают болезни. Самая обычная называется «фоксингом» – такие ржаво-рыжие пятнышки, которые все видели в старинных книгах. «Лисьи пятна» также удаляют водой. Для демонстрации фоксингов реставратор Анна Исайкина принесла рисунки Ильи Репина, Ивана Крамского и Антона Лосенко. Я уже начала привыкать к тому, что в реставрационные мастерские Третьяковки попадают только ценные экспонаты. К слову, некоторые из них никогда не оказываются на выставках. Что поделаешь, если у публики графика по популярности всегда уступает картинам маслом?

ДОБРАТЬСЯ ДО ЖЕМЧУЖИНЫ

В отделе научной реставрации древнерусской живописи царил удивительный покой. Над огромными иконами склонились реставраторы, лица которых были озарены мягким светом ламп. На восстановление одной иконы может потребоваться до десяти лет работы. Со временем они ветшают и нуждаются в укреплении (консервации). Кроме того, необходимо разобраться в количестве поновлений, скрывающих первоначальную живопись. «Поновители» икон в прежние века «записывали» иконы, иногда меняя их облик в угоду вкусу своего времени. Не всегда отношение к живописи было бережным: могли помыть потемневшую поверхность золой или даже «почистить» пемзой. При этом не только удалялись грязь и темная олифа, но и сильно терялось изображение. В задачи современного реставратора входит «открыть» авторскую живопись, вернуть первоначальный облик произведения. В этом помогают научные исследования, экспертизы и интуиция. Все реставраторы отдела икон Третьяковки – люди верующие.

Реставратор с тридцатилетним стажем Антонина Собаршова уже три года работает над редкой иконой Азовской Богоматери петровского времени. В мире известны только три иконы этой иконографии: две другие – в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге и московском храме Ризоположения на Донской. Икона Третьяковки – самая древняя из них, написана в 1696 году в честь взятия Азова. «При помощи микроскопа, который дает увеличение изображения до 40 раз, мне удалось отделить верхний слой записи от оригинала, – рассказывает Антонина Ивановна. – В лице Богоматери появилась красивая легкая улыбка, мягкий нежный взгляд, открылся очень красивый чепец – тонкой вязью с серебром». Раскрылись и новые детали: «змеи дракийские» – олицетворение победы в кампании, Хронос с песочными

Реставрация ткани – одна из самых кропотливых специализаций в профессии

часами на голове, высекающий на камне очертания крепости с образом святого Георгия Победоносца. Чтобы понять, что может быть скрыто под слоями краски, Антонина Собаршова ездила в командировки изучать аналоги, перечитала гору литературы, заказала необходимые лабораторные анализы, совещалась с коллегами и взялась за инструмент. Профессия реставратора даже инструментами напоминает хирургию: он использует настоящие медицинские инструменты – глазные и брюшные скальпели, шприцы (для «подведения» клея в труднодоступные участки), зубные

эндодонты и ватные тампоны. А о принципе «не навреди» мне без устали говорили весь день во всех отделах.

Для анализа произведения применяется сразу несколько методов. Ультрафиолетовое излучение позволяет определить различные наслойния лака и увидеть участки поновлений. Инфракрасный свет просвечивает контур «скрытых» рисунков, верхний слой становится «прозрачным». Спектральный анализ помогает определить химический состав красок и лака. «Мы пока пользуемся довольно ограниченным набором приборов спектрального анализа, – говорит реставратор Дмитрий Суховерков, – хотя в мире уже существуют мультиспектрометры. С одного маленького участка картины оничитывают сразу всю информацию, и не нужно производить пробных вскрытий участков. Наша профессия заставляет постоянно читать специальную литературу, владеть основами физики, химии, знать основы экспертизы и других наук. Тем профессия и интересна».

– А что налито в этой баночки? – полюбопытствовала я.

– Рыбий клей, – неожиданно ответил Михаил Шитов. «Рыбий

клей» реставраторы Третьяковской галереи изготавливают сами – из плавательных пузырей осетровых рыб. Высушенные специальным образом на рыбзаводах заготовки измельчают, варят на паровой бане, затем «желе» режут на куски, снова сушат – и получают гранулы, похожие на янтарь. По мере надобности гранулы растворяют в воде и укрепляют полученным kleem отстающие участки древней живописи. «Наша приборная база далека от совершенства, – говорит главный хранитель Третьяковской галереи Татьяна Городкова. – Сейчас мы думаем, по какому пути будем двигаться. Нам нужны аппараты, которые бы позволили проводить реставрацию более осмысленно, а также решать вопросы атрибуции произведений, создавать паспорта сохранности».

Иногда бывает, что в процессе работы над иконой происходят неожиданные открытия. Так, образ «Утоли мои болезни» XIX века скрывал более древнюю, написанную в XVI веке «Богоматерь-млекопитательницу». Это довольно редкий для русского иконописания сюжет, где Богоматерь кормит грудью Младенца. Под поздним изображением Тихвинской Божией Матери оказались три выбранных святых в полный рост, написанных в XVI веке: святых Екатерины, Марии Египетской и, по-видимому, святого Иакова, брата Господня. «А как вы определяете, какой слой оставить: самый старый или художественно более ценный?» – не удержалась я. «В спорных ситуациях применяется расслоение, – объясняет Михаил Шитов. – Например, я работал над иконой «Пророк Иезекииль», где на изображении XVI века было решено сохранить участок с масляным свитком».

Дмитрий Суховерков удалял поздний лак с иконы XVI века. Сверху тонкой кистью наносил растворитель, затем, когда лак размягчался, осторожно подцеплял хлопья частиц покрытия, открывая миру новый шедевр. «Обратите внимание на вот эти узкие поля, – говорит он. – Икона первоначально

Реставратор
Светлана
Королькова
показывает
уникальную
двустороннюю
вышивку

была другого размера. Она находилась в Благовещенском соборе Сольвычегодска, в вотчине «именистых людей» Строгановых. В XIX веке икону выкупили старообрядцы и подновили в своем вкусе: позолотили фон, нимбы, приписали рамку. Видите изображение жемчужины? Это XIX век, но я уже знаю, что под ним скрывается более древняя жемчужина, XVI века, до нее еще предстоит добраться». Реставраторы привели в порядок все иконы действующего храма музея Святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее. «Иконы находятся в собственности нашего музея, но постоянно живут в храме в специальных витринах, где создан нужный микроклимат, – пояснил Михаил Шитов. – Среди них – чудотворные иконы Богоматери Владимирской, Иверской, Дмитровский крест. За ними мы ведем постоянное наблюдение».

За последние лет 25 десять человек этого отдела отреставрировали более 400 памятников древнерусского искусства! Состав отдела за это время почти не изменился. И это притом, что зар-

платы реставраторов Третьяковки могут составлять 10–15 тысяч рублей в месяц. «В 90-е годы от нас в другую мастерскую ушел один человек, – вспоминает Антонина Собаршова. – Тогда нам даже, извините, зарплату продуктами платили, американской гуманитарной помощью: сухое молоко, крупы, сахар. Но я считаю, что большинство из нас здесь держит не зарплату».

Ирина Аверина в Третьяковской галерее работает восемнадцать лет, до того она еще долгое время реставрировала иконы в храмах, куда приходилось выезжать в командировки. Она вспоминает, как выглядели заброшенные храмы в 80-е годы: «Там царили такие запустение и грязь, что лужи вдоль стен не высыхали». Во всех реставрационных отделах трудятся только те, для кого эта кропотливая и вредная для здоровья профессия – призвание. Все имеют как минимум одно художественное образование, большинство – выпускники Московского государственного академического художественного училища памяти 1905 года и РГТУ.

ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИК

Отдел научной реставрации скульптуры и предметов декоративно-прикладного искусства XVIII–XX веков, пожалуй, самый разносторонний. Здесь восстанавливают скульптуру из камня, дерева и металла, фарфоровые произведения и древнерусское шитье.

Первый человек, которого мы там встретили, был реставратор скульптуры Юрий Любченко, и я спросила его, с какими скульптурами ему больше всего нравится работать. «С Врубелем», – коротко ответил он. Прикасаясь к произведениям великих, всегда остается приятное ощущение встречи с тайной. На счету Юрия – несколько небольших открытий в искусствоведении. Например, он первым увидел в одной из врублевских скульптурных композиций из гипса автопортрет художника и его будущей жены.

В мастерской Любченко на столе лежал огромный рельеф «Гектор и Аполлон». Как и многие другие экспонаты, он попал в Третьяковку из Академии художеств. Гипс растрескался, раскрошился, загрязнился – в общем, несложная задача для реставратора высшей категории. Но и «на ровном месте» бывают неожиданности. «Вот здесь была утрачена рука, – поясняет Юрий Любченко. – Она была подклеена. Но если изучить закономерности этой академической вещи, то станет понятно, что рука не авторская. Понимаете, не мог скульптор сделать такую ошибку перспективы. Я думаю, это грубая работа предыдущего реставратора».

Мы разговорились, и Юрий отметил, что реставраторы сталкиваются и с пикантными историями. В доказательство он вынул из шкафа... деликатную часть мужского тела. Юрий объяснился: «Однажды я занимался композицией «Сатир и вакханка» Михаила Козловского. Реставрационный совет согласился с тем, чтобы

Реставратор
высшей
категории
Юрий Любченко

снять деликатный листочек с Сатира. Под ним действительно оказалось все, что присуще Сатиру, – в соответствии с подлинным замыслом автора. Но с некоторой недостаточно-

стью момента. Я, разумеется, не имел права вылепить недостающее и провел научную работу. Снял слепок с подобного фрагмента работы Козловского – и теперь полноценный Сатир в фондах дожидается встречи с посетителями музея, а один из пробных слепков лежит у меня в шкафу среди других участков гипсовых композиций».

В это время за перегородкой корпела над убором с иконами «Господь Вседержитель» Светлана Королькова. Очищала ткани из льна, шелка и металлическое кружево, укрепляла лак, возвращала на место бусины из перламутра, стекляруса, речного жемчуга. За три года напряженного труда она выполнила лишь половину сложнейшей реставрации. Казалось бы, взял иголку и пришел. Но не все так просто. Сначала нужно по миллиметру очистить тампонами каждый участок экспоната, выкрасить в нужный тон тончайшие нити шелка-сырца. Затем – тонкой иглой укрепить швом «реставрационной сеткой» убор.

Светлана окончила Торжокское художественное училище золотного шитья и вот уже 23 года занимается реставрацией ткани – одним из самых трудоемких видов реставрации. Отложив из-за нас работу, она достала уникальный экспонат XVI века, двустороннюю вышивку с изображением святых. Мало того что такого рода экспонаты можно пересчитать по пальцам, они еще представляют огромный интерес с точки зрения истории реставрации. «Это уникальная реставрация 20–30-х годов, – сказала Светлана, – но так, как это сделали в 20–30-е годы, сейчас не сделает никто. Посмотрите, они смогли незаметно и деликатно подложить шелковый муслин между вышивками, укрепив все нитки, это невообразимо сложно».

У каждого сотрудника отдела скульптуры есть свое рабочее место в просторном помещении. Мне оно показалось по-домашнему уютным, за небольшой загородкой даже находился кухонный гарнитур с раковиной и шкафами. Оказалось, это лаборатория с оборудованием, шлифовальным станком, а в склянках – не соусы, а химические составы, в том числе ядовитые. На одном из шкафов кабинета висел плакат для проверки зрения, на другом стояли старинные весы, на которых раньше взвешивали химические вещества.

Дмитрий Суховерков, реставратор отдела научной реставрации древнерусской живописи

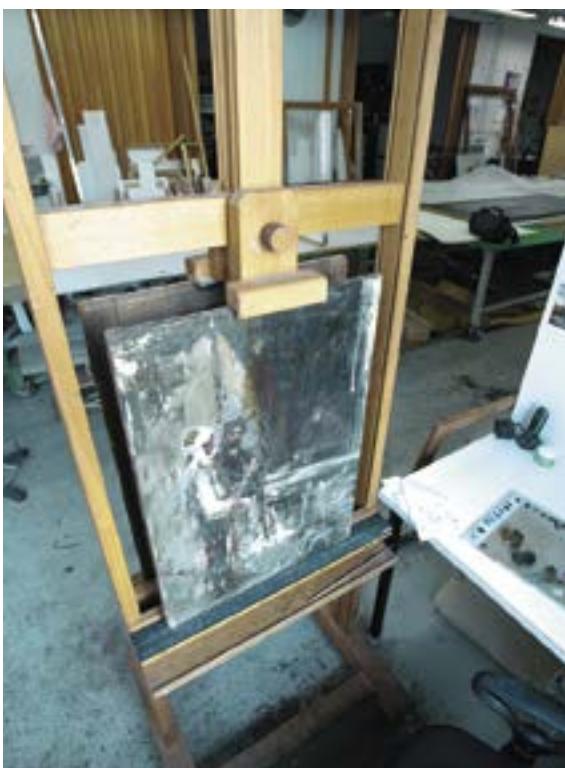
В одном углу – две огромные фарфоровые вазы Императорского фарфорового завода, в другом – старинная люстра, подаренная Третьяковке пожилой жительницей московского Арбата. В центре мастерской стоял у деревянных ворот художник-реставратор Павел Ерофеев. «Эти врата середины XVIII века к нам попали из музея МГУ в 30-е годы. – Павел явно с неохотой оторвался от дела. – В этом произведении применено очень редкое художественное решение: использование зеленого цветного лака по серебру». Павел работает на полставки, поскольку деревянных вещей в Третьяковке немногого. По его словам, недавно галерея купила деревянную Параскеву Пятницу и ангела в полный рост. У всех реставраторов есть творческие хобби. Почти половина пишет картины, другие занимаются коллекционировани-

ем, в том числе предметов искусства. Реставратор Ольга Буслаева в свободное от работы время любит собирать пазлы и бусы. Пазлы тем удивительны, что работа Ольги напоминает сборку гипсовых пазлов, где нужно соединить одновременно множество граней. «Что вы! Меня это занятие нисколько не раздражает, – улыбнулась Ольга Буслаева. – Если в день удается соединить 10 частей – огромная победа. Обычно – два. Сейчас я собираю скульптуру работы Николая Дыдыкина, которая разбилась на сотни фрагментов. Это скульптурный портрет художника Павла Корина, написавшего «Русь святую» и «Александра Невского». В Музее Корина на Пироговке в Москве прогнили полы, и скульптура рухнула. На моей памяти такое случилось впервые, хотя я уже работаю тридцать лет. Наконец музей закрыли на реконструкцию».

ПОДЛИННЫЙ КОРОВИН

Когда мы добрались до отдела научной реставрации масляной станковой живописи XVII – начала XX века, рабочий день уже закончился. Было обидно: ведь это самый большой реставрационный отдел в Лаврушинском переулке. И притом самый молодой, средний возраст сотрудников здесь – 35 лет. Среди полотен Константина Коровина работал в одиночестве, ожидая журналистов, реставратор Иван Салахов – сын художника Таира Салахова, брат известной галеристки и художницы Айдан Салаховой. Иван работает в Третьяковской галерее пятнадцать лет, учится в аспирантуре Московского государственного университета дизайна и технологии. Я застыла перед полотном «Ловля рыбы в Мурманском море», над которым одновременно работали все 9 человек отдела – чтобы успеть к началу выставки. Сильно пахло краской. «Здесь мы удалили старый лак и грязь, устранили прорывы холста, сдублировали авторский холст на новый реставрационный холст, подвели грунт в утраты, затонировали его акварелью, покрыли лаком и затем уточнили масляной краской», – начал рассказывать Иван. Передо мной замелькали картины Коровина: «Портрет княгини Софьи Николаевны Голицыной», «Покупка кинжала», где сильно пожелтевшая толстая лаковая пленка мешала колориту картины. «Это

Полотно
Константина
Коровина
«Покупка
кинжала»

сложная реставрация, «Портрет Анджело Мазини», где много утрат и дорисовок, – показал Иван Салахов свою работу. – Видите, фотография картины в ультрафиолетовых лучах, сколько черных пятен – это все поздние не авторские записи». В центре помещения стоял огромный вакуумный стол – один из первых появившихся в России в 1995 году. Он позволяет качественно и быстро приклеивать красочный слой, устранять деформации холста и проводить другие работы. «Сейчас нашим вакуумным столом уже не уди-

вишь профессиональных реставраторов, – объясняет Иван. – Мы много ездим с выставками за рубеж и стараемся перенять там технологии по части новых материалов. В России их почти нет – наша школа очень консервативна. У нас есть кое-какие образцы из США, но пока мы еще только решаем, соответствуют ли они нашим требованиям».

ШТУЧНЫЙ ТОВАР

Всего в Третьяковской галерее работают 50 реставраторов разных категорий. Часть мастерских расположена в Лаврушинском переулке, часть – на Крымском Валу в Москве, где размещается вся музейная коллекция XX и XXI веков. Каждый год эти отделы в среднем реставрируют от 700 до 1000 различных произведений. «Я с гордостью могу сказать, что мы вырастили новое поколение блестящих реставраторов, – говорит главный хранитель Государственной Третьяковской галереи Татьяна Городкова. – Другое дело, что у нас в стране еще не решена юридическая проблема аттестации реставраторов». Раньше существовала Всероссийская аттестационная комиссия, но вот уже восемь лет, как ее нет, а значит, и категории реставраторам не присуждаются. Это создает сложности при приеме на работу – непонятно, какой сложности работы можно человеку доверить, – и сказывается на зарплатах.

– Для музея все профессии важны, но реставраторы – элита музея, «штучный товар», – подвела итог Татьяна Городкова. – Каждый из них – личность, а профессионализм где-то граничит с искусством. Конечно, здесь много и ремесла: понимание процессов старения, особенностей материалов... Но тонкость цветового восприятия – это уже талант. Глаз реставратора очень хорошо отличает цветовые соотношения, такой человек наделен художественными талантами, эмоциональными, у него руки с точными движениями, чуткое сердце и замечательные мозги.

30 ТЫСЯЧ ЧАСОВ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПЯТИКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН СССР ПО САМБО ЕВГЕНИЙ ГЛОРИОЗОВ БЫЛ ВОСПИТАННИКОМ ДЕТСКОГО ДОМА, ИСПЫТАЛ ВСЕСОЮЗНУЮ СЛАВУ, УЧАСТВОВАЛ В СОЗДАНИИ ПЕРВЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПЬЮТЕРОВ, ЗАЩИТИЛ ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ И ОРГАНИЗОВАЛ ГУРЗУФСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ. СЕЙЧАС ОН ОРГАНИЗОВЫВАЕТ И ПРОВОДИТ СПАРТАКИАДЫ ПО БОРЬБЕ САМБО СРЕДИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ. И СЧИТАЕТ, ЧТО ИМЕННО ЭТО – ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ.

1954

ГОД, 6 АПРЕЛЯ, ХАРЬКОВ, ЧЕМПИОНАТ СССР по борьбе самбо.

Объявление по громкоговорителю: «Самбист Глориозов, Москва, вызывается главным судьей соревнований!» Двадцатилетний Евгений, студент третьего курса МГУ, подходит к судейскому столику, ему вручаются две телеграммы. Первая: «Физфак МГУ поздравляет с днем рождения и желает победы», другая – то же самое пожелание от самой красивой студентки физфака Аиды Джамаловой, в которую Евгений

был влюблена. «Радость от телеграммы Аиды во мне была такой огромной, что я победил, впервые став чемпионом СССР», – рассказывает великий советский самбист.

Против глориозовского подхвата устоять не мог никто. «Свой коронный подхват Женька мог сделать на любом противнике, – вспоминает Илья Ципурский, двукратный чемпион СССР по самбо. – Об этом приеме знали все соперники, но никто не мог ничего с ним сделать, все падали». «Евгений Глориозов был одним из лучших самбистов того времени, – утверждает академик РАН Борис Каторгин. – Где на ковре был он, там была победа. Это понимали и соратники, и соперники».

Он был гордостью страны, выиграв пять чемпионатов СССР, ему пачками приходили письма от поклонников. За его победами стоял не только напряженный труд, но и талант и характер. Он много экспериментировал и изучал себя. Особенно это касалось психологии в спорте. Любил историю, много читал. Однажды понял, что спортсмены делятся на две психологические группы: одному ученику тренер должен сказать

Евгений Глориозов проводит совещание с тренерами

перед схваткой: «Ты сильный, ты победишь!», другому – дать иную формулу: «Противник сильный, тебе будет очень трудно!» К мыслям об этих формулах Евгения Глориозова подвел спортивный случай. На одном чемпионате СССР ему предстояло бороться с десятикратным чемпионом Грузии по национальной грузинской борьбе чи-

даоба. «Во время разминки мой тренер Чумаков ходил за мной и твердил примерно следующее: «Женя, он в стойке убьет тебя, борись с ним только лежа, только лежа! Он всех просто убивает на ковре!» Я дошел до такого состояния, что, выскочив на ковер, уже не помнил потом, что было. Выиграл схватку с большим преимуществом и долго

Торжественное
открытие
Спартакиады

Чествование
победителей

думал об этом эпизоде». Другой случай окончательно убедил Евгения в правильности теории. На другом чемпионате СССР за час-два до финальной схватки соперник Валерий Иванов подошел к Евгению, приобнял и сказал примерно следующее: «Ты такой могучий, непобедимый, а у меня травмы, сильные боли. Поздравляю с победой! Я иду к врачу, снимаюсь с поединка». Евгений Глориозов вспоминает: «Я сижу в зрителях, кефир пью и вдруг слышу: «Приготовиться Иванову и Глориозову!» «Приготовиться» – значит выходить на ковер через две минуты. Мне срочно находят форму, я в спешке выхожу, а Иванов уже стоит готовый и размятый. Начали бороться. Первую минуту я был обезоружен, вторую – он выигрывал, третью – все набирал очки, наращивал преимущество. Я потянулся с захватом и задел ему нос, судья мне вынес законное предупреждение. Валерий Иванов решил обратиться к врачу, вернувшись на ковер через две-три минуты. Вот эти две минуты и лишили его чемпионского титула. Я смог мобилизоваться и настроиться, прийти в себя и бросил его. Эта история стала мне большим жизненным уроком».

Самая громкая победа Евгения Глориозова была одновременно и его поражением. Пятьдесят лет назад, в 1962 году, состоялась первая в истории международная встреча по дзюдо между сборными СССР и Франции. 8 апреля советская команда, не имеющая опыта международных встреч, со счетом 6:2 разнесла титулованных французов – многоократных чемпионов Европы. В последующих встречах преимущество наших дзюдоистов стало невероятным: 17:7. Никто и подумать не мог, что за день до этого советские самбисты... читали учебник по дзюдо. «Заходит в зал тренер с бумагой в руке и говорит: «Французы уже прилетели в Москву, наша с ними встреча завтра, – вспоминает Евгений Глориозов. – Вот вам учебник по

дзюдо. Кто знает английский или французский? Начали читать. Ага, прием «удушение» есть перекрытие сонной артерии. Как ее перекрывают? А кто ж знает-то! Ладно, идем дальше... Вопрос второй: кто хочет выступать? На предложение выступить в среднем весе против четырехкратного чемпиона Европы Лионеля Гроссена руку поднял только Глориозов. «И вот мы стоим на ковре, сходимся стенка на стенку, Гроссен борется со мной, – продолжает Евгений Леонидович. – Я брошу его, он перекрывает мне сонную артерию. Я начинаю терять сознание, вытаскиваю его за пределы татами и там отпускаю. Но бороться больше не могу. Вас когда-нибудь душили? Так вот поединок я проиграл, но победа была за нами». В память

Победа
в поединке
для молодого
спортсмена
значит больше,
чем просто
спортивное
достижение

БУДУЩИЕ ОЛИМПИЙЦЫ

НА VIII СПАРТАКИАДУ РОССИИ ПО БОРЬБЕ САМБО СРЕДИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ НА ПРИЗЫ ЕВГЕНИЯ ГЛОРИОЗОВА ПРИЕХАЛИ 47 КОМАНД СО ВСЕХ КОНЦОВ РОССИИ, А ТАКЖЕ КОМАНДЫ ИЗ ГЕРМАНИИ, СЛОВАКИИ И С УКРАИНЫ. В МОСКВЕ ВО ДВОРЦЕ СПОРТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИБОРОСТРОЕНИЯ И ИНФОРМАТИКИ 7 И 8 АПРЕЛЯ СОРЕВНОВАЛИСЬ БОЛЕЕ 200 РЕБЯТ.

Десятки почетных гостей пришли поздравить участников с открытием Спартакиады, не имеющей аналогов в мире. Среди них были почетный президент Международной любительской федерации самбо (FIAS), шестикратный чемпион СССР по самбо, чемпион мира и Европы Давид Рудман, вице-президент Российской академии наук, мастер спорта по самбо Николай Лаверов, генерал-полковник, член Союза писателей России Леонид Ивашов, президент Международного фонда помощи ветеранам и инвалидам спорта, мастер спорта Григорий Карамалак и многие другие. Спартакиада проводится восьмой год подряд. «Это большой праздник и окно в жизнь для многих воспитанников детдомов и кадетских корпусов, – говорит главный судья Спартакиады, судья международной категории экстра класса Евгений Барков. – Здесь, к примеру, мы открыли спортивный талант Виктории Кулишкиной из Прокопьевска, которая впоследствии стала второй чемпионкой Европы по самбо. Надеемся, она еще станет олимпийской чемпионкой по дзюдо. Многие из приехавших ребят впервые видят Москву и лучших самбистов планеты среди почетных гостей. Всем участникам Спартакиады предоставлены бесплатные проживание, питание, спортивная форма в подарок. Дети общаются и, надеемся, становятся целеустремленнее, лучше». ...На трех коврах шли отчаянные поединки. Победители торжествовали, у проигравших слезы лились в три ручья. Ребята соревновались не за очки, как профессиональные самбисты, – шла непримиримая битва характеров.

15-летняя Женя Аксенова, победительница в весе до 51 килограмма из детского дома №6 Прокопьевска (Кемеровская область), рассказала, что учится в коррекционном классе в школе, где вместе обучаются и домашние дети, и детдомовские. «После девятого класса я получу два образования, – сказала она. – Пойду учиться на менеджера, потом – на повара. И потом уже семейную жизнь справлять буду». Она занимается самбо всего полгода, чтобы «держаться в спортивной форме постоянно». Ее подруга Марина Лыбина, победительница в весе до 55 килограммов, занимается самбо четыре года, мечтает о спортивной карьере. На ее счету уже 10 побед на различных российских соревнованиях по самбо и дзюдо. «У меня, конечно, бывают в жизни драки и с мальчиками, – говорит она, – но они меня не боятся. Самбо – нормальное занятие для девочки». О спортивной карьере мечтает и 15-летняя Таня Жукова из Прокопьевска, победительница в весе до 38 килограммов. «Я два года учились играть на гитаре, – говорит Таня, – но учитель уволился, и я занялась самбо, чтобы защитить себя в будущем от маньяков. Буду тренером, у нас в городе есть спортивное училище. Еще хожу в кружок по бересте, дарю плетеные короба воспитателям, себе оставила один браслет». С тренерами в детских домах большая проблема. Платят им копейки (по 2–3 тысячи рублей в месяц), да и для работы с детьми-сиротами нужен особый склад характера. Владислав Сергеев, тренер из Прокопьевска, чьи дети показывают на ковре блестящие результаты, так объясняет специфику

За своих болеют с чувством

о той встрече в Москве сейчас проходят спортивные мероприятия, которые недавно анонсировал премьер-министр Владимир Путин. Разгром французов

повлек за собой всплеск развития дзюдо в СССР, лучшие самбисты переквалифицировались в дзюдоистов: олимпийский вид спорта, загранкомандиров-

ки – отечественное самбо осиротело.

За громкими успехами стоял Евгений Чумаков, тренер советской сборной, превративший самбо в науку. Он вывел «формулу успеха», которую затем оформили в схемы и методики. Ее суть определяют цитатой Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению – таков путь диалектической истины». Чумаков собрал экспериментальную группу спортсменов «СКИФ», обычных ребят, и через несколько лет на 70 его учеников пришлось порядка 60 «подиумов», из них – 36 золотых медалей чемпионата СССР по борьбе самбо. Этот тренерский рекорд до сих пор в России никем не побит ни в одном виде спорта. По воспоминаниям Евгения Глориозова, Чумаков был

своей работы: «Домашнего ребенка можно обмануть, потому что они к этому более привычные. А если ты что-то один раз пообещал ребенку из детского дома и не сделал – тебе больше никогда не будет доверия. Ты несешь за свои действия и слова полную ответственность. По статистике, всего 3 процента выпускников детских домов не сидят в тюрьме и не занимаются криминалом. Неофициально – все 100 процентов. Думаю, самбо может дать этим людям шанс на нормальную жизнь». Он считает, что многие начинают заниматься в секции, чтобы иметь возможность ездить на соревнования, вырваться из привычных стен. «Домашние дети уже на второй день соревнований домой рвутся, – продолжает Владислав Сергеев, – а мои готовы есть «роллтон», спать на боковушках, на что угодно согласны, лишь бы не обратно в детский дом». На тренировку идет как на праздник 12-летний Олег Крюков из школы-интерната Керчи (Украина), круглый отличник. «Я занимаясь по два часа через день, а теперь еще и по часу каждое утро, – говорит Олег, проигравший борьбу за третье место. – Тренер к нам приехал из России всего четыре месяца назад». Для ребят из Керчи приезд Владимира Красова стал праздником, а для ребят из Ельца – трагедией. Они восприняли как предательство переезд любимого тренера, с которым несколько лет подряд держали пальму первенства глориозовской Спартакиады. Все до одного по телефону отказались ехать в Москву, даже при условии, что Евгений Глориозов приедет за ними лично. О пользе Спартакиады говорили много: налицо и социализация ребят, и общее развитие, и новые навыки – например, езды в общественном транспорте. «Из моих воспитанников нет ни одного, кто бы в жизни не устроился нормально. Некоторых я устраивал на работу в наш совхоз», – говорит Олег Крылов, инструктор лухтоновской школы-интерната (Владимирская область). Его ребята ездят на соревнования не только по России, но и за рубеж: в Грецию, Венгрию, скоро поедут в Южную Корею.

Он также организовал на базе интерната военно-исторический клуб. «У нас специализированное учреждение, наши дети имеют диагноз олигофрения, – говорит Олег Крылов. – Но многие диагноз «снимают» еще в школьные годы, получают автомобильные права и имеют больше возможностей найти работу по душе».

Дети из Европы приехали на Спартакиаду для того, чтобы найти достойных соперников. Все-таки самбо – российский вид спорта, хотя в Европе сейчас к нему растет интерес. В Баварии одну из секций организовали выходцы из Туркмении и Казахстана Андрея Карих и Альберт Кеплин. «Моим воспитанникам очень полезно увидеть, с каким желанием победить борются русские дети, – говорит Андрея Карих. – У немецких детей без родителей и из неполных семей в жизни много сблазнов, их многое отвлекает от тренировок».

Постоянного генерального спонсора мероприятие еще не приобрело, хотя мир не без добрых людей. «Когда спонсор «здравый» – это хорошо, – говорит Евгений Глориозов, – но ведь иногда речь заходит об откатах каких-нибудь... Я в этом смысле человек жесткий, так что системного финансирования у нас пока нет, ищем. Я разослал письма с просьбой о финансовой поддержке своим друзьям-профессорам, после чего мне на счет начали приходить деньги, которые позволили оплатить детям все расходы и даже купить ценные призы. Особенно приятной стала поддержка совершенно незнакомых мне людей. Первыми откликнулись пенсионер из Санкт-Петербурга по фамилии Логинов и врач Г.А. Бакирова из Южно-Сахалинска. Огромную помощь в организации оказала Федерация самбо Москвы и ее президент Сергей Байдаков: размещение, питание детей, решение транспортных проблем и трансфера». В прошлом году ОАО «РЖД» оплатило дорогу всем командам, в этом году компания такой возможности не нашла, и многие детские дома повезли своих детей на собственные средства».

«интеллигент, не боец в жизни совершенно. Он никогда не бегал просить за своих учеников, молчал, когда нас засуживали, считал неудобным беспокоить начальство. В общем, полная противоположность своему учителю, Анатолию Харлампиеву – основателю самбо, лидеру тоталитарного склада».

INFANT TERRIBLE

6 апреля 1934 года, Москва, Чистые пруды.

Евгений Глориозов родился в необычной семье. Родители матери принадлежали к дворянскому роду, Антонина Рудакова училась до революции в Московском Екатерининском институте благородных девиц, говорила на английском и французском, играла на фортепиано. Она была домохозяйкой, и, когда в телефонном разговоре произносила «infant terrible», Женя знал, что речь идет о нем. Отец до революции окончил физико-математический фа-

В поединках закаляется характер – самбист всегда сумеет добиться своего в большой жизни

Психологический настрой перед поединком, бывает, решает все

культет МГУ и занимался наукой, статистикой и теорией вероятности. Но из-за неуживчивого характера все время менял места работы. Жили плохо, питались одной картошкой, Евгений был физически очень слабым. В семье

было трое мальчиков. Старший, Георгий, учился в консерватории по классу вокала, дома постоянно звучали русские романсы. В 1941 году отец и оба брата ушли на фронт. Отец умер в госпитале в 1943-м. Мама оказалась в боль-

нице. Семилетний Евгений, который был моложе братьев на десять и пятнадцать лет, остался в московской квартире один, под присмотром соседей. И начались его скитания.

В первый свой детский дом он попал после ограбления соседской квартиры. «Подходят ко мне старшие ребята и спрашивают: «Левку Авербаха знаешь?» – вспоминает Евгений Глориозов. – Я говорю: «Знаю, он мой друг, уехал в Казань». Они: «Пойдем кататься на его велосипед!» Левка жил на четвертом этаже, меня подсадили в фортину, я открыл дверь. Пока катался на велосипеде, ребята ограбили квартиру. Через три дня ко мне пришел участковый, спросил, почему я не украл велосипед, я ответил, что на днях ведь война окончится, Левка приедет, как же я могу брать его вещь. Меня наказывать не стали, но отправили в детский дом, куда свозили детей из разбомленных

ешелонов. Я там был самым старшим». В первом детском доме Женя пробыл недолго, осенью 1941 года его перевели в московский детский дом №64. Дело в том, что он подружился с девочкой Таней, с которой они часто играли в семью. Их сыном был четырехлетний Павлик, у которого отнялись после бомбежки ноги, и Женя его все время носил на плечах. «Однажды нас всех троих застали в одной постели, и меня тут же перевели в другой детский дом, – говорит Евгений Глориозов. – Мне было 7 лет. При нашем прощании плачали все нянечки. Павлик через два месяца умер от тоски».

В новом детдоме, где Женя был самым младшим, он столкнулся с дедовщиной. Его несколько раз побили за отказ отдать свою порцию хлеба. Но оставили в покое после того, как он пришел на очередную «встречу» с металлическим прутом, отломанным от забора.

По окончании Спартакиады одна из команд отправится с Евгением Глориозовым на Белое море

СПОРТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

По натуре Евгений Глориозов, конечно, рыцарь. Много подвигов он совершил ради прекрасных дам. А из-за девочки Тани Покровской он пришел в самбо. Кому-то из ребят не понравилось, что Женя приглашен к Тане на день рождения, и в 1950 году девятиклассника жестоко побили в подъезде. Кое-как дойдя до дома, парень первым делом составил себе индивидуальный план физической подготовки: «Подъем – в 6 утра, отжимание от пола – 30 раз, подтягивание на турнике – 20 раз». С Ильей Ципурским, будущим чемпионом СССР по самбо, они ежедневно бегали на стадионе, толкали ядро.

В секцию по борьбе самбо Евгения поначалу не брали, потому что он не мог влезть по канату и отжаться от пола больше пяти раз. История произошла в Государственном центральном институте физической культуры. «Я просился хотя бы просто так, без записи, присутствовать на тренировках. Тренер надо мной сжался, но сказал, что непустит в зал, если я пропущу хотя бы один день, – вспоминает Евгений Глориозов. – В группу меня официально записали через семь месяцев. Радости моей не было предела. Хотя я был вынужден мириться с тем, что всегда проигрывал, во всем был худшим, потому что у нас занимались одни разрядники».

Возможно, Евгений занимался бы в жизни только спортом, если бы не одна реплика в очереди за стипендией. «Я тогда уже был чемпионом СССР, – вспоминает самбист, – учился на четвертом курсе. – Однажды я торопился на тренировку и попытался попасть к окошечку кассы без очереди. Вдруг слышу за спиной фразу, мол, все спортсмены слабоваты на голову. Я знал, кто это сказал – отличник учебы, будущий аспирант. Эта фраза перевернула мою жизнь». Евгений Глориозов начал заниматься учебой с такой же одержимостью, как и спортом. Защитил кандидатскую диссертацию в

1965 году, тогда же стал в Перми пятикратным чемпионом СССР. Беспрецедентное достижение. Причем защищался он раньше, чем тот отличник из очереди, что было Евгению крайне важно. Параллельно Глориозов занимался научной деятельностью в «почтовом ящике», имел «второй уровень допуска» (из трех), из-за чего его не выпускали за рубеж даже на чемпионат Европы по дзюдо.

В 1974 году он основал ежегодную Гурзуфскую конференцию, которая скоро отметит 40-летний юбилей. Ее темами с самого начала являются кибернетика, вычислительная техника и математика. Традиция выросла из одной истории, связанной с защитой евреев. «В эти годы антисемитизм гулял по СССР, – вспоминает Евгений Глориозов. – Я заведовал кафедрой микроэлектроники в Московском институте электронного машиностроения, где учился талантливый парень Владимир Гелиосович Ксорин, у него уже была написана диссертация. И мне дали понять, что умные евреи стране не требуются. Я шел по Маросейке и думал, как помочь парню. Зашел в ЦК комсомола, высказал инициативу организовать школу молодых ученых под Костромой. Я знал, что там есть база ЦК ВЛКСМ «Спутник». Получил добро, разослав программу конференции ведущим профессорам в области информационных технологий с просьбой выступить с докладом. Все приехали, и я дал возможность выступить своему «Гелиосовичу». Парня заметило научное сообщество, а вскоре выяснилось, что он не еврей, а русский. Научным специалистам настолько понравилось мероприятие, что его решили сделать ежегодным. Начиная со второго года конференция «поселилась» в Гурзуфе (Украина). Вот 25 мая мы вновь откроем дискуссии». В 1980 году Евгений Глориозов защищил докторскую диссертацию по проектированию компьютеров. «Есть программы, которые

Победа
за детским
домом №6
из Прокопьевска
(Кемеровская
область)!

играют в шахматы, сочиняют музыку или стихи, а я создал такую, которая генерирует новые технические решения в конкретной области знаний, – упрощенно разъясняет тему диссертации Евгений Глориозов. – Это область искусственного интеллекта. Моя программа избрала четыре схемы элемента компьютера, на которые я получил авторское свидетельство». Ученый написал 155 научных работ и три монографии.

А в 1989 году перешел в МГУПИ на кафедру спорта, так как решил сосредоточить силы на любимом самбо и посвятить себя тренерскому делу. Среди учеников Евгения Глориозова 16 мастеров спорта. «На книги о самбо у меня времени никак не хватает, – говорит пятикратный чемпион СССР, – я занялся воспитанием студентов нового поколения, чтобы каждый из них стал хорошим мастером спорта и, если получится, чтобы у них головы хорошо работали». По мнению профессора, самбо – это спорт интеллектуалов. Иначе как объяснить факт, что в Российской академии наук работают три мастера спорта, и все они – самбисты: Николай Лаверов, Борис Каторгин, Альберт Галеев. Четвертый мастер

спорта по самбо – Юрий Овчинников, с химического факультета МГУ, – недавно ушел из жизни.

Евгению Глориозову хватает времени не только на работу. У него есть семья. Жена – бывший физик, занималась теорией полупроводников в Институте редких металлов. Сын – бизнесмен, дочь – топ-менеджер в компании по информационным технологиям. Он много путешествовал, в том числе по миру, до сих пор катается на горных лыжах. «Люблю читать, – говорит Евгений Леонидович. – Буквально советую всем своим студентам прочитать Андре Моруа «Превратности любви» и «Письма незнакомке», чтобы они не задавали мне вопросов в духе, «что такое любовь». Я даже составил список из 50 книг, которые обязательно должен прочитать современный человек. В нем – «Война и мир», Гоголь, Чехов, Трифонов, Нагибин, Довлатов и другие».

РАСПРЕДЕЛЯТЬ ВРЕМЯ

Последний из больших проектов Евгения Глориозова – ежегодная Спартакиада для воспитанников детских домов. К этому он шел всю свою жизнь. Глядя из окна своей московской

Среди призов
Спартакиады –
книги, крупная
и мелкая
бытовая техника

квартиры на памятник известному гуманисту, «святому доктору» Федору Гаазу, Глориозов думает, что в памяти потомков остаются только те люди, которые сделали в жизни что-то понастоящему хорошее.

Каждый год великий самбист возит новую группу детей-сирот на Белое море в деревню Чаваньга – красивое полудикое место, где живут только охотники и рыбаки. Добродушные люди подкармливают необычных туристов свежей рыбой. А Евгений Глориозов ребят месяц тренирует, учит, беседует с ними о жизни. На Кольском полуострове Евгению Глориозову позволили отремонтировать один из брошенных домов XVIII века и бесплатно им пользоваться.

Постепенно наш разговор с Евгением Глориозовым вышел на острую тему криминала в спорте. «В страшные 90-е спортсмены организовывались в банды, – говорит он. – Ведь спортсмен – невероятно организованный человек. Он самый подходящий материал для криминала. Но проблема в другом. Страна наша – сырьевой придаток развитых стран. Доходы 10 процентов самых бедных и 10 процентов самых богатых россиян различаются пример-

но в 100 раз – цифра на уровне стран Африки и Латинской Америки. Недавно Владимир Путин сказал, что в 16 раз, но это смешно. В Европе миллиардеры отдают государству налогами 70 процентов прибыли, а у нас – 15 или 16 процентов. И последнее. Сколько у нас получают врачи и учитель? Неприлично мало. Вот вам краткий социологический обзор глазами математи-

ка и основные причины криминализации спорта. Самбо в том числе – хотя я его считаю наиболее здоровым из всех видов». В планах Евгения Глориозова – подключиться со своей Спартакиадой к государственному проекту по многоборью «Удаль молодецкая». И создать свой фонд, чтобы перевести финансирование Спартакиады на новый уровень. «Меня уговаривают назвать фонд своим именем, но мне кажется, это не вполне скромно», – говорит Евгений Глориозов. Он удивительно активен и старается с пользой провести каждый час, так как, по его подсчетам, жить ему осталось три-четыре года, то есть порядка 30 тысяч часов. Я не могла всерьез воспринять эти его слова – уж слишком энергичен Евгений Глориозов. Если не знать даты его рождения, его невозможно назвать даже пожилым. «Ничего здесь особенного нет, – настаивает Евгений Глориозов. – Снаряды падают рядом, раз в месяц я хоронию своих друзей. Не подумайте, что я слезу у кого-нибудь хочу выбить, ни в коем случае. Просто стараюсь максимально понятно объяснить, насколько в жизни важно уметь распределять свое время».

МИКЕЛАНДЖЕЛО С БЕНЗОПИЛОЙ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МЕДВЕДЕЙ И ОРЛОВ ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО. ТУТ МЕДВЕДЬ ЛОВИТ РЫБУ. ТАМ – ПРОГУЛИВАЕТСЯ С ПАЛКОЙ И ЛУКОШКОМ... А ВОТ ОРЕЛ С РАСПРАВЛЕННЫМИ КРЫЛЬЯМИ, НА КОТОРЫХ МОЖНО ВСЕ ПЕРЬЯ ПЕРЕСЧИТАТЬ. ВСЯ ЭТА ЧУДЕСНАЯ «ЖИВНОСТЬ», КРАСУЮЩАЯСЯ В МАСТЕРСКОЙ ЕВГЕНИЯ АКИМОВА, ЛИБО ВЫРЕЗАНА НОЖОМ ИЛИ ПИЛОЙ, ЛИБО ВЫРУБЛЕНА ТОПОРОМ...

боксарского педагогического вуза. Большой двор института тоже украшен рядами таких же скульптур. Ими же уставлен городской парк, многие частные дворики, бензозаправки и рестораны Чебоксар, Казани, Самары, Ростова, Вологды, Саранска.

Так как же назвать распространявшуюся от канадских лесорубов по миру резьбу бензопилой – шоу или искусством?

– Судите сами, а я вам покажу! – предлагает мастер и начинает переодеваться для работы. Никакого халата и фартука! Акимов натягивает яркую куртку и предлагает ее потрогать. Ого! Панцирь, покрепче пулепропиваемого жилета! Но главная деталь костюма бензопилоскульптора штаны – плотные, с толстыми «накидками», похожие на ковбойские. Они пропитаны специальным раствором, который делает их не только тяжелыми, но и непробиваемыми для самой лютой пилы из самого страшного фильма ужасов. В России такие штаны не купишь. Евгений привез их прошлой осенью из Англии, где побывал на фестивале карвинг-резьбы. Билет купил сам, ночевал у такого же, как он, бензопилоскульптора, с которым его познакомил еще один коллега – Джозеф Кинг, часто бывающий в Чебоксарах по приглашению Евгения. В самолет Акимова с пилами не пустили, но он все равно полетел в Лондон. Участники фестиваля по-товарищески снабдили его всем необходимым: еще бы, первый русский приехал к ним на фестиваль! И специальные штаны оказались в числе подарков. Без них к участию в фестивале не допускают: за техникой безопасности следят строго. А от

Н О БОЛЬШЕ ВСЕГО мастер гордится сделанным из цельного куска дерева кубом, внутри которого заключен деревянный шарик. Ни одна из тонких граней куба не повреждена, а шарик можно вращать. Эта игрушка, которой можно стучать как погремушкой, самый главный фокус на шоу карвинг-резьбы по дереву.

ШОУ ИЛИ ИСКУССТВО?

Традиционные инструменты скульптора по дереву – стамески, резцы и топоры – в мастерской Акимова висят на стене. На видном и почетном месте. Его нынешний инструмент скромно лежит у другой стены – пять бензопил. Сейчас они не заправлены бензином, не ревут и не плюются сизым дымом, но все равно становится не по себе, когда Акимов подкидывает их, прижимает к груди или гладит лезвием пилы подбородок. Свои любимые пилы Акимов привез из-за рубежа, в России таких не производят.

Правда, мастеру все равно пришлось менять в них шины, звездочки, рычаги и ставить мелкую цепь. Заправляется это чудо техники бензином, смешанным с маслом, причем пропорция держится Акимовым в строгом секрете.

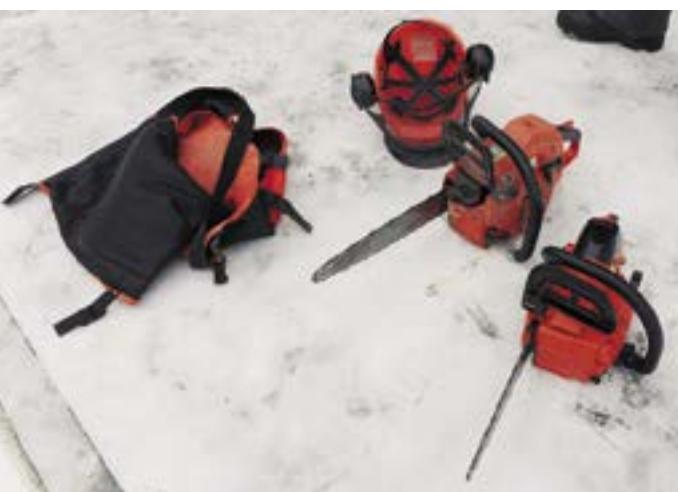
Евгений с удовольствием рассказывает, какие толпы зрителей он собирает на улицах, когда начинает демонстрировать свое мастерство. Ведь люди привыкли к тому, что создание скульптуры – дело неспешное. А тут за час-полтора из фонтана опилок и клубов дыма появляется то сказочный персонаж, то какая-нибудь зверюшка. Иногда мастер вдруг хищно улыбается и веером запускает в сторону зрителей струю опилок. Визгутогда, крику! Резец и стамеска такого фурора произвести, конечно, не могут.

Ну а количество скульптур скоро перестанет поддаваться подсчету. Вырезанные бензопилой работы Акимова стоят в коридоре за дверьми мастерской, которая располагается в здании Че-

зрителей участников шоу отделяют сетка и приличная дистанция: нужно опасаться опилок и щепок, которые летят как пули. Для защиты от них мастер надевает специальный шлем с щитком для лица. Еще одна важная деталь – наушники. В полном облачении Евгений – ни дать ни взять пилот болида, готовящийся установить рекорд скорости. За техникой следят ученики мастера. Они уже заправили бензопилы и несут их впереди Акимова. В коридоре студенты расступаются, смеются вслед: «Опять за медведем пошли!» Акимова эти шутки не смущают. На английском фестивале американские участники, все как один, резали своих гризли. И, как выяснилось, кроме этого, больше ничего и не умели.

К творчеству надо приступать, соблюдая правила техники безопасности

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА БЕНЗОПИЛОЙ

Сразу стало ясно: сегодня Акимов медведя вырезать не будет, мастер выбрал далеко не самый большой чурбан. Ученики положили перед ним две заправленные бензопилы. Та, что побольше, – для снятия крупных пластов древесины, поменьше – для проработки мелких деталей. Акимов не спеша осматривает чурбан, будто мысленно намечает контуры. Но на мой вопрос: «Силуэт прикидываете?» – отрицательно качает головой. Оказывается, он просто ждет звонка на большую перемену, ведь завывания пилы могут сорвать занятия. Правда,

Набор пил заменяет бензопилоскульптору набор резцов

кажется, это уже произошло: во всех окнах торчат гроздья голов. Наконец мастер опустил щиток на лицо, выставил вперед ногу и примерился пилой к чурбану. Стоящие полукругом зрители отступили еще на три шага назад. Сейчас начнется!

Дождь белых опилок обрызгал одежду и долетел аж до крыльца! Но практически никто не обратил на это внимания, все следили за движениями мастера. Вот чуть рассеялся дым, и стали видны крылья. Потом – голо-

ва с клювом... Грузчики, таскавшие воду в столовую, остановились и наблюдают... Уборщица забыла о том, что шла выбросить мусор, и, вытягивая шею, старается не упустить ни одного движения Акимова, который не ходит, а танцует вокруг чурбана... Из дверей института выскочили студенты без верхней одежды... Ну, точно – шоу! ...И вот уже в центре желтого круга из опилок сидит большая белая сова с огромными удивленными глазами.

Попробуй скажи, что это не творение рук мастера!

«Евгений Александрович, 29 минут!» – кричат ученики, сверившись с часами. «Погодите, я еще не обжег!» – отвечает Акимов и газовой горелкой «красит» сову в коричнево-черный цвет. Сова готова. Чудо как хороша!

А раньше на такую работу мастер потратил бы двое-трое суток. Так же быстро Акимов может вырезать цапель, пару волков или крокодила. «Он из спички вам медведя вырежет!» – смеются грузчики. «Хватит басни рассказывать, – откликается мастер. –

А вот открыть пилой бутылку – пожалуйста!»

О ювелирной работе Акимова бензопилой знают не только в Чебоксарах, но и в Казани, Самаре, Ростове. Когда в каком-нибудь из этих городов решают избавиться от ставшего или ненужного дуба либо тополя, то зовут Акимова. Но не для того, чтобы срезать дерево. Прямо во дворе или на шумном проспекте он вырезает скульптуру. И корни выкапывать не надо, и украшение готово.

Обманчива легкость, с которой бензопилоскульптор вырезает свой шедевр, провоцирует коллег на то, чтобы не признавать его искусством

ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ

Из Англии Акимов привез не только инвентарь и спецодежду, но и привычку часто улыбаться. Человек с бензопилой, говорит он, должен своей доброжелательностью компенсировать пронзительный вой и пугающий образ инструмента, репутация которого подмочена фильмами ужасов. Так что бензопилоскульптор очарователен, вежлив и приветлив со всеми. ...В мастерской я долго страхуюсь впившиеся в куртку опилки. Акимов же растирает руки: столько мелких опилок впивается, ни в какой бане не выпаришь.

– Опять своим шоу мне лекцию сорвал! – В мастерскую входит молодая женщина. Это – супруга Акимова Фарида. Преподает здесь же, в Педагогическом. Когда муж увлекся резьбой бензопилой, Фарида поставила два обязательных условия: дома не должно пахнуть бензином, а пила, как у лесорубов из леспромхоза, не должна лежать под кроватью. Требования жены Евгений выполняет беспрекословно.

Евгений Акимов окончил Богословский художественно-промышленный техникум в Сергиево-Посадском районе Подмосковья. Уже лет десять заведует мастерскими на технолого-экономическом факультете Чебоксарского педагогического университета. Учил молодежь вырезать богословскую игрушку. Вместе с командой учеников выезжал делать по заказу деревянные сказочные городки для детских площадок. Занимался деревянной скульптурой.

Как-то на празднике леса, где проводили благотворительный аукцион – собирали деньги для детского дома, Акимов заметил косые взгляды профессиональных пильщиков. Они с неодобрением смотрели на бензопилу в его руках, которой он подписывал скульптуру, вытесанную топором: «ты уж либо руби, либо пили!» А в конце конкурса пильщики показали фокус: бензопилой выпилили куб, внутри которого красовался шарик.

Но больше других Акимова поразил Игорь Шляхтенко, приглашенный на конкурс из Германии как мастер карвинг-резьбы по дереву. Бензопилой он быстро и изящно вырезал несколько скульптур. Акимова с ребятами это потрясло. Но дать мастер-класс и поделиться секретами Шляхтенко отказался. Смотрел поверх голов, держал дистанцию, просил не приставать... Разрезала бензопила в тот день жизнь Акимова пополам. А ведь до того он имел о бензопиле самое обычное представление: ну дрова пилят, ну деревья спиливают... После техникума он недолго работал на сувенирной фабрике, так там брусья разделяли бензопилой «Дружба». Грубая работа. От визга в ушах звенит. Да еще травмы... А тут, после выступления Шляхтенко, он на бензопилу совсем другими глазами начал смотреть.

Акимов быстро понял: резьба пилой не требует от скульптора обучения каким-то новым навыкам. Нужно только изучить устройство пилы и предусмотреть все опасные моменты работы. Тренировался на резке фигур сказочных персонажей для детских площадок.

Первое время Акимов с учениками работали обычными бензопилами. Работы получались грубые, приходилось их топором и стамеской до ума доводить. И только когда набрались опыта и заработали деньги на хороший инструмент, смогли освоить ювелирную работу бензопилой. Первым достижением стал тот самый куб с шариком внутри. Секрет его изготавления они раскусили сами, но с тех пор о нем также никому не говорят. Подивиться на этот куб приходили все знакомые. «Бензопилой – такое!» – говорили художники, щупая куб, выпиленный из дуба. Акимов с учениками собственным умом дошли до того, что лучше работать по дубу: пила не забивается смолой. Научились точно угадывать место, в котором дерево треснет под напором пилы. И принародились пилить так, что-

бы трещина шла в нужном направлении.

Правда, с деревом в Чебоксарах трудно. Закупать его – дорого. Вырывают лесные пожары, после которых у лесхозов можно выпросить испорченную древесину. Следят резчики и за санитарным распилен деревьев по городу. Собирая Всероссийский студенческий фестиваль по резьбе, Акимов напрямую обращался в лесхозы с просьбой помочь материалом. Этот проект осуществили весной 2011 года. Ребята приехали с разных концов страны: Акимов решил популяризовать карвинг-резьбу среди молодежи. Смена нужна! Правда, ребята доводили свои работы не пилами, а стамесками... Но приглашенный мастер резьбы из США Джозеф Кинг все равно был доволен.

ТОПОР ПРОТИВ БЕНЗОПИЛЫ

Фестивали карвинг-резьбы по дереву проводятся в мире уже лет двадцать, правда, мастера

Всех своих зверей и птиц мастер «поджаривает» на огне газовой горелки

из России в них не участвуют. Акимов пока побывал лишь на одном, в Англии.

Билет тогда он купил в один конец, а обратный надеялся приобрести, заработав на продаже своих скульптур. Неделю жил у английского резчика рядом с Манчестером, где и проводился фестиваль. У хозяина болели глаза, врачи запретили ему работать бензопилой, поэтому у него было время рассказать гостю о конкурсе и его правилах. Поразила жителя Чебоксар солидарность между бензопилоскульпторами.

Шар внутри граней деревянного куба, выполненный бензопилой из цельного куска дерева, главный фокус на фестивалях карвинг-резьбы

Инструментом делятся, секреты рассказывают, с едой и ночлегом помогают. Как и Акимов, дорогу на фестиваль и обратно домой мастера оплачивают за счет проанных на аукционе работ, вырезанных во время фестиваля. Узнал Акимов, что люди приезжают на эти фестивали и учатся, и деньги зарабатывать. Многие из участников – лесорубы или водители лесовозов. Работают с целыми наборами пил, иногда не менее десяти, к снаряжению относятся очень серьезно. Понял Акимов, что нужно не только быстро работать бензопилой, но и уметь подготовить работу к продаже: покрасить или обжечь. Выяснил, что аукцион как рулетка: можно сделать отличную вещь, но продать дешево или вовсе не найти покупателя. Надо понравиться зрителю, превратить процесс резьбы в праздник, то есть быть шоуменом. Тогда тебя и оценят. Правда, он заметил, что ради привлечения внимания к сво-

им работам мастера не брезгуют и нанять за свои деньги первого покупателя, который спровоцирует на покупку других. Бизнес! Деньги на обратный билет Евгений все-таки заработал: продал единорога, которого вырезал на фестивале. На прощание он решил удивить коллег и продемонстрировал, как быстро может вырезать ножом медведя или орла. Коллеги цокали языками и восхищались, но глядели удивленно: ножом? Зачем, когда есть бензопила? Обо всем этом Евгений рассказывал ученикам с юмором и не без умысла. Намекал, что пора осваивать передовые технологии и не обращать внимания на ворчание ретроградов, считающих, что резба бензопилой к искусству отношения не имеет. На это пожаловался его ученик Артем Смирнов. Поехал он на фестиваль «Поющее дерево» с пилой, а там все мастера – с топорами да стамесками. Смотрели на гостя из Чебоксар как на врага. Хотя и

по качеству, и по скорости проиграли. Это далеко не первое столкновение. В самих Чебоксарах, несмотря на все обаяние бензопилоскульптора и его феерические выступления на городских праздниках, работа Акимова вызывает противоречивые оценки. Например, профессиональные художники против присутствия его творений на выставках. Недоброжелатели называют его творчество «резней по-техасски», намекая на известный фильм ужасов. На Всероссийском конкурсе «Русь мастеровая» он настолько затмил своими «танцами» вокруг чурбана, воем пилы и дымом от бензина остальных мастеров, что кожей почувствовал недоброжелательность. От переживаний даже заболел и попал вечером в больницу. Заканчивали его работу ученики.

Скульптура изображала старичка, кормящего лебедей. Этой приятной и трогательной композиции организаторы конкурса после его окончания определили место в курилке одной из городских контор. То есть пошли на поводу мнения, что скульптура, вырезанная бензопилой, больше ни на что не годна. Но подобные «подарки» судьбы мастер выносит стойко.

– За бензопилой в деревянной скульптуре большое будущее, – твердо говорит Акимов. И тут же, смеясь, ссылается на собственный опыт. На днях Акимову опять заказали медведя. Так вот, он решил вспомнить прошлое и вытеснять скульптуру топором и стамеской. Своим ученикам так и сказал: дам душа отдохнуть... С удовольствием заточил топор, пригляделся к материалу... И неожиданно для себя с размаху всадил топор в чурбан. Два дня он потратил на этого медведя! А ведь за это время столько дел можно упустить! Вздохнул, достал канистру с бензином, заправил бензопилу, завел ее и запустил в дерево... Два часа – и медведь был готов. Аккуратно убрал мусор, подмел опилки, посмотрел с грустью на топор и... убрал его с глаз подальше, под верстак. ●

БУДНИ МЕТРОТРАМА

АВТОР

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПРОБЛЕМА ТРАНСПОРТНЫХ ПРОБОК, С КОТОРОЙ СТАЛКИВАЕТСЯ ЕДВА ЛИ НЕ КАЖДЫЙ КРУПНЫЙ ГОРОД, НЕ ОБОШЛА СТОРОНОЙ И ВОЛГОГРАД. ОДНАКО ЗДЕСЬ НАШЛИ, ПОЖАЛУЙ, САМОЕ ОРИГИНАЛЬНОЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ЗАГРУЖЕННОСТЬЮ ГОРОДСКИХ ТРАСС, СОЗДАВ МЕТРОТРАМ – СВОЕОБРАЗНЫЙ ГИБРИД ТРАМВАЯ И МЕТРО. ВОЛГОГРАД – ЕДИНСТВЕННЫЙ В РОССИИ МЕГАПОЛИС, ГДЕ МОЖНО УВИДЕТЬ ЭТУТ УНИКАЛЬНЫЙ ВИД ТРАНСПОРТА.

ВОЛГОГРАДСКИЙ МЕТротрам, конечно, всегда привлекал внимание гостей города. Однако строился он не для того, чтобы поразить чье-то воображение и стать приманкой для туристов. Еще в 60-х годах прошлого века пассажирский транспорт Волгограда работал на пределе своих возможностей. Город, отстроенный заново после войны, вытянулся

вдоль Волги более чем на 80 километров. В те годы городской электротранспорт был основным перевозчиком волгоградцев: трамваи и троллейбусы ходили переполненными. Да и на остановках автобусов горожане выстраивались в огромные очереди. Решить эти проблемы могло бы метро, но по существовавшим тогда нормам подземка полагалась только городам, в которых

проживало не менее 1 миллиона человек. До заветной цифры Волгоград недобирал 200 тысяч, и рассчитывать на то, что для города будет сделано исключение, не приходилось. Тогда и родилась идея пустить в Волгограде скоростной трамвай – метротрам. Двигаться он должен был по обособленной от другого транспорта наземной линии, а в центре города нырять под землю, минуя самые загруженные участки волгоградских магистралей.

Авторство этого неординарного замысла народная молва приписывает Георгию Курину, который в то время был заместителем председателя волгоградского горисполкома. Так это или нет, но в середине 60-х проектные институты занялись техническим обоснованием плана создания метротрама. В 1970 году началось строительство наземной линии скоростного трамвая. А шесть лет спустя приехавшие в Волгоград харь-

ковские метростроевцы приступили к сооружению подземных станций и туннелей. Строительство шло нелегко: из-за обилия грунтовых вод плынуны на многих участках пришлось замораживать, иначе работать было невозможно. Вообще, неожиданностей при сооружении подземной линии метротрама хватало. Например, несколько раз строители находили неразорвавшиеся авиабомбы и снаряды, оставшиеся в земле после войны. А однажды наткнулись на старинный погреб, сохранившийся с тех времен, когда город еще назывался Царицын. В погребе, к всеобщему удивлению, лежала целехонькая фарфоровая посуда, словно и не было тех жесточайших боев, которые выпали на долю города и в Гражданскую войну, и в Великую Отечественную.

При строительстве линии метротрама многое пришлось изобретать заново. Так, у трамвая, в отличие от поездов метро, двери расположены лишь с одной стороны. Поэтому чтобы трамвай, входя на станцию, всегда был обращен дверьми к платформе, в начале и в конце подземного участка туннели сделали перекрещивающимися на разных уровнях. Еще одной проблемой стали токосъемные устройства – трамвайные рога. Их высота не была рассчитана на то, что трамваю придется ходить по довольно низким туннелям. Местные конструкторы придумали систему, которая автоматически складывает токосъемники при въезде в туннель и распрямляет их, когда трамвай вновь оказывается на поверхности земли.

Строительство подземной линии скоростного трамвая заняло восемь лет. В ноябре 1984 года волгоградский метротрам приступил к работе. Для города это стало огромным событием. Маршрут скоростного трамвая прошел через четыре района Волгограда – от Тракторного завода на севере до площади Чекистов на юге. Его протяженность составила 13,5 километра, из них 3,5 километра – это под-

Вход на подземную станцию «Площадь Ленина». Чтобы спуститься в подземку, надо прокомпостировать купленный талон

Свет в конце туннеля – это платформа станции «Пионерская»

земные туннели и станции, расположенные в центральной части города. Стать вагоновожатым скоростного трамвая пожелали многие, но на метротрам брали только водителей 1-го класса, с большим опытом работы и с хорошими внешними данными. Трамваи тогда обслуживали в основном женщины, и поговаривали, что водителей для метротрама отбирают, словно стюардесс. А специалистов, которым предстояло работать на подземных станциях и в туннелях, отправляли стажироваться на метрополитены Москвы и Харькова.

Скоростной трамвай оправдал все ожидания своих создателей. От метро он взял высокую скорость передвижения, надежность и комфортабельность, а от трамвая – относи-

тельно низкую стоимость строительства и эксплуатации линии, экономичность. Для запуска метротрама городу не пришлось строить депо и закупать новый подвижной состав: на скоростную линию вышли обычные трамваи, несколько модернизированные под иные условия эксплуатации. Преимущества нового вида транспорта волгоградцы оценили очень быстро, проголосовав за него «ногами» – в первые годы своего существования метротрам перевозил по 100 тысяч человек ежедневно. Сейчас пассажиров скоростной линии стало меньше, многие предпочитают пользоваться личным автотранспортом. Но когда возникает необходимость быстро проехать по городу, минуя пробки, волгоградцы, как и прежде, выбирают метротрам.

ПОДЗЕМНЫЙ ВОЯЖ

Знакомство с линией скоростного трамвая мы начали со станции «Площадь Ленина». Именно здесь в апреле 1976 года экскаватор поднял первый ковш грунта на месте будущего подземного участка метротрама. Станция расположена неподалеку от знаменитого Дома Павлова и Музея-панорамы «Сталинградская битва». Подземный вестибюль ничем не отличается от того, что можно увидеть в мно-

сковском метро. Только на входе вместо привычных турникетов – вертушка. Пройти через нее можно, лишь пробив билет в старомодном компостере.

По лестнице спускаемся к платформе, рядом небольшие эскалаторы, работающие на подъем. Просторная станция накрыта белым сводом. Стены и пол отделаны красным мрамором и гранитом, во время строительства первой очереди камень завозили с Украины. На противоположном конце платформы установлены цветные витражи из литого стекла. Создается впечатление, что перед нами одна из станций московского метро, разве что платформа существенно ниже – рассчитана на высоту подножки трамвая. Это, кстати, стало одной из проблем для работников метротрама: с невысокой платформы любопытствующий пассажир может запросто шагнуть на пути и в туннель, не опасаясь электричества, которое подается не на контактный рельс, как в метро, а на протянутые сверху провода. Поскольку случаи такие были, пришлось на

Виктор Бабко, обладатель уникальной профессии. Он единственный в нашей стране водитель-испытатель трамваев

платформе установить кабинку для дежурного – он постоянно наблюдает за порядком. В туннеле раздается знакомый шум приближающегося поезда, но к платформе подкатывает трамвай, старенькая желто-красная «Татра», такую можно увидеть на улицах едва ли не каждого города России. И тут же с другой стороны на станцию въезжает еще один трамвай.

Этот новый, только недавно сделанный в Санкт-Петербурге специально для скоростной линии Волгограда еще сияет свежей краской и тонированными окнами просторного салона. Пассажиры, привыкшие к своему метротраму, совершенно буднично рассаживаются по трамваям. Для нас же зрелище это весьма необычно. В своем удивлении мы не одиноки – ежегодно взгля-

Старые чешские трамваи «Татра» регулярно проходят технический осмотр и ремонтируются в депо №5

К колесным парам скоростного трамвая предъявляются самые жесткие требования. Поэтому их ремонт и замену приходится проводить довольно часто

нуть на трамвай, который ходит под землей, хотят тысячи туристов, приезжающих в Волгоград. Садимся в трамвай и мы. Нам позволено пройти в кабину, чтобы увидеть линию метротрама глазами водителя. Трамвай входит в туннель, разгоняя фарами мрак и набирая скорость. Мелькают семафоры, мы мчимся вслед за пятном света, но вскоре туннель заканчивается, трамвай подъезжает к платформе и водитель объявляет: «Станция «Комсомольская». Пассажиров здесь немного, и мы успеваем рассмотреть строгое сдержанное оформление зала и белые мраморные колонны, поддерживающие перекрытия. Отправляемся дальше. Впереди станция «Пионерская». Это подземное путешествие короче – платформы «Пионерской» расположены

на эстакаде через реку Царица, лишь часть станционных сооружений встроена в береговой откос. Здесь линия метротрама выходит на поверхность, дальше – одна наземная станция и разворотное кольцо, где трамваи отправляются в обратный путь. На улице трамвай движется так же быстро, как и под землей, – средняя скорость 22 километра в час. Весь свой маршрут он проходит за тридцать минут. Такой скоростной режим вполне безопасен – линия метротрама контролируется автоматической системой, которая остановит трамвай, если его скорость превысила допустимую или если он слишком приблизился к идущему впереди составу. Впрочем, случается такое редко, водители скоростного трамвая люди очень опытные.

У ТРАМВАЯ ДОМА

Занимается обслуживанием метротрама депо №5, куда мы и отправились, чтобы увидеть «трамвайную жизнь», скрытую от глаз обычных пассажиров.

Депо расположилось на окраине города. Здесь трамваи noctуют, здесь же их ремонтируют и готовят к очередным рейсам. В цехах специалисты занимаются тестированием и доводкой новых моделей трамваев, построенных для скоростной линии.

Мы зашли в депо. Вокруг на смотровых ямах стоят трамваи, в основном старые чешские «Татры». Большинству из них около тридцати лет, машины, конечно, выработали свой ресурс, но благодаря постоянной заботе они все так же исправно служат людям. Раз в две недели каждый вагон ставят на техническое обслуживание, моют, осматривают электрическое и механическое оборудование, выполняют необходимый ремонт и замену узлов. Эта каждодневная работа позволила сохранить весь подвижной состав, оставшийся еще с советских времен. Однако ремонт стал обходиться все дороже и дороже. Волгограду нужны были новые трамваи, и они появились. Несмотря на сложности с финансированием, город закупил для скоростной линии несколько современных трамваев, построенных на Петербургском трамвайно-механическом заводе. Они стоят здесь же, невольно привлекая внимание красотой и нарядностью кузова.

Когда мы осматривали один из таких трамваев, нас познакомили с Виктором Бабко, человеком уникальной профессии. Бабко – единственный в России водитель-испытатель трамваев. Испытывал все модели трамваев, которые сейчас эксплуатируются в нашей стране. Последние два года он тестирует питерский трамвай, совместно со специалистами из города на Неве занимается устранением заводских недоработок. О новой машине Бабко рассказывает с удовольствием: «Этот трамвай создавался специально для нашей скоп-

ростной линии, поэтому двери у него сделаны с обеих сторон и предусмотрены две кабины водителя – в головной и хвостовой части вагона. Для такого трамвая разворотное кольцо не нужно, можно обойтись простой системой стрелок. Вместимость салона – 350 человек. Машина очень мощная, динамичная, может разгоняться до 85 километров в час, у нее отличные ходовые качества. И в то же время трамвай не требует больших энергозатрат, прост в обслуживании и ремонте. За последние два года мы совместно с представителями завода довели трамвай до ума, много пришлось заниматься звукоизоляцией, поскольку уровень шума в салоне на подземных участках превышал норму. Сейчас можно сказать, что это один из лучших трамваев в мире, а по соотношению цена/качество ему нет равных». В кабине водителя много электроники, дисплей, на котором отображается состояние всех основных узлов трамвая, видеосистема, позволяющая наблюдать за тем, что происходит внутри салона и на улице, радиотранслятор, кондиционер и калорифер. Напоследок мы спросили Бабко: «А как водители относятся к новому трамваю?» «По-разному, – улыбнувшись, ответил он, – те, что постарше, пока его побаиваются, а молодежь только и мечтает ездить на нем. Но мало-помалу новый трамвай освоят все, ведь на метротраме работают лучшие водители». Об этом мы слышали уже не раз и потому попросили показать нам, как готовят тех, кто решил связать свою судьбу со скоростным трамваем.

В учебных классах депо №2 наглядными пособиями служат различные узлы и агрегаты трамвая

СТАТЬ ВАГОНОВОЖАТЫМ

Кузницей кадров оказалось трамвайное депо №2 – здесь есть технические классы и учебная база, где и обучают будущих водителей трамваев. Небольшие аудитории мало чем отличаются от школьных, только в качестве наглядных пособий – разнообразная начинка трамвайного нутра: колесные пары в разрезе, механизм закрывания дверей, табло, отображающее работу электроцепей. Здесь в течение трех месяцев преподается теоретическая часть. Затем после сдачи экзаменов ученики допускаются к вождению на учебном трамвае под присмотром инструктора. Эти занятия делятся еще почти два месяца и тоже заканчиваются сдачей экзаменов в школе, а затем в ГАИ.

Но, получив удостоверение водителя 3-го класса, новоиспеченные вагоновожатые не сразу отправляются в самостоятельный маршрут,

рейс с инструктором. Такая стажировка предусматривает более двухсот часов вождения, лишь после этого водителю доверяют управлять трамваем без чьей-либо опеки. Тем, у кого в течение года на маршруте не было происшествий и аварий, предоставляется право повысить квалификацию. Снова соискателя ждет череда занятий и экзаменов, а после успешного преодоления всех испытаний – заветные права водителя 2-го класса. Получить же удостоверение водителя 1-го класса и выйти на маршрут на линию скоростного трамвая можно только по прошествии еще трех лет безупречной работы. Несмотря на столь непростую систему обучения, желающих стать водителями трамваев немало. Ежегодно учиться в депо №2 приходят свыше 80 человек, более половины из них отсеиваются. Однако с пуском второй очереди скоростного трамвая потребность в новых водителях возрастет.

Финансовое благополучие волгоградского скоростного трамвая обеспечивают хрупкие женщины – кондукторы

ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ

Продление линии скоростного трамвая к южным районам города – давняя мечта волгоградцев. Сооружать новую трассу начали в 1984 году, за пять лет успели пройти 4 километра туннелей, но в начале 90-х финансирование строительства метротрама было практически прекращено. Денег хватало лишь на то, чтобы поддерживать построенные подземные сооружения. Вынужденный простой длился почти десять лет. Лишь в 2003 году строители вновь приступили к работе. Долгожданная новая линия метротрама приняла первых пассажиров в декабре 2011 года. Город получил еще три подземные станции – «Профсоюзная», «ТЮЗ» и «Ельшанка». Специально для работы на этом участке скоростной линии было закуплено 9 петербургских трамваев. Ездят они пока с довольно большим интервалом – около десяти минут. Но в 2012 году трамвайный парк вырастет, появится еще 16 новых составов, и тогда в часы пик пассажирам метротрама придется ждать транспорт не более двух-трех минут.

«Площадь Ленина» – одна из станций волгоградского метротрама. С нее началось строительство подземной линии скоростного трамвая

Однако на этом история волгоградского скоростного трамвая не заканчивается. В планах – строительство третьей очереди линии метротрама протяженностью 7 километров. Она дойдет до Волгоградского государственного университета и свяжет пять из восьми районов города. От того, насколько успешно будет развиваться волгоградский

метротрам, во многом зависит судьба всего электротранспорта России. Ведь еще совсем недавно бытовало мнение, что этот вид пассажирских перевозок себя изжил, и дело шло к полному отказу от трамваев и троллейбусов. А сейчас о строительстве линий скоростного трамвая задумываются в Екатеринбурге, Саратове, Барнауле, Новосибирске. ☀

Александра
Лаврильер в
организованной
ею в 2005 году
кочевой школе
в Амурской
области

МАРК ЛАЦЕЛЬ

ЯКУТСКИЙ УРОК

АВТОР

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

1,5 МИЛЛИОНА КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ – ЭТО ПОЛОВИНА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ. И НА ЭТОМ ОГРОМНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОДАМИ КОЧУЮТ 4 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК, ГОВОРЯЩИХ ПОМИМО РУССКОГО НА ПЯТИ ЯЗЫКАХ. НИГДЕ В МИРЕ НЕТ СТОЛЬ СЛОЖНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ, И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПРОБЛЕМУ УДАЛОСЬ РЕШИТЬ БЛАГОДАРЯ ПОЯВЛЕНИЮ ОСОБЫХ КОЧЕВЫХ ШКОЛ.

У СТАНОВИВШАЯСЯ в 20-х годах XX века в Якутии советская власть к вопросу по- дошла решительно: дети малых народностей должны получать приличное образование. Для этого в Москве было пробито финансирование на создание в Якутии школ-интернатов. Но казавшаяся здравой идея обернулась психологической травмой для целых поколений якутских,

эвенкийских и чукотских детей: жизнь в интернатах превращала их в «чужих среди своих». Сотни лет потребовались их предкам, чтобы выработать особый уклад, позволяющий выживать в условиях, когда колебания температур достигают за год 100 градусов. Умение развести огонь в сильную пургу; навыки общения с оленями, когда кажется, что человек понимает язык животных; фантастический охотни-

чий инстинкт; установка юрты за 20 минут – всему этому невозможно научить за время школьных каникул. Но терялись не только особые навыки, но и сами языки. А ведь северных народностей насчитывается не так уж мало: 420 тысяч якутов, 200 тысяч – других национальностей. Ну а если добавить племена из Канады и Аляски, то получится почти миллион человек. Эти люди столетиями передавали свой опыт детям, но после обучения в интернатах стало ясно: еще несколько десятилетий – и вместо самобытного мира якутской тундры останутся унифицированные поселки с жителями, не говорящими на языке своих предков и не умеющими выживать вместе с оленевыми стадами. Неизвестно, лучше это или хуже, но это была бы уже совершенно другая Якутия – без оленевых стойбищ, без метких охотников, без сноровистых рыбаков, а значит, и без целого пласта народной культуры.

ЕЛЕНА БАЙШЕВА

Нельзя сказать, что проблемы оторванности детей от «кочевых семей» в Советском Союзе не замечали. Но при многих плюсах советской системы образования она все-таки была очень унифицированной. Как ни странно, но именно постперестроечное время, эгоистичное и индивидуалистическое, дало возможность осуществиться, казалось

бы, утопической мечте коренных малочисленных народов Севера Якутии об открытии кочевых школ.

Более того, именно якутский опыт теперь является в своем роде самым прогрессивным в мире, если говорить об обучении детей, оторванных от каких-либо населенных пунктов. А таких на земном шаре немало: кочующие

Кочевая школа в зимовье на базе оленеводческого стада №8 СХПК «Искра»

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

африканские племена, дети бедуинов в пустыне, маленькие индийские общины... Благодаря посредничеству ЮНЕСКО якутский «передовой опыт» стал полноправной частью мировой образовательной системы.

КОЧЕВАЯ ЖИЗНЬ

Начиналось же все на энтузиазме. Энтузиазм родителей, чьи дети остаются в кочевьях, можно легко понять. Но были в процессе организации кочевых школ и совершенно неожиданные люди. Например, француженка Александра Лаврильер. Получив в Париже этнографическое образование и изучив русский язык, она решила совершить свою первую экспедицию в Россию, на Крайний Север. В кочевьях она провела в общей сложности восемь лет. Теперь Александра говорит на эвенкийском и эвенском языках и в состоянии выжить при минус 50. И если якутская закалка вряд ли пригодится в современном уютном городе, то «столичные замашки» оказались неожиданно очень востребованными при организации кочевых школ. Любой парижанин знает, что Европа заполнена самыми разнообразными благотворительными фондами, которые периодически устраивают конкурсы на свои грантовые программы. Попытка не пытка: Александра Лаврильер написала на конкурс «Ролекс Награждение: предпринимательский дух». И выиграла грант. Похоже, в этом случае все вернулось к истокам – к слову «предпринимать», то есть затевать, решаться, а не зарабатывать деньги.

Предпринимать действительно пришлось немало. Сначала по просьбе эвенкийских племен Александра составила «логистику» обучения. Маршруты преподавателей зависят от того, насколько близко находятся родовые племена друг от друга. Нужно помнить, что «очень близко» – это, по якутским представлениям, день езды. День в пути – значит, учитель может перемещаться между

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

стойбищами, а в его отсутствие родители должны будут проконтролировать выполнение оставленных им заданий. Если же родовые общинны удалены друг от друга на большее расстояние, то тактика меняется. Тогда приходится искать учителя даже для пяти детей, а, кроме того, в стойбище должны приезжать и преподаватели по некоторым специальным предметам.

Как говорит министр образования Якутии Афанасий Владимиров, на все среднее образование в республике, где проживает около миллиона человек, тратится 16 миллиардов рублей. Из них на кочевые школы – 200 миллионов. Учитывая, что в них обучается 130 детей, распределенных по 13 кочевым школам, понятно, насколько данная система затратна для бюджета. Чего только стоят перевозки детей в летние школы или учителей в стойбища на вертолетах! Тем не менее Республика Саха (Якутия) идет на эти траты, ведь в противном случае она потеряет целую отрасль экономики – оленеводство.

Если уж речь зашла о цифрах, то стоит поинтересоваться и зарплатой учителей в кочевых школах. Она составляет около 30 тысяч рублей. К этому нужно прибавить выделяемые в поселках квартиры и полное обеспечение в самой родовой общине. Но и от учителей требуется немало. Помимо знаний по несколь-

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ким предметам учитель должен уметь поставить палатку, управляться с олеными упряжками или снегоходом «Буран», подключить мини-электростанцию или зарядить солнечные батареи. Да-да, именно от солнечных батарей работают компьютеры в кочевьях. При этом большинство учителей в кочевых школах – женщины. И как тут удержаться от того, чтобы не перефразировать знаменитую строчку Некрасова и не пошутить: «оленя на скаку остановит»? Но министр образования на сей счет шутить не намерен: «Никого на скаку останавливать не нужно. Нужно ежедневно обеспечивать нормальные условия

для обучения детей. Скажу, что мы просто боготворим тех, кто у нас работает в кочевых школах». Есть, конечно, и учителя-мужчины. Одного из первых «кочевых учителей» пришлось очень долго уговаривать, поскольку он считал, что над ним будет смеяться вся община. Ему клятвенно обещали во всем помочь, только бы детей от родителей в интернаты не отправлять. Прошел всего год, и учитель настолько втянулся в кочевую жизнь, что стал вполне сносным охотником. Одна только проблема: этот учитель до сих пор не женат. Хоть конкурс объявляй: образованный, непьющий, да еще и добытчик!

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ОБЩИННЫЕ ПРАВИЛА

Первые кочевые учительские чумы появились в Якутии еще в начале становления советской власти, первые кочевые школы – в 90-е годы. А в 2006 году местные педагоги получили поддержку специальных образовательных программ ЮНЕСКО. Нужно сказать, что учителям во все не делают скидок по уровню подготовки их учеников. Два раза в год дети проходят проверку в поселковых школах, так что имитировать процесс обучения в стойбище не получится. Но никто этого и не пытается делать. Зачем выбирать себе столь непростую профессию, жить на глазах у родителей детей и подвести их доверие? Учителя кочевых школ уже успели убедить вначале скептически настроенных «стационарных» коллег в уровне знаний своих учеников. Бывает и так, что необходимость давать образование своим детям заставляет менять про-

фессию. Одна из молодых мам с двумя дочерьми решила попробовать себя на учительском по-прище. И на проверке в поселковой школе выяснилось, что ее дети показали лучшие знания, чем их одногодки, спокойно ходящие каждый день в обычную школу и не перемещающиеся по тайге вслед за стадом оленей. Одна из ее дочерей, пятилетняя крошка, на экзамене бойко читала по-русски и по-эвенкийски, умиляя педагогов из поселковой школы. Но эта первая проверка имела принципиальное значение не только для детей, но и для самой мамы-учительницы. Женщина поверила в себя и решила получить педагогическое образование. Любому человеку в родовой общине нужно «быть», а не «казаться». Учителя здесь не исключение. В большом городе зачастую забывают о личной ответственности, а в замкнутом коллективе, который живет в столь непро-

стых условиях, все человеческие качества проявляются предельно ясно. Высоцкий пел о том, что, чтобы понять человека, нужно подняться с ним в горы. Вполне можно изменить этот критерий и сказать: или провести зиму в тундре. Ответственность, взаимовыручка, мужество – качества, воспринимающиеся в наше время как исключительные в других «широтах», при минус 50 являются основой выживания.

Дети в Якутии взрослеют быстро. И, воспринимая навыки кочевой жизни от родителей, а современную науку – от учителя, они не теряют главного: удивительно целостной и открытой натуры. Нельзя предавать, нельзя делать свою работу впол силы, нельзя хитрить и не делиться с ближним. А когда рядом люди, всю жизнь исповедующие именно эти принципы, то и самой суровой природе Крайнего Севера не под силу победить родовую общину. ■

ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?

АВТОР

ВЕРА ТАЛАЕВА

ТРЕХКОМНАТНАЯ КВАРТИРА В ЦЕНТРЕ МЕГАПОЛИСА, ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ, ДВА АВТОМОБИЛЯ НА СЕМЬЮ, ВОЗМОЖНОСТЬ ОТДЫХАТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ ПАРУ РАЗ В ГОД – ТАКИЕ УСЛОВИЯ СЕГОДНЯ СТАВЯТ ТЕ, КТО НАХОДИТСЯ В САМОЙ ЗОЛОТОЙ ПОРЕ, ЧТОБЫ СТАТЬ РОДИТЕЛЯМИ. ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЭТОГО – ДЕТИ.

Удивительно, как легко мы убеждаем самих себя в верности того или иного суждения. Например, молодой специалист без солидного опыта непременно вспомнит в резюме каждый день своей трудовой деятельности, обозначив начало карьерного пути в самых возможных датах... Юные первоклашки будут наперебой хвастать друг перед другом, как давно они научились читать. В попытках оказаться лучше своих «конкурентов» зазнайка пойдет на изощренные преувеличения и обозначит возраст, в который он, скорее всего, просто случайно произнес «мама», сидя перед листочком с написанным словом.

Для нас зачастую начало кроется там, где это удобно, а не там, где оно действительно совершается. Семья, не запланировавшая ребенка, скажет, что нет ничего плохого в том, чтобы сделать аборт на ранних сроках, ведь жизнь начинается с момента рождения, а пока... это всего лишь набор клеток, который человеком станет совсем не скоро. При этом никто не назовет так ребенка желанного и запланированного, ведь мама и папа уже представляют, что он будет чемпионом мира или большим ученым.

НЕ ПОХОЖ НА ЧЕЛОВЕКА, А ЧЕЛОВЕК!

Тех, кто считает, что заводить ребенка семья должна лишь после того, как обзаведется всеми «необходимыми благами», сегодня слишком много. В спорах на интернет-форумах, в дискуссиях на различных общественных площадках и в частных беседах они кричат о праве выбора женщины и демонстрируют картинки из школьных учебников, где эмбрион человека, по их мнению, ничем не отличается от зародышей гораздо более простейших существ. Они говорят о том, что все прогрессивное человечество спокойно относится к abortu, сделанному в достойных медицинских условиях. На возражения церкви они махнут рукой, да и любого несогласного запишут в ряды консерваторов, ретроградов и просто «темных» людей. Сами они – сторонники исключительно научных подходов к любому вопросу... Но в 1993 году профессора кафедры эмбриологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Владимир Голиченков и Дмитрий Попов в результате исследований пришли к выводу: жизнь человека начинается с момента слияния ядер мужской и женской половых клеток. Во время всего

ЛЮДМИЛА ГАРБУЗ

срока внутриутробного развития новый человеческий организм не может считаться частью тела матери. Поэтому очевидно, что аборт на любом сроке беременности является намеренным прекращением жизни человека.

Когда мы представляем себе маленького человека в утробе, который в первые недели и весит всего несколько граммов, мы зачастую недооцениваем уровень его развития. Во всех смыслах и планах. На четвертой неделе у зародыша намечаются зачатки уха и глаза, начинает формироваться пищевод и соуды органов чувств. Еще через три недели станут развиваться даже веки, а на восьмой неделе можно увидеть зачатки пальцев. В 12 недель – время, до которого женщина может по желанию прервать беременность, – малыш уже двигает глазными яблоками, глотает, сосет большой палец, реагирует на звуки,

ТАМАРА АНДРЕЕВА

бодрствует и спит. У него уже появляются ногти и функционируют все системы организма. Он реагирует на мамины эмоции и выказывает вкусовые предпочтения.

Между тем, по социальным же показаниям, аборт в России произведут вплоть до 22-й недели, а ведь детей такого возраста врачи уже умеют выхаживать.

Но главное не в цифрах и параметрах, а в тех чувствах, которые испытывает человек, которому не суждено появиться на свет. В 1984 году известный американский абортмахер доктор Натансон впервые на ультразвуковом экране увидел движения ребенка в утробе матери. При аборте изображение ребенка резко изменилось, и малыш открыл рот как будто в страхе. На глазах у шокированного Натансона ребенок погиб в считанные минуты. После этого врач стал одним из лидеров борьбы против аборта.

РАВНЕНИЕ НА ЗАПАД

Конституция Российской Федерации момент начала человеческой жизни скромно обходит молчанием, «награждая» основными человеческими правами лишь новорожденных. «Увидит» ли российское право тему появления человека во всей глубине – вопрос открытый. Между тем любимые многими «западные образцы» у нас есть.

Ряд международных документов провозглашает, что человеческая жизнь начинается еще до появления ребенка на свет. Например, Декларация прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1959 году, указывает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Американская конвенция утверждает право человека на уважение к его жизни, как правило,

с момента зачатия. Такой же нормы придерживаются Основные законы некоторых стран-членов ЕС – Чешской и Словакской Республики, Германии, Италии, Польши, Ирландии.

В октябре 2011 года Европейский суд признал, что человеческая жизнь начинается с момента зачатия, определив, что оплодотворенную человеческую яйцеклетку уже надо считать человеком, и запретил любые евгенические эксперименты и манипуляции с эмбриональными стволовыми клетками человека. А 1 января 2012 года к ряду стран, признающих жизнь человека с момента зачатия, присоединилась Венгрия. Там вступила в силу новая редакция национальной Конституции.

Почему мы не в их числе? Может быть, большинство из нас – ярые сторонники аборта? Напротив, впору устраивать народный референдум по этому вопросу. В ноябре 2011 года Агентство соци-

альных технологий «Политех» по заказу Общественной палаты РФ провело исследование «Религия в российском обществе. Традиционные и либеральные взгляды», в ходе которого были опрошены 1800 человек старше 18 лет в 149 городах 74 субъектов РФ. Выяснилось, 63 процента граждан России считают, что человеческая жизнь начинается с момента зачатия, и только 33 процента называют началом жизни день появления малыша на свет. При этом первой точки зрения придерживаются большинство женщин (74 процента) и половина мужчин (50 процентов). С ними солидарны более двух третей верующих вне зависимости от их религиозной принадлежности и свыше половины неверующих. Аналогичный опрос проводился Фондом общественного мнения в январе 2010 года по инициативе Синодального отдела по делам молодежи РПЦ. Опрос 2 тысяч человек показал: 70 процентов «согласны» и «скорее, согласны» с утверждением, что жизнь человека начинается с момента зачатия. «Скорее, несогласными» оказались 12 процентов респондентов, еще 18 процентов «в чем-то согласны, в чем-то нет».

«Говорящие» цифры удивляют. Почему абортная индустрия имеет такую «успешную» статистику, когда большинство из нас понимает: речь идет о живых людях?

МАТЕРИНСТВО СВЯТО

Шесть лет назад общественная организация «Центр национальной славы» разработала программу «Святость материнства», проекты которой направлены на формирование в обществе отношения к материнству, отцовству и детству как к величайшим ценностям. Проект «Конкурсы» для детей и взрослых, «Волонтер» – для молодежи, готовой к социальному служению, проект «СМИ»... Но, пожалуй, особый в этом ряду – «Ты не одна» – проект для женщин, которых можно уберечь от самой большой ошибки, и для тех, кто еще даже не появился на свет. Его суть – профилактика абортов че-

СВЕТЛНА БУРИНА

рез психологическое консультирование женщин, решившихся на прерывание беременности. Более 60 процентов абортов в нашей стране совершается по причинам психологического характера – страхи, неуверенность в партнере, давление родственников или желание пожить для себя. Иногда для преодоления этих барьера с женщиной достаточно поговорить и вместе разобраться, чего же она на самом деле хочет. Она еще сама боится себе в этом признаться, но она – уже мама. Проект стартовал с Сибири – первый психолог в 2007 году начал работать в женской консультации Красноярска, и результаты не заставили себя долго ждать: около 15 процентов проконсультированных женщин принимали решение в пользу рождения. А 13 января 2008 года на свет появился первенец проекта – маленький Глеб, без которого уже не представляют своей жизни его родные и близкие. Летом 2009 года психологи, пройдя программу обучения по доабортному консультированию, появились во всех женских консультациях города. А спустя некоторое время опыт стал применяться и в других регионах – Кургане, Рязани, Смоленске, Вологде, Новосибирске. Итог этой непростой и кропотливой работы – более 1500 спасенных жизней. Самые настоящие Пети, Вани, Маши, Полины, Марины и Сережи. «Даже если бы мы сохранили только одну жизнь, – говорит автор и руководитель всероссийской програм-

мы «Святость материнства» Андрей Коченов, – эта работа уже была бы проделана не напрасно». Много ли это – 1500 человек? 50 укомплектованных школьных классов, большая деревня, огромное предприятие, пассажиры нескольких самолетов, жители одного района. Кто все эти люди – большой вопрос. Может быть, ваши внуки и племянники, дети ваших соседей или будущие общественные деятели – писатели, художники, артисты. История любого большого человека начинается с младенческой слабости, с детской кроватки и пеленок, с маминых объятий.

Известен и весьма показателен в этом смысле простой вопрос. Представьте, вы знакомы с беременной женщиной, которая уже имеет 8 детей. Двое из них – слепые, трое – глухие, один – умственно недоразвитый, сама она больна сифилисом. Посоветуете ли вы ей сделать аборт? Да? Вы только что убили Людвига ван Бетховена.

Сколько удивительных человеческих судеб было загублено одним неправильным решением. Давайте лишь на минуту представим, сколько людей затронуло нерождение одного человека. Кому-то он не станет другом или братом, кому-то не поможет перейти через дорогу, он уже никогда не напишет удивительных стихов и не станет прекрасным учителем для десятков учеников, не спасет сотни жизней, будь он прекрасным врачом. Давайте хотя бы на секунду представим, что это могли бы быть мы. ☩